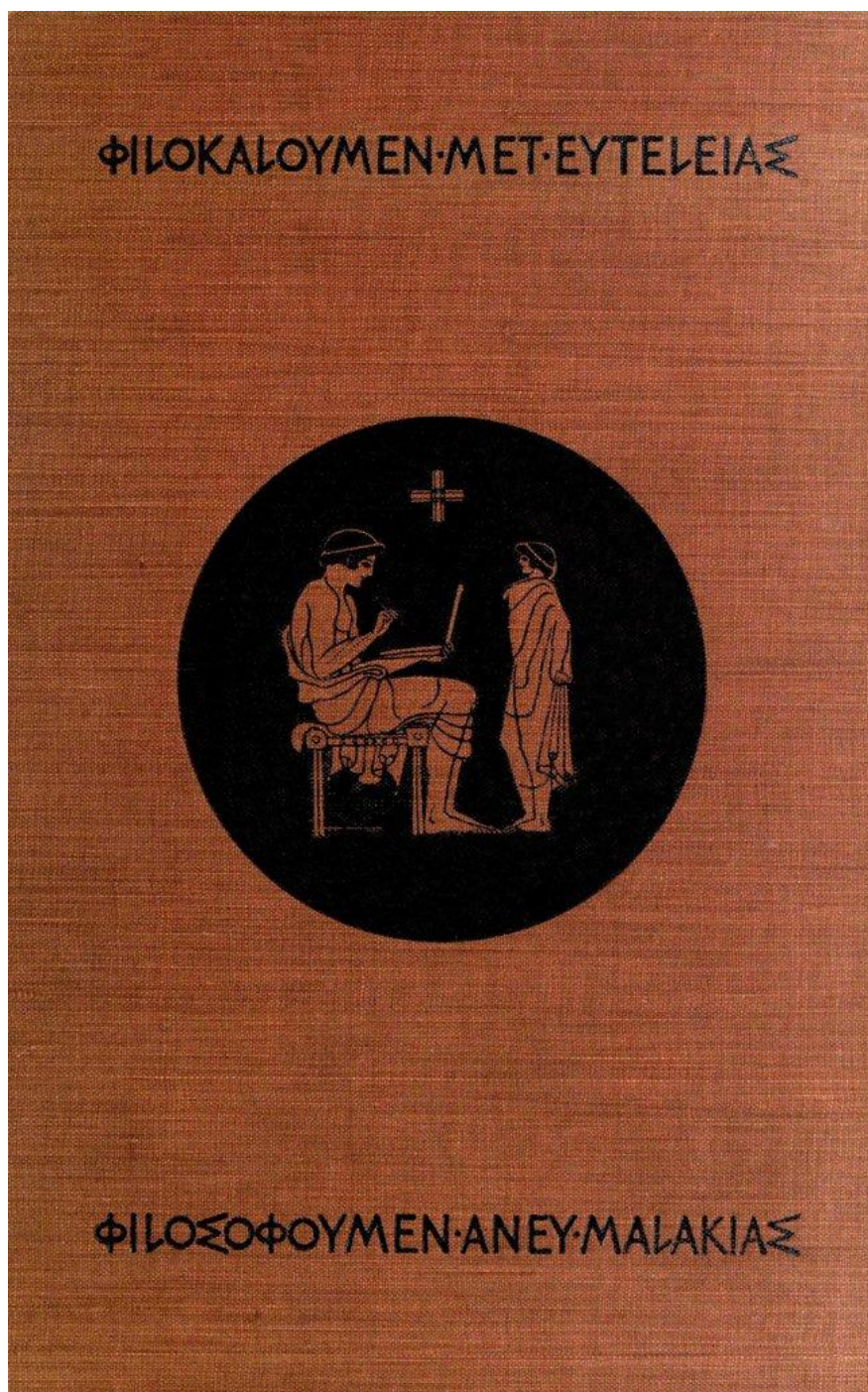

Школы Эллады. Очерк практики и теории древнегреческого образования с 600 по 300 г. до н.э.

Кеннет Дж. Фриман

The Project Gutenberg eBook of Schools of Hellas.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Школы Эллады

Автор: Кеннет Дж. Фриман

Автор введения и т. д.: А. В. Верралл

Редактор: М. Дж. Рендалл

Дата выхода: 5 ноября 2020 года [eBook #63644]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Кэрол Браун, Тургутум Динчером и командой Online Группа распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK SCHOOLS OF HELLAS ***

ШКОЛЫ ЭЛЛАДЫ

ЭССЕ О ПРАКТИКЕ И ТЕОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В ШКОЛЕ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ
С кулича Евфрония, хранящегося в Лувре.
Хартвиг "Мейстершалены", пластина 53.

Школы Эллады

ОЧЕРК ПРАКТИКИ И ТЕОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С 600 ПО 300 ГОД ДО Н.Э.

КЕННЕТ ДЖ. ФРИМЕН

УЧЕНЫЙ ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА, КЕМБРИДЖ; СТИПЕНДИАТ УНИВЕРСИТЕТА БРАУНА;
СТИПЕНДИАТ УНИВЕРСИТЕТА КРЕЙВЕНА; МЕДАЛИСТ СТАРШЕГО КАНЦЛЕРА И ДР.

EDITED BY

М. ДЖ. РЕНДАЛЛ

ВТОРЫМ МАГИСТРОМ ВИНЧЕСТЕРСКОГО КОЛЛЕДЖА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ А. В. ВЕРРАЛЛА, Litt.Doc.

ILLUSTRATED

Лондон

MACMILLAN AND CO., Limited

НЬЮ-ЙОРК: КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН

1907

Все права защищены

ΦΙΛΟΚΑΛΟΙΣ

ΚΑΙ

ΦΙΛΟΣΟΦΟΙΣ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемая здесь диссертация была написана покойным мистером К. Дж. Фрименом в течение года после получения степени бакалавра искусств в Кембридже с целью выдвижения его кандидатуры на получение стипендии Тринити-колледжа, для чего по правилам колледжа необходимо было написать несколько оригинальных работ. Летом 1906 года, за три месяца до осенних выборов того же года, его блестящая и многообещающая карьера была прервана смертью.

Несколько весомых суждений побудили нас опубликовать работу в том виде, в каком она осталась; по моему мнению, она не требует никаких извинений. Конечно, в сложившихся обстоятельствах она неполна и в некоторых отношениях незрелая. Но, в пределах допустимого, исполнение адекватно практическим целям; и фактическое достижение имеет существенную ценность, не зависящую от каких-либо личных соображений. Ни одна английская книга, возможно, ни одна из существующих, не охватывает ту же почву и не объединяет так удобно материалы для изучения предмета древнегреческого образования - образования, рассматриваемого на практике и в теории в самый плодородный и характерный век Эллады. Было бы прискорбно, если бы этот полезный, хотя и предварительный, труд был потерян и подавлен только потому, что автору было предписано не строить на своем собственном фундаменте.

Новизну взглядов он отвергал; но он утверждал, с очевидной правдой, что работа не из вторых рук, а основана на широком и непосредственном изучении источников, которые доступны благодаря многочисленным ссылкам.

В одном отношении эта тема особенно подходит для юношеской руки. Пожалуй, ни в какое другое время у человека не может быть более свежих и живых впечатлений о воспитании, чем тогда, когда он сам только что перестал быть учеником, когда он только что завершил

подчиненные этапы долгой и напряженной самовоспитания. Не раз можно заметить, что автор не довольствуется чисто историческим аспектом своей темы, а предлагает критические замечания и даже практическое применение. Может показаться, что эти замечания по вопросу, имеющему все большее значение, ни в коем случае не менее заслуживают внимания, поскольку автор, говоря о школьнике и студенте, несомненно, является подлинным свидетелем.

Но, как я уже сказал, эта работа будет достаточно интересна тем, кто интересуется данной темой, хотя бы как конспект фактов, изложенных в упорядоченном порядке и в простом и доходчивом стиле.

В мою задачу не входит выражение личных чувств. Но я не могу оставить эту книгу, первый и единственный плод классических исследований Кеннета Фримена, без слов глубокой скорби о преждевременной потере благороднейшего сердца и энергичного ума. Он был тем, кого учитель может смело хвалить, не подозревая о пристрастности; ибо, каким бы он ни был, он не был простым продуктом уроков, как в достаточной мере показывает это его первое сочинение. Оно не такое, каким бы он его сделал; но оно его собственное, и оно достойно его.

А. В. ВЕРРАЛЛ.

Тринити-колледж, Кембридж,

Январь 1907 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКТОРА

Мне выпало редактировать это эссе, первую и последнюю работу Кеннета Джона Фримена, блестящего молодого стипендиата Винчестерского колледжа и Тринити-колледжа в Кембридже, чья короткая жизнь оборвалась летом 1906 года.

Он родился в Лондоне 19 июня 1882 года, а умер в Винчестере 15 июля 1906 года, - короткий промежуток в двадцать четыре года, большая часть которых прошла в упорном стремлении к истине и красоте, как в литературе, так и в книге природы, но прежде всего среди классиков.

Ученые традиции и интересы он унаследовал в немалой степени: он был сыном мистера Г. Брока Фримена, члена канцелярской коллегии адвокатов, выпускника классического Тринити-колледжа в Кембридже, и внуком Филипа Фримена, архидиакона Эксетера, который сам был стипендиатом того же великого фонда, стипендиатом университета Крейвена и старшим классиком в 1839 году. Он также был правнуком преподобного Генри Херви Бейбера, в течение многих лет главного библиотекаря Британского музея и редактора *editio princeps* Александрийского кодекса. От них он унаследовал страсть к изучению классики, острое чувство формы и целеустремленное стремление к знаниям, которое ничто не могло ошеломить, даже повторяющаяся тень долгой и мучительной болезни.

Через свою мать, дочь доктора Горация Добелла с Харли-стрит в Лондоне, он был также правнучатым племянником поэта Сиднея Добелла; таким образом, он вполне мог получить то поэтическое чувство, которое отличало ряд стихов, найденных среди его бумаг, которые были напечатаны для частного распространения.

Его школьная и университетская карьера была неизменно успешной. В Винчестере он получил призы по многим предметам и нескольким языкам, а в шестнадцать лет стал обладателем стипендии Годдарда, голубой ленты интеллекта.

В Кембридже он был университетским стипендиатом Брауна в 1903 году, а в 1904 году - в первом "дивизионе" классического трипоса, в этом же году он получил стипендию Крейвена. В следующем году ему досталась медаль старшего канцлера.

Нет необходимости перечислять другие его отличия, но эпиграмма, с которой он получил медаль Брауна в 1903 году, так прекрасна сама по себе и так верно характеризует мальчика и мужчину, что я склонен процитировать ее здесь:

ξεῖνε, καλὸν τὸ ζῆν καταγώγιόν ἐστιν ἅπασιν
νηπιτίους γὰρ ὁμῶς νυκτιπλανεῖς τε φιλεῖ.
δῶρα χαριζόμενον φιλίας καὶ τερπνὸν ἔρωτα
καὶ πόνον εὐάνδρον φροντίδα τ' οὐρανίαν-
τροχόμενους δ' ἤδη κοιμᾷ τὸν ἀκήρατον ὕπνον
πέμπει δ' ὥστε λαθεῖν οἱ κάδ' ἐληλυθότας.

Он всегда был оптимистом, считал жизнь "справедливой Инн", которая дарит много хорошего настроения. Застенчивость и нездоровье печально ограничивали круг его друзей, но не его способность и стремление к "дружбе". "Мужественный труд, как физический, так и интеллектуальный, был дорог его душе: так, хотя он не был великим спортсменом, он был ярым волонтером как в школе, так и в колледже, и заявил, что, если бы он не выбрал профессию учителя, он хотел бы быть солдатом: он пишет о Спарте и Ксенофонте с явной симпатией. Кроме того, он сражался и побеждал во многих интеллектуальных битвах, преодолевая огромные трудности; вот один пример: он писал документы для своей стипендии Крейвена, находясь на излечении в своей старой детской. Его стихи, чтобы завершить параллель, можно по праву назвать "устремленными мыслями" необычайно чистого и благоговейного сердца.

Это простая, незамысловатая летопись: шесть счастливых лет в качестве стипендиата Винчестера; три года в качестве стипендиата Тринити-колледжа в Кембридже; один год путешествий и учебы, в основном посвященный предмету образования, который всегда имел для него особую привлекательность; и, наконец, один год, самый счастливый в его жизни, когда он вернулся преподавать в свою старую школу.

Все казалось светлым и многообещающим; он выполнял желаемую работу в выбранной им школе, здоровье и бодрость, казалось, полностью восстановились, и перед ним лежала напряженная жизнь винчестерского мастера, когда острый приступ старой беды, перенесенный с идеальным терпением, оборвал его в самом расцвете сил.

Затем, цитируя его собственный перевод эпиграммы:

Когда я был страшен, последний и лучший

Они дали мне без снов покой;

И отправили меня в путь, чтобы я пришел

Неведомый, неведомый, домой.

Сама работа так и не была закончена для печати; более того, некоторые главы, посвященные Сократу, Платону и Аристотелю, показались нам недостаточно полными, чтобы оправдать публикацию: поэтому мы их утаили. Но эта книга по сути является тем, что он оставил, и он полностью осознавал, что опущенные главы нуждаются в дальнейшей переработке.

В любом случае, редактирование этой диссертации было бы для меня трудом любви; но труд был облегчен на каждом шагу благодаря бескорыстной помощи и дружбе многих ученых. Доктор Верралл, помимо предисловия, дал много советов в целом и в деталях; доктор Сэндис пересмотрел гранки и предоставил мне свои обширные знания по предмету; доктор Генри Джексон просмотрел некоторые из поздних глав и обсудил моменты, представляющие общий интерес. Кроме того, первоначальный вариант "Эссе" или гранки были пересмотрены с разных точек зрения мистером Эдмундом Д. А. Морсхедом, покойным стипендиатом Нью-колледжа в Оксфорде, и мистером Ф. М. Корнфордом, стипендиатом Тринити-колледжа в Кембридже. Мистер Г. С. Фримен (брат автора) отвечает за указатель, а мистер У. Р. Х. Мерриман потратил много сил на проверку многочисленных цитат. В некоторых случаях на помощь приходила эрудиция доктора Ф. Г. Кеньона. Всем им я выражаю искреннюю благодарность. Мистер А. Гамильтон Смит из Британского музея оказал большую помощь в идентификации ваз, с которых сделаны иллюстрации. Автор, который был значительным рисовальщиком, рисовал сцены с греческих ваз своей собственной рукой; но, конечно, наши иллюстрации взяты из опубликованных репродукций, за двумя исключениями. Две сцены с ваз Британского музея (иллюстрации III и IV) были специально нарисованы для этой книги: они никогда ранее не воспроизводились. Я должен поблагодарить синдикат Питт Пресс в Кембридже за любезное разрешение воспроизвести репродукцию учебной вазы Дуриса с сайта Dr. Sandys' History of Classical Scholarship. Дизайн обложки этого тома также адаптирован с этой вазы.

Остается добавить несколько предложений из заявления, которое автор составил сам:

"Я, - говорит он, - в течение нескольких лет ограничивал свое внимание в основном оригинальными текстами и избегал помощи комментариев". Это будет очевидно для читателя.

"Что касается общепринятых толкований, то я намеренно и принципиально не читал и не слышал их, поскольку хотел, следуя велению самого Платона, не принимать беспрекословно авторитет тех, кого слушать - значит верить, а развивать собственные взгляды и толкования. Ибо я всегда считал, что образование сильно страдает от изучения книг о книгах, а не от изучения самих книг. Книга М. Поля Жирара на французском языке (*L'Éducation Athénienne*) и книга Грасбергера на немецком языке (*Erziehung und Unterricht im klassischen Alterthum*), последнюю из которых я прочитал лишь частично, навели меня на след авторитетов, которых я иначе не заметил бы, но я считаю, что мои благодарности в тексте и в примечаниях полностью покрывают мои прямые обязательства перед ними в других отношениях, хотя мои косвенные обязательства перед стимулирующей книгой М. Жирара, которые велики, остаются невыраженными.

"Возможно, следует извиниться за своеобразное и не вполне последовательное написание греческих слов. Я намеревался использовать латинизированное написание. Но когда я дошел до написания Lyceum, Academy и pedagogue, мое сердце меня подвело. Ведь я не хотел предлагать современные музыкальные залы, современное искусство и, что хуже всего, современную "педагогику". Приняв старинное написание, я был на стороне Браунинга. Но когда я снова написал Thoukudides, сердце мое упало, ибо я с трудом узнал старого друга в таком обличье. Поэтому я решил, возможно, слабо, выбрать средний путь и сохранить латинизированные формы в случае более знакомых слов. Таким образом, я поставил Plato, но не Platon, а Menon и Phaidon". Мы в основном придерживались этого принципа; вряд ли стоит говорить, что Lakedaïmon - это транслитерация греческого слова: Lacedaemonian - английское прилагательное. Таким образом, гражданин Тройзена - троезенец, а гражданин Беотии - беотиец. "Я, - заключает автор, - предпочитаю *Элладу и эллинов Греции и грекам*. Ибо роза под любым другим именем не всегда пахнет так же сладко".

М. ДЖ. РЕНДАЛЛ.

Винчестерский колледж,

Март 1907 г.

СОДЕРЖАНИЕ

PAGE

Библиография	xvii
Введение	1

ЧАСТЬ I

ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВА I

Спарта и Крит	11
---------------	----

ГЛАВА II

Афины и остальная Эллада: Общее введение	42
--	----

ГЛАВА III

Афины и прочее: начальное образование	79
---------------------------------------	----

ГЛАВА IV

Афины и т. д.: физическое воспитание	118
--------------------------------------	-----

ГЛАВА V

Афины и т.д.: среднее образование - I. Софисты	157
--	-----

ГЛАВА VI

Афины и т.д.: среднее образование-II. Постоянные школы	179
--	-----

ГЛАВА VII

Афины и т. д.: высшее образование - Эфебои и университет	210
--	-----

ЧАСТЬ II

ТЕОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВА VIII

Религия и образование в Элладе 227

ГЛАВА IX

Искусство, музыка и поэзия 237

ГЛАВА X

Ксенофонт 259

ЧАСТЬ III

ГЛАВА XI

Общий очерк всего предмета 275

ИНДЕКС 293

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ПОСЛЕ СТРАНИЦЫ

Ваза работы Евфрония, Лувр (в центре X. А и X. В) - Эфебос в школе верховой езды

Фронтиспис

I. А. Куликс работы Дуриса, Берлин (№ 2285)-Урок игры на флейте и урок письма

I. В. Kulix by Douris, Berlin (No. 2285)-The Lyre-Lesson and Poetry-Lesson 52

II. Куликс Иерона, ныне в Вене - Урок флейты: поворот мальчика 70

III. Худрия в Британском музее (Е 171) - Сцены в музыкальной школе 104

IV. Худрия в Британском музее (Е 172)-В школе лиры 108

V. А. Куликс, приписываемый Евфронию, в Мюнхене - Сцены в палаистре

V. В. Куликс, приписываемый Евфронию, в Мюнхене - Сцены в Палаистре 120

VI. А. Борцы и т. д. в палестре

VI. В. Боксеры и т. д. в Палаистре 128

VII.	Стадион в Дельфах	132
VIII.	Куликс, подписанный Евфронием, в Берлине - Сцены в Палаистре	174
IX.	Ваза, приписываемая Евфронию, в Мюнхене - Урок верховой езды: крепление	214
X. А.	Куликс работы Евфрония, хранящийся в Лувре - Сцена в школе верховой езды	
X. В.	Куликс работы Евфрония, ныне в Лувре - Сцена в школе верховой езды	258

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Dittenberger, W. De Ephebis Atticis Dissertatio. Dieterich, Göttingen, 1863.

Dumont, A. Essai sur l'Éphébie Attique. 2 vols. Didot, Paris, 1875-76.

Girard, P. L'Éducation Athénienne au ve et au ive siècle avant J.-C. Hachette, Paris, 1889.

Grasberger, L. Erziehung und Unterricht im klassischen Alterthum. 3 vols. Würzburg, 1864-81.

Лори, С. С. Исторический обзор дохристианского образования. 2nd Edition. Longmans, London, 1900.

Mahaffy, J. P. Old Greek Education. Kegan Paul, 1883.

Мюллер, К. О. Дорийцы. Издание 1824 года. Английский перевод; Оксфорд, 1830.

Неттлшип, Х. В Эллинике. 2nd Edition. Longmans, 1898.

Сиджвик, А. Эссе в журнале Teachers' Guild Quarterly, No. 8.

Ussing, J. L. (датск.) Немецкий перевод. Erziehung bei den Griechen (und Römern). Altona, 1870.

Уилкинс, А. С. Национальное образование в Греции (премия Харе, Кембридж). Исбистер, Лондон, 1873.

ВВЕДЕНИЕ

Место встречи двух потоков всегда привлекает путешественников. Есть какое-то странное очарование в том, чтобы наблюдать, как два потока сливаются и теряют свою индивидуальность в новом целом. Обесцвеченный, покрытый пеной поток, неумолимо несущий на себе гальку и мелкие частицы гранита с гор, и спокойный, полупрозрачный

поток, несущий в невидимом растворе глину и песок равнин, через которые пролегал его медленный поток, сливаются в одну реку, могущественнее любой из них, которая приняла и будет нести дальше бремя обоих и сложит их рядом в какой-то далекой дельте, где они составят "пыль будущих континентов".

Для изучающего историю или психологию место встречи двух цивилизаций обладает схожим очарованием. Наблюдать за тем, как вековая культура Востока, медленно движущаяся под тяжестью лет, сонная от столетий глубокой медитации, принимает и усваивает, как в мгновение ока, науку, технику, беспокойную энергию и практическую деятельность Запада, - увлекательное занятие; ведь этот процесс наполнен надеждой на некий славный продукт этого союза двух цивилизаций. Те, кто живет во время этого союза, не могут оценить его ценность или вероятный результат; они лишь осознают дискомфорт и смятение, возникающие в связи с окончанием старого порядка, который уходит, и вряд ли могут предвидеть славу нового, которому он уступает место. Изучать такие комбинации следует в истории прошлого, а не в современном мире.

Главным историческим примером слияния двух разных цивилизаций в одну является Ренессанс, этот могучий союз духа древней Эллады и ее ученика Рима с духом средневековой Европы, который едва ли достиг совершенства даже сейчас. Но часто забывают, что для великой драмы Ренессанса было как минимум две генеральные репетиции, в ходе которых эллинизм познал свое очарование и приспособился к задаче просвещения мира. Александр перенес искусство, литературу и дух Эллады далеко в сердце Азии; и хотя его великий эксперимент по слиянию Запада с Востоком был прерван ранней смертью и последующим распадом его империи, все же что-то из его замысла было реализовано в эллинистической культуре Александрии, Сирии и Малой Азии. Через столетие после его смерти началась вторая генеральная репетиция, на этот раз на Западе. Покоренная Эллада привела в плен своего свирепого завоевателя, и мощь Рима склонилась перед интеллектом и воображением эллина. И снова великий человек, задумавший объединить два течения в один поток без потерь для одного из них, был прерван прежде, чем его планы смогли осуществиться, а убийство Юлия Цезаря нанесло неисчислимый ущерб этому раннему Ренессансу, поскольку образование Рима, второго ученого Эллады, было проведено не слишком мудро. Тем не менее, это образование породило Вергилия и Горация и ту греко-римскую цивилизацию, в которой тевтонские народы Севера получили свои первые уроки культуры. После нескольких преждевременных попыток средневековая Европа вновь открыла для себя древнюю Элладу и ее ученик Рим в эпоху Возрождения. С тех пор влияние эллинизма на современную цивилизацию было непрерывным и неисчислимым. Насколько сильно это влияние, насколько оно еще не усвоено, насколько оно еще необходимо, можно, пожалуй, лучше всего понять, перейдя от мраморных скульптур Элгина или пьесы Софокла к современной толпе или современной литературе.

Таким образом, Эллада стала воспитательницей мира в такой степени, о которой не мечтал даже Перикл. Как же, спрашивается, учительница народов учила своих собственных сыновей и дочерей? Если столько народов учились урокам эллинизма, то каков был характер школ древней Эллады? Как эти удивительные города-государства, создавшие за несколько столетий богатство непревзойденной литературы, философии и искусства, чья история увековечена именами Фермопил и Марафона, готовили своих юных граждан быть одновременно патриотами и критиками искусства, государственными деятелями и философами, добытчиками денег и любителями литературы? Естественно предположить, что они, эти древние эллины, знали толк в образовании. Есть ли у эллинских школ, как и у

искусства, литературы и духа, какой-нибудь урок для современного мира? Именно на эти вопросы и попытается в какой-то мере ответить данная работа.

Только в какой-то мере; ведь дух Эллады нельзя уловить из вторых рук: он состоит как раз из тех тонких элементов изысканного вкуса и совершенного выбора выражения, которые не могут не быть утеряны в переводе или на фотографии. Точно так же секрет эллинского образования не может быть воспроизведен простым накоплением лысых фактов и мудреных умозаключений. Современному теоретику легко дать точный отчет о своей идеальной школе; ему нужно только составить таблицу предметов, которые должны изучаться, книг, которые должны читаться, и часов, в которые его механические дети должны быть набиты необходимой массой фактов. Но эллинский школьный учитель считал, что образование имеет дело не с машинами, а с детьми, не с фактами, а с характером. Его целью было сформировать вкус своих учеников, заставить их "любить прекрасное и ненавидеть безобразное". А поскольку он хотел, чтобы они любили прекрасное в искусстве и литературе, в природе и в человеческой жизни, он стремился сделать свои уроки привлекательными, чтобы предметы, изучаемые в школе, не вызывали отвращения в последующей жизни. Образование должно было быть очаровательным для молодых; его сферой были музыка, искусство и литература, которая больше всего привлекает детей, - приключения, героизм и романтические истории, изложенные в стихах. Музыка почти исчезла, а от искусства остались лишь отдельные фрагменты; начальные школы Эллады оставили современным исследователям лишь часть своей литературы. Об их привлекательности можно судить по поэмам Гомера. Но очарование образования заключается главным образом в методах учителя, а о них потомки могут узнать немного. Ученые могут собрать воедино книги, которые читались, и упражнения, которые практиковались, но о методе, по которому они преподавались, об их порядке, расположении и соответствующем количестве ничего нельзя узнать. Есть сырой материал, человеческий мальчик, и от инструментов, с помощью которых мастера создавали его, остались некоторые реликвии; но о том, как художник использовал эти инструменты, о подлинной внутренней сути его ремесла и мастерства, не может быть и следа при всем усердии тевтонских исследователей. Молодой студент-искусствовед мало что узнает о Микеле Анджело или Рафаэле, если сосредоточит свое внимание только на материалах и инструментах, которые они использовали: чтобы понять их дух, он должен пойти в Сикстинскую капеллу или в Дрезденскую галерею и созерцать их шедевры. Так и студент, изучающий эллинское образование, должен рассматривать не материалы и инструменты, а результаты и идеалы. Он должен взглянуть своими глазами и воображением на фронтон Эгины или "Гермеса" Праксителя, если хочет постичь объекты дорической и ионической школ. Это он должен сделать сам, поскольку ни одна книга не может сделать это за него. Все, на что может надеяться эта работа, - это дать несколько представлений об инструментах, с помощью которых эллинские школьные учителя пытались превратить имевшихся в их распоряжении мальчиков в шедевры, воплощенные в "Гермесе" и Эгинетских фигурах: умелые пальцы и образный мозг, которые использовали эти инструменты, навсегда остались за пределами досягаемости ученого и археолога.

Гермес с его физическим совершенством и богатством интеллекта, с чертами художника и чело мыслителя, может быть принят за идеал полностью развитого афинского образования начала четвертого века до н.э. Эгинетские фигуры стоят в том же отношении к спартанской и критской школам; эти героические фигуры обладают телесной гармоничностью, узкой, но глубокой мыслью, твердостью дорийского нрава. Возможно, не будет прихотью увидеть в так называемом "Тезее" Парфенона более ранний идеал афинского воспитания, когда оно было направлено не на мечтательное созерцание, а на менее чувственный и более напряженный образ жизни. Если это так, то эта славная фигура представляет собой идеал периклийских и

императорских Афин в их самый великий момент, до разрушения, вызванного долгой войной со Спартой.

Поток эллинизма протекал в двух направлениях. В основе местного разнообразия, которое делало каждый маленький городок этически и художественно отличным от своего соседа, лежало фундаментальное различие между дорийцами и ионийцами. Явно выраженная во всех сферах жизни, эта разница была наиболее заметна в школах. Спарта и Крит, с одной стороны, и Афины, за которыми вплотную следовали их ионийские и эолийские союзники и на большем расстоянии - остальная цивилизованная Эллада, с другой, развивают совершенно разные типы образования. Юного спартанца в определенном возрасте зачисляют в школу-интернат: все, чему он учится или что делает, находится под контролем государства. Совершенная грация и гармония тела - единственная цель его обучения: его почти не учат буквам и цифрам. Юный афинянин ходит в школу, когда и где захотят его родители; учится, в определенных широких пределах, тому, что им нравится; заканчивает обучение, когда пожелает. В дневной школе он изучает буквы и арифметику, занимается литературой и музыкой, а позднее - живописью, помимо спортивных упражнений. Когда он становится старше, он может добавить к этому курсу риторику, или философию, или науку, или любой предмет по своему усмотрению. Государство вмешивается только для того, чтобы защитить его нравственность и обязать его пройти двухлетнюю военную подготовку в возрасте от восемнадцати до двадцати лет.

Поверхностные различия между афинским и спартанским типом школы настолько разительны, что на первый взгляд кажется, что у них нет ни одного общего принципа. Поэтому вначале необходимо разделить эти два типа и обсудить их детали отдельно. Но эллинские мыслители распознали под поверхностными противоречиями некие глубинные сходства, и целью философии образования стало объединение двух типов в совершенную систему. При более глубоком изучении теории образования в Элладе различия в практике начинают исчезать, а сходство идеалов и целей становится все более очевидным. Когда исследование практики и теории, которое является целью данной работы, будет завершено, можно будет понять и оценить общие принципы, которые, несмотря на большое разнообразие деталей, управляли школами Эллады.

ЧАСТЬ I

ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВА I

ОБРАЗОВАНИЕ В СПАРТЕ И НА КРИТЕ

Согласно бытующему преданию, которое Геродот, в силу своего ионийского патриотизма, стремится опровергнуть, скиф Анахарсис, вернувшись из путешествия, заявил, что спартанцы показались ему единственным эллинским народом, с которым можно вести

разумную беседу, поскольку только у них есть время быть мудрыми.[1] Полноценный спартанский гражданин, безусловно, обладал богатым досугом. Он был абсолютно свободен от забот, связанных с зарабатыванием денег, поскольку его содержал наследственный надел, который обрабатывали для него государственные крестьяне. У него не было профессии или ремесла, которые могли бы его занять. Все его время уходило на воспитание себя и своих соотечественников в соответствии со спартанскими идеями, а также на ведение спартанского образа жизни. Спартанцы делили свой день между различными гимнастическими и военными упражнениями, охотой, общественными делами и "лешаями", или клубами для бесед, в которых не разрешалось говорить о делах; члены клуба обсуждали только то, что было почетно и благородно, или порицали то, что было трусливо и подло.[2] В целом они были серьезным и молчаливым народом, но у них было свое остроумие, и в их городе стояла статуя Смеха. Они всегда находились в состоянии идеальной тренировки, как "жилистые собаки" из "Республики" Платона. Они были сильными консерваторами, нововведения строго запрещались. Несчастного, кто вносил изменения в правила игры в мяч, бичевали. Во времена Павсания в Скиасе, или зале Совета, все еще висела одиннадцатиструнная лира, которую Тимофей привез в Спарту, но она была разбита;[3] и девятиструнная лира Фруниса постигла та же участь. Приняв однажды от Терпандра семиструнную лиру, спартанцы никогда не позволяли менять ее. Кроме того, они обладали талантом к мелочной организации; и их армия, и их дети были сильно разделены. Каждый человек в Спарте был частью прекрасно организованной машины, предназначенной почти исключительно для военных целей.

В этом странном искусственном государстве было очень важно, чтобы будущие граждане с ранних лет пропитались духом этого места. Письменных законов практически не существовало. Судьи и правители действовали по собственному усмотрению.[4] Это было возможно только в том случае, если на каждого гражданина накладывалась определенная печать характера, особое мировоззрение и мироощущение. Поэтому образование было самым важным в Спарте. Оно регулировалось и обеспечивалось государством. Оно было одинаковым для всех. Мальчиков забирали из дома и воспитывали в больших школах-интернатах, чтобы индивидуализирующие тенденции семейной жизни и наследственные инстинкты были подавлены, и во всех мальчиках остался только общий тип характера, спартанский тип. Ведь школы-пансионы, по общему признанию, имеют тот результат, что накладывают на всех проходящих через них мальчиков узнаваемую печать, определенное сходство манер и взглядов.

Поэтому, как только в Спарте рождался ребенок, он предстал перед старейшинами племени, к которому принадлежали его родители.[5] Если они решали, что он может оказаться болезненным, его выставляли на горе Тавгетос, где он должен был умереть или попасть на воспитание к гелотам или периойкоям. Спарта не была местом для инвалидов. Если младенца одобряли, его забирали в дом, где его воспитывала мать. Спартанские женщины славились своим умением воспитывать детей. Спартанские кормилицы пользовались большим спросом в Элладе. Их охотно брали на воспитание мальчики из знатных и богатых семей, такие как Алкивиад. Песни, которые они пели своим подопечным, и правила, которые они соблюдали, делали детей "не боящимися темноты" и не пугающимися, если их оставляли одних; не пристрастными "к лакомствам, капризам и крикам"; фактически, "маленькими джентльменами" во всех отношениях.

Несомненно, дисциплина детей была строгой, но и сами родители жили так же строго. В Спарте не было роскоши: дома и мебель были такими же простыми, как и еда. Но есть очаровательная картина, на которой Агесилай скачет на палке, чтобы развлечь своих детей;

а спартанские матери, если и были суровы к трусости, то, похоже, живо интересовались развитием своих детей; они ни в коем случае не были пустышками, как афинские дамы.

До семи лет дети спали дома, но уже в раннем возрасте отцы брали их в "Фидитии" или клубы, где взрослые мужчины проводили те часы, когда они оставались дома и принимали пищу. В каждом из этих клубов собиралось около пятидесяти мужчин. Дети сидели на полу рядом с отцами. Каждый член клуба ежемесячно вносил "медимнос" ячменной муки, восемь "хоэс" вина, пять "мнаи" сыра, два с половиной "мнаи" инжира,[6] и немного очень дешевой приправы; если он приносил жертву богу, он отдавал часть жертвы в свою "кашу", а если он был удачлив на охоте (что было частым занятием), он приносил свои трофеи на общий стол. Существовал также знаменитый черный бульон, который готовила наследственная гильдия государственных поваров и который только спартанские тренировки и холодные ванны в Евротах могли сделать аппетитным; однако пожилые спартанцы предпочитали его мясу. Возможно, фрагмент Алкмены изображает праздничный день в одном из таких клубов: "Семь кушеток и столько же столов, полных хлебов со вкусом мака, льняного семени и сезама, а в чашах - мед и льняное семя для детей".[7]

Спартанец, ставший слишком бедным, чтобы платить взносы в свой клуб, терял права гражданина, а значит, не мог дать своим детям образование в государственной системе. Но пока надель не отчуждалась, такие случаи были нечастыми. Взнос был *κατὰ κεφαλὴν*, [8], то есть фиксированное количество провизии должно было поставляться на каждого члена семьи, посещавшего клуб, то есть на каждого мужчину, поскольку женщины питались дома. Нет никаких оснований полагать, что мальчики, как до, так и после посещения интернатов, питались за счет государства. Прямо указано, что количество приемных детей, которые сопровождали сыновей своих благодетелей в школу, варьировалось в зависимости от достатка их покровителей.[9] Поэтому родители должны были платить за своих мальчиков, пока те учились в школе. Обучение не требовало никаких расходов, следовательно, они должны были платить за еду. Таким образом, только те мальчики могли посещать спартанские школы, чьи родители могли позволить себе оплачивать натурой обычную подписку на питание их самих и их детей во время общих трапез. Ксенофонт, поклонник всего спартанского, принимает ту же систему в своем государстве, поскольку заставляет детей бедняков автоматически отчисляться из государственных школ. Следует помнить, что в Спарте семьи всегда были небольшими, а население имело тенденцию к постоянному сокращению; число мужчин, за которых должен был платить глава семьи, редко могло быть большим.

В целом, поэтому спартанские школы были предназначены только для сыновей "пэров" (*ῥητοῖσι*), [10] то есть тех, кто платил взносы. Но в школу принималось и некоторое количество других мальчиков, при условии, что их питание оплачивалось. Богатый спартанец мог, по своему усмотрению, выбрать несколько других мальчиков для обучения вместе со своим сыном или сыновьями и оплачивать их расходы.[11] Число этих школьных товарищей зависело от количества натуральных пожертвований, которые он мог предоставить. Таким образом, школьные товарищи могли посещать спартанские школы; но, повзрослев, они не становились гражданами, если только не обнаруживали таких заслуг, что спартанское государство предоставляло им право голоса.

Из каких сословий набирались эти школьные товарищи? Иногда это были иностранцы, сыновья либо именитых гостей-друзей ведущих спартанцев, либо беженцев-переселенцев из Лаконии. Так, у Ксенофонта двое сыновей получили образование в Спарте. Этих иностранных мальчиков называли *τρόφιτοι* или приемными детьми. Ксенофонт упоминает "иностранцев из числа *τρόφιτοι*".[12] Если эти приемные дети, повзрослев, оставались в

Спарте, они не обладали никакими гражданскими правами. В одном из отрывков Платона говорится о трудностях, которые возникали, когда этих приемных детей заставляли принять это скромное положение.^[13] Интересно отметить, что Спарта, таким образом, предшествует Афинам как образовательный центр, в который приезжали получать образование мальчики из чужих городов.

Чаще всего спартанские родители выбирали гелотов в качестве школьных товарищей своих сыновей. Так, Плутарх говорит о "двух приемных братьях Клеомена, которых они называют Мотакс".^[14] К этим образованным гелотам применялось имя Мотакс. Похоже, они были печально известны тем, что полагались на свое положение, если мы можем предположить связь между Мотаксом и Мотоном, термином, который используется для обозначения божества-покровителя наглости у Аристофана, а в других местах является названием вульгарного танца.^[15] По окончании школы они не получали права голоса и должны были довольствоваться рабскими обязанностями, если только не проявляли особых заслуг. Но некоторые из самых выдающихся спартанцев, включая Лусандрона, были мотаксами.

Ксенофонт в уже цитированном отрывке упоминает "господ-добровольцев из Периоики и некоторых иностранцев из так называемых приемных детей и бастардов Спартиатов, очень хороших людей и не без доли в почетных делах государства".^[16] Если большинство авторитетов правы, считая "почетные вещи"^[17] спартанской фразой для обозначения своей системы образования - а для этого есть все основания, - то этот отрывок показывает, что незаконнорожденные сыновья и, возможно, выдающиеся перийки прошли через государственные школы в Спарте, хотя, однако, ни те, ни другие не назывались приемными детьми, что было уготовано для знатных иностранцев. Хелоты, разделявшие обучение, были известны как мотаксы, а иногда и как *σύντροφοι*, школьные товарищи; но, похоже, их не называли *τρόφιοι*, "приемными детьми".

В лучший период спартанской истории ни один из этих дополнительных учеников, *τρόφιοι*, мотаксов, незаконнорожденных детей и выдающихся перийков, не получал права на обучение, если не проявлял особых заслуг. Позднее, возможно, любой, кто прошел через школы, становился спартанским гражданином. Плутарх считает это частью системы Лукургона, но это маловероятно. Такой обычай мог возникнуть только в дни упадка и обезлюдения Спарты. С другой стороны, спартанские мальчики, дрогнувшие перед трудностями национального образования, теряли свой статус и лишались права голоса, если не проявляли упорства.^[18]

До семи лет мальчиков водили в отцовские клубы: девочки обедали дома с матерями, так как у женщин не было столовых. Видя тяготы, которые переносили их отцы, слушая их рассуждения на политические темы и колкий юмор, мальчики уже приучались к спартанскому образу жизни, ведь клубы служили начальной школой. Там же они учились играть со своими сверстниками, обмениваться грубыми шутками, не дрогнув. Принимать шутки без раздражения было частью спартанского характера; но если шут заходил слишком далеко, его могли попросить остановиться.

В семь лет мальчиков забирали из дома и самым систематическим образом организовывали в "стаи" и "дивизии". Это были "илаи", в которых, вероятно, было шестьдесят четыре мальчика, и "агелаи", численность которых неизвестна.^[19] Эти стаи вместе питались, вместе спали на связках тростника, служивших подстилкой, и вместе играли. Мальчики всегда ходили босиком, а летом и зимой носили только одну одежду. Все они находились под контролем "пайдономаса" или "начальника мальчиков", гражданина, имеющего звание, репутацию и положение, который мог в любой момент созвать их вместе и строго наказать,

если они бездельничали: у него были помощники, носившие зловещее имя "порки".[20] Поэтому, как мрачно замечает Ксенофонт, в Спарте царил дух дисциплины и послушания. Чтобы мальчики не оставались без контроля, даже когда пайдонос отсутствовал, любой проходящий мимо гражданин мог приказать им делать все, что ему заблагорассудится, и наказывать их за любые проступки, которые они совершали. Самый разумный и смелый мальчик в каждой стае становился префектом и назывался Буагором, или "вожаком стада"; остальные подчинялись его приказам и терпели его наказания.[21]

Старшие мужчины разжигали ссоры между мальчиками, чтобы выяснить, кто из них смелее. Над каждой школой был поставлен один из молодых людей старше двадцати лет, имевший хорошую репутацию как по храбрости, так и по нравственности.[22] Его называли Эйреном. Он следил за их сражениями и использовал их как слуг дома для своего ужина; он приказывал большим мальчикам приносить ему дрова, а маленьким - собирать овощи. Добыть их можно было только воровством с огородов и из мужских столовых. Очевидно, мальчики обедали вместе с ним в его доме;[23] родители давали им скудную еду, чтобы они ели там, и поощряли их восполнять недостаток воровством. Когда Эйрен заканчивал ужин, он приказывал одному из мальчиков петь, а другому задавал какой-нибудь вопрос, требующий вдумчивого ответа, например "Кто лучший из взрослых?". Ведь такие конкретные вопросы более стимулируют, чем общие, вроде "Что такое добродетель?" или "Что такое хороший гражданин?". Ответ должен был сопровождаться кратким обоснованием; неудача наказывалась укусом за руку. За этим наблюдали старшие, которые ничего не говорили в то время, но впоследствии строго упрекали эйрена, если он был слишком строг или слишком мягок".

Таким образом, в Спарте мы находим систему префектов и пидорасов. Но чувство ответственности, которое вырабатывается у старших мальчиков в английских публичных школах, и практика, которую они приобретают, пользуясь властью, были предотвращены в Спарте постоянным присутствием взрослых мужчин, что делало лаконские школы более похожими на французские лицеи. Здесь нет класса профессиональных школьных учителей; эйрены, пайдономы и любые старшие по выбору дают уроки свободно и безвозмездно. Образование, будучи таким простым, в Спарте ничего не стоило.

Из упоминания Плутарха о воровстве в мужских столовых можно сделать вывод, что мальчики этого возраста обедали отдельно. Всегда ли это происходило в доме эйрены, выяснить невозможно. После шестнадцати лет они, должно быть, входили в мужскую сисситию; ведь Ксенофонт подразумевает, что посетитель Спарты мог видеть мальчиков этого возраста за ужином и задавать им вопросы, а посетитель, конечно, не стал бы обедать в столовой, предназначенной только для мальчиков. Происходили ли в этом возрасте выборы членов клуба, или они все еще ходили в клубы своих отцов, неизвестно.

Образование было почти полностью физическим. Плутарх, правда, говорит, что они изучали "буквы, потому что они были полезны".[24] Возможно, это более позднее введение, а может быть, количество изученных букв было настолько мало, что Исократ оправдывался, говоря, что спартанцы "даже не учат свои буквы, которые являются средством для знания прошлого, а также современных событий";[25] он также считал крайне маловероятным, что даже "самые умные из них услышат его речи, если не найдут кого-нибудь, кто прочитает их вслух".[26] Действительно, у них было мало причин учиться читать. Письменных законов было очень мало, и они заучивались наизусть под мелодию. Они не имели никакого отношения ни к торговле, ни даже к счетам; очень немногие из них умели считать.[27] Софист Гиппиас обнаружил, что все, что они хотели слушать, - это "генеалогии людей и героев, основания городов и вообще археология". Вероятно, подобно дорийскому философу Пифагору и

Платону, поклоннику всего дорийского, они считали, что память имеет огромное значение, а использование письменности ее ослабляет.[28] Помимо государственных законов, положенных на музыку, были песни, восхвалявшие погибших героев и высмеивавшие трусов: дикция была простой и понятной, темы - серьезными и нравственными; многие из них были военными маршами; все они побуждали к стойкости и энергии.

Риторика, разумеется, была под строжайшим запретом: юноша, научившийся ей за границей и привезший ее домой, подвергался наказанию со стороны эфоров.[28] Спартанцы учились молчать, как правило; когда они говорили, их высказывания были краткими и в самую точку, так как они считали неправильным тратить слова впустую.[29] Этому непременно учили и мальчиков, как было показано выше. "Если побеседовать с обычным лаконцем, - говорит Платон,[30] - то сначала он кажется просто глупцом; потом вдруг, в самый ответственный момент, он выдает остроумное изречение, и его собеседники кажутся по сравнению с ним не лучше детей". Эту эпиграмматическую мудрость Платон иронически приписывает тому, что лаконцы на самом деле тайком посещают софистов и являются большими философами, чем кто-либо знает. До наших дней дошло много отголосков их резкого и мрачного юмора: например, замечание Леонида, обращенное к его войскам при Фермопилах: "Завтрак здесь, ужин в Аиде"; описание спартанцем Афин: "Там все благородно", под которым он подразумевал, что ничто, даже самое низкое, не считалось благородным.

Спартанцы не должны считаться полностью отверженными литературой. Они знали Гомера и считали его лучшим поэтом своего класса, хотя образ жизни, который он прививал, был ионическим, а не дорическим.[31] Алкман провел свою жизнь в Спарте и оставил одну великолепную песню для хора лаконских девушек. Аристофан смог вложить в уста лаконцев прекрасный хор, хотя тема его заметно воинственна. Ведь спартанцы любили именно военные поэмы. "Им нет дела до других поэтов, - говорит афинский оратор Лукуркос, - но Туртайос им так дорог, что они издали закон созывать всех в царский шатер, когда они отправляются в поход, чтобы послушать стихи Туртайоса, считая, что это сделает их наиболее готовыми умереть за свою страну".[32]

В конце концов, целью спартанского воспитания была не интеллектуальная острота и накопление знаний, а дисциплина, выносливость и победа в войне. Дисциплина прививалась постоянным присутствием авторитета и очень суровыми наказаниями. Спартанские мальчики практически никогда не были предоставлены сами себе: возможно, именно в этом кроется секрет морального краха почти каждого спартанца, получившего властное положение за пределами Лакедаимона, ведь ответственность требует практики. Выносливости учил весь их образ жизни. Они ходили босиком, в одной одежде, играли и танцевали нагишом под жарким лаконским солнцем;[33] не было ни мазей, ни роскошных ванн для их тел, только евроты для купания и пучок тростника для постели. Пища, которую получали мальчики, была очень скудной: часто их выводили в деревню рано утром, чтобы они обеспечивали себя едой на весь день за счет воровства.

Такое организованное воровство было характерной чертой спартанского воспитания. В раннем возрасте, как мы уже видели, маленьких мальчиков отправляли воровать дрова и овощи для эйренцев, которые их опекали. Позже их выгоняли в деревню, чтобы они сами добывали себе пищу за счет ферм. Существовал определенный возраст, в котором было принято начинать воровать.[34] Предметы, которые можно было украсть, были определены законом, и за его пределы нельзя было выходить.[35] Следует помнить, что большая часть имущества в Лаконии была общей. Например, тот, кто опоздал на охоту, мог взять из деревенского дома любую еду и даже вскрыть печати, чтобы достать провизию. Спартанцы

также свободно и без разрешения пользовались собаками и лошадьми друг друга. Поэтому нелепо говорить, что эта система учила мальчиков быть нечестными. Если государство соглашается объявить определенные предметы общей собственностью, то уже не является воровством, если один гражданин уносит их из дома другого: он не более бесчестен, чем человек, собирающий ежевику или лютики в Англии. В одной из английских государственных школ зубные кружки были признанным предметом воровства. Маленькие педикеры должны были снабжать ими свое общежитие за счет других. Их наказывали, если ловили в момент кражи, но изобретательность в таких кражах считалась похвальной. Определенное количество таких кружек принадлежало всему дому; они были общей собственностью, и поэтому их можно было похитить без всякой подлости.

Более того, эта система узаконенного грабежа имела в Спарте ценное воспитательное значение. Это была отличная тренировка в разведке, организации засад и добыче пищи, чему очень важно научиться будущему солдату. Ксенофонт, сам солдат, замечает это, и в "Анабасисе", когда ему нужен умный стратег, он выбирает спартанца, потому что тот был обучен таким образом. Поскольку это было целью системы, мальчиков, если их ловили, пороли, но не за воровство, а за то, что они воровали неуклюже. Исократ утверждает, что мастерство в грабеже было путем к высшим должностям в Спарте. "Если кто-нибудь сможет доказать, что лакедемоняне не считают эту отрасль образования самой важной, - добавляет он, - я признаю, что в своей жизни не сказал ни слова правды".[36]

Эти экспедиции мальчишек на кормёжку готовили их к аналогичным, хотя и более тяжёлым обязанностям "Тайной службы"[37], которые ожидали их в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. Юношей этого возраста отправляли группами в различные районы Лаконии на длительные сроки, в течение которых они прятались в лесах, спали на земле, сами заботились о своих нуждах без слуги и бродили по стране днем и ночью.[38] Когда им или их вождям было угодно, они совершали внезапные нападения на гелотов и убивали тех, кто казался им достаточно честолюбивым, чтобы представлять опасность; эфоры ежегодно объявляли войну своим крепостным, чтобы эти убийства не сопровождались кровной местью.[39] Над этой тайной полицией был поставлен штатный офицер, который, несомненно, указывал, куда направлять тех или иных молодых людей.[40] В критический момент Пелопоннесской войны 2000 самых смелых и амбициозных гелотов внезапно "исчезли", вероятно, именно таким образом.[41] Но Платон признавал воспитательную ценность такой системы, если исключить убийства. В своих "Законах"[42] он учреждает отряд криптои численностью 720 человек, которые патрулируют всю страну, поочередно обходя двенадцать районов, чтобы полностью ознакомиться с ней. В их распоряжении все сельскохозяйственные слуги и скот, для рытья окопов, строительства укреплений, дорог, насыпей и водохранилищ, для оросительных работ и тому подобного. Сходство названия предполагает сходство функций, но сколько всего этого делали криптои в Спарте, установить невозможно. Вероятно, их главной задачей было следить за подвластным населением, периоиками и гелотами, которые в остальном были почти полностью предоставлены сами себе.

В своих институтах фуражиров и секретной службы спартанцы демонстрируют явное понимание мальчишеской природы, а также острый взгляд на методы военной подготовки. Современные люди начинают понимать, что в обычном мальчике так много от первобытного и естественного человека, что, если ему не разрешить "одичать" и пожить дикарской жизнью через определенные промежутки времени, он будет склонен к бунту и беззаконию. Отсюда в последнее время учреждение лагерей для мальчиков в Англии и "индейцев Сетона" в Америке. Спартанцы, единственные из эллинов, полностью осознали эту особенность

мальчиков и отвечали на нее экспедициями и тайной службой. Афинский мальчик не был обеспечен таким образом, пока не становился эфебом; поэтому афинские улицы были полны юных хулиганов, в то время как аристократические парни развивали более утонченные, хотя и более порочные, способы дать волю своим инстинктам. Только в этих загородных экспедициях спартанские мальчики имели возможность избежать присутствия старших и выработать привычку к самостоятельности и ответственности. Если бы Спарта лучше использовала эти возможности, судьба ее империи после Аигоспотамой могла бы быть иной.

Частым занятием всех возрастов в Спарте была охота. Ее тоже считали отличной тренировкой для воинов, поскольку она предполагала смелость при встрече с дикими зверями, умение и изобретательность при их выслеживании, а также всевозможные трудности в лесах и на горах. В Лаконии было много дичи, и лаконские гончие славились. Удачливый охотник отдавал добытое для обогащения блюд своего обеденного клуба и тем самым завоевывал большую популярность.

Спартанские мальчики должны были учиться верховой езде, ведь на празднике в Гуакинтосе они должны были выезжать в процессии верхом на лошадях.[43] Их также учили плавать, ежедневно окунаясь в Евротас. Большую часть времени они проводили в гимнастике под пристальным наблюдением старших. Бокс и панкратион были запрещены молодым спартамцам, вероятно, потому, что они развивали несколько конкретных мышц в ущерб остальным.[44] Для борьбы не допускались ученые тренеры; спартанский тип зависел исключительно от силы и активности, а не от технического мастерства; поэтому спартанец, когда его побеждал борец из другой страны, говорил, что его противник был не лучшим человеком, а лишь более умным борцом.[45] В Спарте не допускались гладиаторы, подобные тем, которые упоминаются в "Лакхесе" Платона как обучающие владению оружием; однако они, похоже, были непрактичными теоретиками, совершенно бесполезными в бою, как показывает генерал Лакхес, рассказывая забавный анекдот об одном из них.[46] В спартанских гимназиях не допускались бездельничающие зрители; правило гласило: "Раздевайся или уходи".[47] Старший мужчина в каждой гимназии должен был следить за тем, чтобы каждый занимался достаточными физическими упражнениями, чтобы отработать пищу и не стать пухлым.[48] Физическое состояние мальчиков проверялось каждые десять дней эфорами,[49] а соревнования эфебов, похоже, контролировались специальным советом, бидиайоями, которые фигурируют в надписях.[50] Аристотель говорит о спартанской дисциплине, что она делала мальчиков "звероподобными"[51], но признает, что она не вырабатывала одностороннего атлета, столь распространенного в Элладе, который занимался исключительно атлетикой и был слишком специализирован, чтобы быть пригодным для чего-то еще. Ксенофонт[52] говорит, что трудно было бы найти где-либо мужчин с более здоровым или более полезным телом, чем у спартиатов. Самый красивый мужчина в эллинской армии при Платее был спартамцем.[53] Манеры спартанских мальчиков были в некотором роде удивительно девичьими. Когда они шли по шоссе, то держали руки под плащом и шли молча, не отрывая глаз от земли перед ногами. Они говорили так же редко, как статуи, и смотрели вокруг себя меньше, чем бронзовые фигуры: они были скромны, как девушки. Когда они входили в комнату, редко можно было услышать от них ответ на вопрос.[54]

Драки поощрялись в любом возрасте; для эфебов устраивались организованные сражения, чем-то напоминающие футбольные матчи, на тенистом игровом поле, окруженном рядами платанов и обнесенном ручьями, к которому вели два моста. После ночи, проведенной в жертвоприношении, две команды эфебов отправились на это поле. Приблизившись к нему, они бросали жребий, и победители выбирали мосты, по которым можно было войти на

площадку, выбирая, несомненно, в соответствии с направлением солнца и ветра, как современный футбольный капитан, выигравший жребий, выбирает конец площадки, с которого он начнет игру. Эфебои боролись руками, пинали, кусали и даже вырывали друг другу глаза, пытаясь загнать соперников обратно в воду.[55]

Взрослые мужчины также были воодушевлены на борьбу следующим приемом. Эфоры выбирали трех из них, которых называли Гиппагретами. Каждый из этих троих выбирал себе сто товарищей, публично объясняя в каждом случае, почему он выбрал одного человека и отверг других. Так отвергнутые становились врагами тех, кого выбрали, и внимательно следили за ними на предмет малейшего нарушения принятого кодекса чести. Каждая партия всегда старалась увеличить свою силу или оказать государству какую-то значимую услугу, чтобы укрепить свои притязания. Соперники также дрались кулаками при каждой встрече.[56]

Эта систематизированная драка в Спарте представляет собой интересную параллель с дуэлями в немецких университетах и драками, которые раньше были почти ежедневным явлением в жизни английского школьника. В большинстве старых английских государственных школ до сих пор можно увидеть специальную площадку, которая была признанной ареной этих сражений.

Порка была очень распространена в Спарте. Любой старший мужчина мог выпороть любого мальчика. Жаловаться родителям в таких случаях не полагалось по этикету; если они это делали, то получали вторую порку. Но триумфом этой системы стала ежегодная порка "эфебоев" у алтаря Артемиды Орфии, заменявшая человеческие жертвоприношения. Участие в состязаниях было совершенно добровольным, но участники, похоже, всегда находились желающие, вплоть до времен Плутарха. Они начинали с того, что практиковались в какой-нибудь деревне.[57] Алтарь покрывался кровью; если порка была слишком мягкой к какому-нибудь "эфебу" из-за его красоты или репутации, статуя, согласно легенде, совершала чудо, чтобы показать свое недовольство.[58] Соперников часто убивали на месте, но они никогда не издавали стонов.[59] Победителя называли "победителем алтаря" (βωμνικός), и до сих пор сохранилась надпись о такой победе.[60]

Девушки в Спарте также были организованы в агелы или "стаи".[61] Питались они дома, но в остальном вели жизнь на свежем воздухе. Они должны были тренировать свое тело не меньше, чем мальчики, чтобы рожать сильных детей, поэтому участвовали в состязаниях как на силу, так и на скорость.[62] Они участвовали в гимнастических залах и в музыкальных занятиях. Среди видов спорта были борьба, бег и плавание; они подвергались воздействию солнца, пыли и труда.[63] Они учились метать дискос и копье;[64] носили только короткий дорический хитон с раздвоенными боками. [65] На праздниках они шли в процессиях, как и мальчики; на некоторых праздниках они танцевали и пели в присутствии юношей, восхваляя храбрецов и высмеивая трусов. На празднике Хуакинтия девы скакали верхом на лошадях. Феокритос заставляет группу из 240 девиц, "все вместе играющие, помазаться, как мужчины, и мчаться рядом с Евротасом".[66] В этом отрывке лаконские девы занимаются шерстяным делом (что, вероятно, не соответствует действительности, поскольку опровергается Платоном),[67] и игрой на лире, что опровергается лаконцем Плутархом, который говорит, что "такая чепуха не лаконская". Результатом всех этих тренировок на свежем воздухе было большое физическое совершенство: Лампито, спартанская женщина в "Лузистрате" Аристофана, вызывает восхищение у жительниц других городов своей красотой, цветом лица и телосложением: "она выглядит так, будто может завалить быка". Она приписывает это своей гимнастике и энергичным танцам.[68] Девушки до замужества не носили вуали и свободно смешивались с юношами; в самом деле, был один танец, где они встретились по

современной моде; сначала юноша танцевал несколько военных шагов, а затем дева - несколько подходящих.[69] Таким образом, в Спарте было гораздо больше возможностей для любовных свиданий, чем в других местах Эллады. После замужества женщины должны были носить вуали и оставаться дома; гимнастика, танцы и скачки прекратились.

Спартанцы очень любили танцевать, но следует помнить, что они часто называли танцами то, что современные люди назвали бы учениями. Ведь война была почти формой танца; они маршировали или шли в бой под ноты флейты, коронованные и в красных плащах. Маршевые мелодии часто использовались в Спарте, несомненно, во время военных учений. Каждый день эфебои выстраивались в шеренгу, друг за другом, и поочередно выполняли военные упражнения и танцевальные фигуры, а флейтист играл им и отбивал такт ногой.[70] Это просто музыкальные учения. Великий национальный праздник Гумнопайдия был очень похож. Три больших батальона, состоящие соответственно из стариков, юношей и мальчиков, выстроившись в шеренгу, демонстрировали различные движения, в основном гимнастические, распевая при этом песни Талетаса, Алкмана и Дионусодотоса и предаваясь импровизированным шуткам друг над другом, по примеру деревенского хора в Аттике. Иногда батальоны появлялись по одному, и эфоры "выводили" их, как армию.[71] В других случаях все три батальона выстраивались полумесяцем бок о бок, с мальчиками в центре. Праздник, должно быть, очень напоминал публичные парады гимнастических клубов в Швейцарии. Здесь были почетные и бесчестные посты, как в бою, причем трусы обычно получали последние. Но Агесилай, царь, однажды после победы в Коринфе получил низшую должность и обратил оскорбление в шутку: "Хорошо придумал, предводитель хора: вот как надо отдавать честь должности".[72] Затем был военный танец, имитирующий все действия в бою, своего рода ручное и штыковое упражнение, но сопровождаемый актерской игрой и музыкой. Каждый спартанский мальчик начинал учиться этому, как только ему исполнилось пять лет.[73] Делалось это в быстром темпе, если судить по "пирровым" или военно-танцевальным ногам (· ·). Существовал также борцовский танец,[74] и большинство гимнастических упражнений выполнялось под аккомпанемент флейты. Фактически, хоровые танцы были обычной частью образования спартанцев и критян: единственный опыт пения, которым обладало большинство из них, был приобретен именно таким образом.[75] Правда, элегии пели соло перед царским шатром во время походов и во время трапез, когда победителю доставался особенно хороший кусок мяса; но, вероятно, это было уделом немногих. Аристотель утверждает, что лаконцы не разучивали песен, но, тем не менее, утверждали, что умеют отличать хорошие песни от плохих.

★ ★ ★ ★ ★

Такова была спартанская система образования. Для англичанина их школы представляют больший интерес, чем школы любого другого древнего государства. В Спарте были созданы единственные в античности настоящие школы-интернаты. Стаи" спартанских мальчиков, подобно английским государственным школам, образовывали миниатюрные государства, корпоративные интересы и честь которых каждый мальчик учился подчинять своим собственным желаниям. У спартанских мальчиков, как и у наших, мелкие черты индивидуальности стирались публичностью и постоянным общением с другими людьми, вовлеченными в систему интернатов, чтобы расовые черты проявлялись в них сильнее. Они тоже учились выносливости в трудных условиях, их рано приучили к власти и повиновению с помощью института префектов и пофигизма. Но на этом сходство заканчивается. Спартанцы, как и большинство других народов, не были готовы платить цену, за которую только и можно получить воспитание ответственности, цену, которая заключается в возможном разорении

всех мальчиков, не достаточно сильных, чтобы быть законом для самих себя. Они очень редко оставляли мальчиков себя без присмотра взрослых мужчин. Они всегда вмешивались и контролировали, вместо того чтобы предоставить префектам самим распоряжаться своей властью. И поэтому, когда спартанцев отправляли за границу управлять городами или командовать армиями, не имея практики ответственности, они позорно и бесславно проваливались. Но это в равной степени относится и к афинянам, и к другим эллинам. Спартанцы заслуживают всяческих похвал за свои эксперименты с системой интернатов.

Но принятая ими система имела множество недостатков, помимо тех, что уже были отмечены. Мальчикам не уделялось никакого индивидуального внимания. Трудности были чрезмерными и жестокими. В то время как тела мальчиков развивались и тренировались почти до совершенства, их умы почти не принимались во внимание: отсюда глупость спартанской политики и недостаток воображения, который проявляли их государственные деятели. При спартанской системе невозможно было переест или перепить, поэтому молодой спартанец не имел опыта самоограничения.^[76] Гимназии и обеденные клубы вызвали множество ссор (которые спартанские власти приветствовали) и безнравственность (которая была очень строго запрещена); спартанские гимназии, однако, в этом последнем отношении ошибались меньше, чем афинские. В войне спартанцы были непобедимы лишь до тех пор, пока оставались единственным обученным войском в Элладе; появление профессиональных армий погубило их, так как они не могли приспособиться к новым обстоятельствам. Они не создали никакого искусства и очень мало литературы, если она вообще была. Но все их государство было таким же произведением искусства, как и дорический храм, и очень похожего порядка, с его симметрией и регулярностью, жертвованием деталей ради целого, силой и сдержанностью. Кроме того, именно вдохновил по крайней мере одно великое литературное произведение - "Республику" Платона.

Если мужество было их единственной целью, как, возможно, и было, то они преуспели в ее достижении. Трус был редкой и очень несчастной птицей в Спарте. Матери не раз убивали сыновей, которые возвращались домой из похода с позором. Никто не хотел связываться с трусом или вступать с ним в связь". Когда для игры в мяч выбирались команды соперников, его не брали. На танцах он получал позорную должность. Его избегали на улицах. Никто не садился рядом с ним. Он не мог найти ни мужа для своих дочерей, ни жены для себя", и за эти проступки его наказывали. "Его били, если он хоть в чем-то подражал своим старейшинам".^[77] Если эллины были нацией детей, как называл их старый египтянин, то спартанцы были, по крайней мере, мужественными школьниками. Они обожествляли школьные добродетели, стойкость и выносливость. Если мы хотим увидеть, насколько их воспитание в лучшие времена позволяло им быть верными своим идеалам, давайте вспомним те 300 человек в Фермопилах, которые с шутками на устах ждали наступления восточных мириад, и вспомним прекраснейшую из всех эпитафий, которую английский язык не в состоянии передать, написанную на их памятнике на перевале в честь их покорности до самой смерти.

Иди и скажи спартанцам, проходящий мимо,

Что здесь, повинаясь их законам, мы лежим.

Критская система образования во многом была похожа на спартанскую. В обеих местностях преподавание вел любой старший член общины по своему выбору, а не профессиональный и оплачиваемый класс мастеров. Но на Крите образование обходилось родителям даже дешевле, чем в Спарте, ведь мальчики питались в основном за государственный счет.[78] Впрочем, как и все остальные критяне, как мужчины, так и женщины. Каждая община обладала большими государственными поместьями, которые обрабатывались государственными крепостными.[79] Доходы, получаемые государством, шли на государственные расходы, которые были невелики, и на питание всех граждан. Таким образом, мужчины, женщины и дети питались в основном за государственный счет. Однако следует отметить, что речь не идет о том, чтобы обеспечить питанием детей неимущих родителей за счет более предусмотрительных граждан. Более того, главы семейств, которые, как и в Спарте, имели свой надел, должны были вносить десятую часть продукции своих владений.

Женщины-женщины принимали пищу дома,[80] хотя расходы на их питание в основном покрывались за счет государственных доходов. Мужчины питались в столовых (*ἀνδρεῖα*). Все население каждой общины делилось на такие клубы, по-видимому, по семейному принципу, так что две или три семьи составляли между собой клуб, к которому в свою очередь принадлежали их дети и потомки. На этих обедах присутствовали все мужчины семьи; упоминаются и маленькие дети, и мальчики, и юноши, и старейшины.[81] Клуб - это всего лишь расширенная семейная вечеринка. Маленькие дети сидели на земле позади своих отцов; они прислуживали себе и старшим, но общее руководство приготовлением пищи и обслуживанием находилось в руках женщины с тремя или четырьмя общественными рабами и несколькими подчиненными в ее подчинении.[82] По мере взросления сыновья садились рядом с отцами. Мальчики обычно получали половину того, что было у их родителей; но сиротам разрешалось получать все, что было в клубе их умершего отца.

Таким образом, критский клуб представлял собой объединение нескольких семей в своего рода клан, мужчины которого обедали все вместе. Все мальчики клана составляли одну школу-интернат. Все они спали в одной комнате, возможно, пристроенной к столовой; к каждому из этих зданий всегда примыкало общежитие для гостей из других городов, так что естественно было бы ожидать общежития и для детей. Мальчики принимали пищу в столовой клуба, в присутствии старших, чьи улучшающие беседы о политике и морали должны были их воспитывать. Старшие члены клуба избирали одного из них на должность *παῖδωνόμος* или "начальника мальчиков".[83] Под его руководством мальчики изучали буквы "в меру": они постоянно занимались гимнастикой, оружием, особенно луком, который был великим критским оружием, и военными танцами, куретическим и пиррическим, исконно критскими. Они заучивали законы своей страны под какую-нибудь мелодию, чтобы музыка увлекала их души, а также для того, чтобы легче было их запомнить. Таким образом, если они делали что-то запрещенное, то не могли оправдаться незнанием.[84] Кроме того, их учили гимнам богам и восхвалениям добрых людей. Любимым метром для этих целей был критический (---), который считался "суровым" и поэтому подходил для обучения мужеству и сдержанности.[85] Главной национальной формой песни был *Рæан*. Критские мальчики также практиковались в том кратком и немного юмористическом стиле речи, который мы уже видели в Спарте.[86]

Критские мальчики постоянно сражались либо в одиночку, либо вместе с мальчиками из другой школы-клуба. Множество трудностей воспитывали в них выносливость. И летом, и зимой они носили лишь короткое пальто. Они научились презирать жару и холод, горные тропы и удары, которые получали в гимнастике и в бою.

Они оставались в клубных школах до семнадцати лет,[87] когда становились эфебоями и отмечали свой выход из детского одеяния особым праздником.[88] Как и их современники в Афинах, эфебои давали особую клятву верности государству и ненависти к его врагам. До наших дней сохранился фрагмент клятвы, которую давали эфебои из Дрероса, расположенного недалеко от Кносса.[89] В семнадцать лет эфебои собирались в "стаи" (ἄγέλαι) по частному почину. Богатый и знатный молодой эфебос собирал вокруг себя столько сверстников, сколько мог; их количество, несомненно, зависело от его богатства, а еще больше от его личной популярности. Аристократический элемент в этом устройстве очень заметен, как и во всех институтах Крита в отличие от Спарты. Отец молодого вождя обычно выступал в роли вожака стаи (ἄγελότης); он обладал полной властью над ними и мог наказывать их по своему усмотрению. Он водил их на охоту и на "бега" (δρόμοι), то есть в гимназии еpheboi. Критяне, еще не вступившие в стаю эфебоев, не допускались к этим бегам (ἀπόδρομοι); когда же они вступали, их называли "членами стаи" (ἄγέλαιοι).[90] Вожак стаи мог собирать своих последователей, где ему заблагорассудится;[91] вполне возможно, что эфебои не посещали обычные клубные обеды, а питались или спали либо в доме своего покровителя (откуда и необходимость в богатом вожаке стаи), либо в каком-то специальном помещении. Таким образом, они близко соответствовали спартанским мальчикам более младшего возраста под началом эйрен. Их питание, как и питание всех критян, осуществлялось в основном за счет государственных доходов. В определенные дни "стая" вступала в бой с "стаей" под звуки лиры и флейты и в обычное время, как это было принято на войне; в ход могли идти кулаки, дубинки и даже железное оружие. Это было регулярное учреждение, наполовину танец, наполовину полевой день, с установленными правилами и навязанным законом. Эти бои, должно быть, очень напоминали состязания спартанских эфебоев на тенистых игровых площадках. Жизнь мальчиков была окружена военной атмосферой. Они носили военную одежду и считали оружие своим самым ценным имуществом. Молодые критяне оставались в стае до свадьбы. Затем они возвращались в свои дома и клубы.

О практических результатах критского воспитания ничего нельзя сказать. С того дня, как Идомей отплыл из Трои, Крит почти исчезает из эллинской истории. Слишком сильные, чтобы подвергнуться нападению соседей, слишком ослабленные междоусобной враждой, чтобы взять на себя агрессивные функции, критяне оставались в стороне от своих соотечественников на материке и архипелаге до самого конца периода эллинской независимости.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

СПАРТАНСКИЕ СИССИТИИ

Эти обеденные клубы были организованы как "уменьшенные государства".[92] Устанавливалось, кто должен возлежать на самом важном месте, кто на втором, и так далее, а кто должен сидеть на подножке, которая была местом бесчестия, обычно отводимым только детям. "Каждому мужчине дается доля, которую он не делит ни с кем. Они едят столько ячменного хлеба, сколько им нравится, и возле каждого стоит глиняная чаша с вином, чтобы он мог приложиться к ней, когда ему захочется. Главное блюдо всегда одно и то же для всех - вареная свинина. К ней подается много спартанского бульона, а также оливки, сыр и инжир.[93]

"Каждый вносит в свою столовую около 18 галлонов ячменной муки, 60 или 70 пинт вина, небольшое количество фиг и сыра, а также 10 эгинетских обол на добавочные расходы".

Этот взнос, несомненно, покрывал расходы, так как количество, присланное отсутствующим царем, вероятно, представляющее собой среднее потребление отдельного человека, вполне укладывается в эту оценку (ср. Herod. vi. 57). После обычной трапезы[94] мог быть подан ἔπακλον или дополнительное блюдо. Ее приносил один из членов общины, состоящий либо из результатов охоты, либо из продуктов своего хозяйства, так как ничего нельзя было покупать. Обычными компонентами такой трапезы были голуби, гуси, полевые птицы, дрозды, зайцы, ягнята и дети, а также пшеничный хлеб - желанная замена привычным ячменным хлебам. Повара провозглашали имя дарителя, чтобы он мог получить похвалу. С богатых членов ἔπακλα часто взимались штрафы за проступки; бедным приходилось платить лавровыми листьями или тростником. Существовал также особый сорт ἔπακλον, предназначенный для детей, - ячменная мука, пропитанная оливковым маслом, - своего рода каша, сути. По словам Никокла Лаконского, ее заедали лавровыми листьями, что звучит не очень привлекательно.

Существовали также банкеты, не зависящие от столовых. Они назывались κοπίδες.[95] Палатки устанавливались в священном ограждении вокруг храма божества, в честь которого устраивался пир. Кучи хвороста, покрытые коврами, служили диванами. Еда состояла из кусочков мяса, круглых булочек, сыра, ломтиков колбасы, а на десерт - сушеные фиги и различные бобы.

На Титенидии, или Празднике кормилиц, в храме Артемиды Коруталии у ручья Тиассос давали κοπίς.[96] Кормилицы приносили на него мальчиков-младенцев. В жертву приносили молочного поросенка, а на стол подавали печеные хлебы. Очевидно, что κοπίδες были характерны для спартанской жизни: Эпилукос делает замечание своему "малышу" (κωράλιος): "Я пойду на κοπίς в Амуклай в дом Аппелласа, где будут булочки и хлебцы и веселый бульон": это показывает, что детские праздники в Спарте считались привлекательными.

Карнеи, великий спартанский праздник, был имитацией лагерной жизни.[97] Жертвенная трапеза подавалась в палатках, каждая из которых вмещала девять человек, и все делалось по приказу.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

КРЕТАНСКИЕ СИССИТИИ

Главными авторитетами в отношении присутствия на этих трапезах являются два историка, Досиад и Пургион, цитируемые Афинеем (143). Досиад утверждает, что перед каждым из присутствующих ставится равная порция, но младшим членам дается половина порции мяса, а к остальному они не прикасаются. Пургион говорит: "Сыновьям, которые сидят на нижних местах у кресел своих отцов, дают половину того, что положено мужчинам; сироты получают полную долю". Сравнение двух отрывков показывает, что "младшие члены", упомянутые Досиадом, - это те, кого Пургион называет сиротами, и что они еще не стали взрослыми мужчинами. Таким образом, они должны быть либо мальчиками, либо эфебиями. Однако маловероятно, чтобы эфебии, достигшие военного возраста и участвовавшие в жестоких упражнениях, получали только половину пайка, поэтому эти младшие члены - мальчики, еще не включенные в ἀγέλα. Досиадес продолжает: "На каждом столе ставится сосуд для питья, в котором находится слабое вино. Все сидящие за общим столом делят его поровну. Дети имеют чашу для себя", то есть мальчики, которые сидели рядом с отцами, но не за столом. "После ужина сначала обсуждают политическую ситуацию, а затем

вспоминают боевые подвиги и хвалят отличившихся, поощряя молодых к героизму". Из цитаты видно, что речь идет не просто о маленьких детях, а о мальчиках, достигших возраста, когда они могут разбираться в политике и войне.

[1] Herodotos, 4. 77.

[2] Плутарх, Лукургос, 25. Кратинос (Athen. 138) высмеивает эти клубы и говорит, что их привлекательность заключалась в том, что там на прищепках висели сосиски, которые можно было погрызть.

[3] Павсаний, 3. 12. Аналогичный случай произошел в Аргосе. Плутарх, О музыке, 37.

[4] Aristot. Pol. ii. 9, 10.

[5] Плутарх, Лук. 16.

[6] Скажем, 1½ бушеля муки, 5 галлонов вина, 5 фунтов сыра и 2½ фунта смокв.

[7] Smyth, Melic Poets, "Alkman", 26, если эмендация παῖδεσσιν верна.

[8] Aristot. Pol. ii. 9.

[9] Phylarchos (Athen. vi. 271).

[10] Xen. Anab. iv. 6. 14; Aristot. Pol. ii. 9. 31.

[11] Phylarchos (Athen. vi. 271 e).

[12] Xen. Hellen. v. 3. 9.

[13] Plato, Rep. 520 D.

[14] Plut. Kleom. 8.

[15] Aristoph. Knights, 635, 695 (с Schol. на 697, φορτικὸν ὀρχήσεως εἶδος); Eurip. Bacch. 1060.

[16] Xen. Hellen. v. 3. 9.

[17] Xen. Constit. of Lak. iii. 3; Hellen. v. 4. 32.

[18] Xen. Constit. of Lak. iii. 3.

[19] "Агелай" молодых людей упоминаются в надписях в Милетосе и Смурне [Böckh, 2892, 3326]; возможно, в этих городах существовали школы-интернаты для молодых людей, несколько напоминающие спартанские.

[20] παιδοφόροι. Xen. Constit. of Lak. ii. 2. Аристотель называет пайдономов аристократическим учреждением. Они существовали на Крите, и надписи упоминают их в Кари, Теосе и многих других местах.

[21] Plut. Lukourgos, 16. Гесихий утверждает, что Буагор был мальчиком, поэтому это слово не может означать Эйрена, которому было больше двадцати лет.

[22] Plut. Lukourgos, 17; Xen. Constit. of Lak. ii. 11.

[23] В таком случае Эйрен близко соответствует критскому Агелату.

[24] Lukourgos, 16; Lac. Institutions, 247.

- [25] Isok. Panath. 276 D.
- [26] Panath. 285 C.
- [27] Plato, Hippias Maj. 285 C.
- [28] Sext. Empir. Mathem. 2, § 21.
- [29] Plut. Lukourgos, 19-20.
- [30] Plato, Protag. 342 E.
- [31] Платон, Законы, 680 D. Крит полностью отрекся от Гомера.
- [32] Лук. против Леократа, 107. Полемарх был судьей на этих певческих состязаниях, и победитель получал кусок мяса (Philochoros in Athen. 630 f.).
- [33] Plato, Laws, 633 E.
- [34] Plut. Apoph.
- [35] Xen. Anab. iv. 6. 14.
- [36] Isok. Panath. 277.
- [37] κρυπτεία, κρυπτή.
- [38] Платон, Законы, 633 C.
- [39] Plut. Lukourgos, 28. Исократ лишь упоминает, что эфоры могли убивать столько гелотов, сколько хотели (Panath. 271 B).
- [40] Plut. Kleom. 28.
- [41] Thuc. iv. 80.
- [42] Plato, Laws, 763 B. Некоторые полагают, что κρυπτοί является интерполяцией. Если это так, то сходство должно было быть достаточно близким, чтобы поразить комментатора, знавшего Лакедайдмона, несмотря на то, что возраст в двух системах различен.
- [43] Полукрат (в Athen. 139 e).
- [44] Aristot. Pol. viii. 4; Plut. Luk. 19.
- [45] Plut. Apoph. 233 E. Платон принимает спартанские взгляды на борьбу в "Законах".
- [46] Plato, Laches, 183 D, E.
- [47] Plato, Theait. 162 B и 169 B.
- [48] Xen. Constit. of Lak. v. 8.
- [49] Athen. xii. 550 d. Одновременно осматривались их одежда и постельные принадлежности.
- [50] Pausan. 11 2. βίθεος, Böckh, 1241, 1242; βίδυος, 1254.
- [51] Aristot. Pol. viii. 4. 1.
- [52] Xen. Constit. of Lak. v. 9.

[53] Herod. ix. 72.

[54] Xen. Constit. of Lak. ii. 4.

[55] Paus.iii. 14. 2.

[56] Xen. Constit. of Lak. iv.

[57] Hesychius, Φούξις.

[58] Paus. iii. 16. 11.

[59] Plut. Lukourgos, 18; Cicero, Tusc. Disp. v. 27.

[60] Böckh, 1364.

[61] Pindar, Frag. Hyporch. 8 Λάκαινα παρθένων ἀγέλα.

[62] Xen. Constit. of Lak. i. 4.

[63] Cicero, Tusc. Disp. ii. 15.

[64] Plut. Lukourgos, 14.

[65] Отсюда их называли φαινομήριδες. Этот хитон можно увидеть на обычных статуях Артемиды.

[66] Theok. Idyll 18. 23.

[67] Laws, 806 A.

[68] Lusistrata, l. 80 и далее. В пьесе Лампито женат. Аристофан либо ошибся, либо гимнастика относится только к прошлому.

[69] Танец ὄρμος. Сравните с танцем в конце "Лузистраты", где "мужчина стоит рядом с женщиной, а женщина - с мужчиной".

[70] Лукиан, Танцы, 274.

[71] Xen. Hellen. vi. 4. 16.

[72] Xen. Ag. ii. 17.

[73] Athen. 630 a.

[74] Athen. 678 b.

[75] Платон, Законы, 666 D.

[76] Законы, 634-635.

[77] Xen. Constit. of Lak. ix. 5.

[78] Aristot. Pol. ii. 10. 8.

[79] Дополнительные доходы на те же цели извлекались из налогов, уплачиваемых перийками и крепостными (Athen. 143 a, b).

[80] Платон, Законы, 781 A.

[81] Историки, цитируемые по Athen. 143 e.

[82] Ibid.

[83] Strabo, x. 4. 483 (по авторитету Эфора), и Herakleides Pont. iii. (который предоставляет большинство деталей о Крите).

[84] Aelian, True History, ii. 39.

[85] Strabo, x. 4. 480.

[86] Сосикрат (в Athen. 261 e), говоря о Фесте.

[87] Hesychius, ἀπάγελος.

[88] ἐκδύσις, Antoninus Liberalis, 18.

[89] Mahaffy, p. 81; Grasberger, iii. 61.

[90] Евстафий на Il. ix. 518.

[91] Herakl. Pont. iii. 3.

[92] Persaeus ap. Athen. 140 f.

[93] Dicaearchus ap. Athen. 141 a.

[94] Sphaerus ap. Athen. 141 c, d.; и Молпис, там же.

[95] Polemon ap. Athen. 56 a, и 138-139.

[96] Ср. ясли-храмы в "Законах" Платона, 794 A.

[97] Деметрий Скепсисский (ap. Athen. 141 e).

ГЛАВА II

АФИНЫ И ОСТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЭЛЛАДЫ: ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Лакония и Крит были в основном сельскохозяйственными странами, которые мало занимались торговлей или производством. Их граждане составляли земельную аристократию, поддерживаемую поместьями, которые обрабатывались для них подданным населением; поэтому у них не было необходимости готовить своих мальчиков к какой-либо профессии или ремеслу, или даже обучать их принципам сельского хозяйства. Молодой спартанец или критянин нуждался в профессиональном или техническом обучении не больше, чем богатые ирландские помещики-затворники в наши дни. Он мог посвятить все свое школьное время, без ущерба для своих финансовых перспектив, тренировке своего тела и характера.

Но остальная часть Эллады в большинстве своем была местом оживленного производства и обширной торговли. Естественно было бы ожидать, что великие торговые народы, такие как афиняне или ионийцы Малой Азии, придавали большое значение коммерческим элементам образования, и предполагать, что методы ведения бизнеса и утилитарные отрасли обучения должны были занимать большое место в их школах. Но это было далеко не так. Для эллина

образование означало воспитание характера и вкуса, симметричное развитие тела, ума и воображения. Он не стал бы включать под столь почетное название ни курс обучения, в ходе которого ученики осваивали бы свое будущее ремесло или профессию, ни накопление знаний, предпринятое с целью заработать деньги. Поэтому всевозможные виды технического обучения были исключены из эллинских школ и обойдены молчанием эллинскими педагогами. Информация о нем должна быть собрана из случайных фактов и случайных упоминаний, а вся идея "утилитарного" обучения в современном смысле этого слова должна быть тщательно отброшена при рассмотрении эллинских школ.

Ведь эллины как народ считали все виды ремесел *буржуазными* (βάρβαρος) и презренными. Геродот говорит, что они переняли это мнение от окружающих народов, которые все придерживались его.[98] По их мнению, делать что-либо ради того, чтобы вытянуть деньги из кого-то другого, было вульгарно и неджентльменски. Лирических поэтов и софистов одинаково обвиняли в том, что они берут плату. Дешевизна и изобилие крепостного или рабского труда позволяли значительной части свободного населения жить в праздности и посвящать свое время развитию тела физическими упражнениями, ума - вечными дискуссиями, а воображения - искусством и музыкой. Гражданственность требовала досуга в те времена, когда еще не вошло в моду представительное правление. Именно благодаря этому принципу афинянин получал плату за дневное присутствие в суде или собрании, ведь таким образом самый бедный гражданин получал искусственный досуг для выполнения своих обязанностей. Иначе истинное гражданство было невозможно. Платон считает торговца непригодным для того, чтобы быть действующим гражданином.[99] Аристотель отвергает как недостойные свободного человека все ремесла, которые мешают телесному развитию или отнимают время, которое следовало бы посвятить умственному совершенствованию.[100] Ксенофонт объясняет причину такого отношения. Дискредитация *буржуазных* профессий вполне естественна, ведь они разрушают физическое состояние тех, кто ими занимается, заставляя их сидеть и жить в тени, а в некоторых случаях проводить день у огня. Таким образом, тело становится женоподобным, а характер одновременно ослабевает. У ремесленников также меньше свободного времени для служения своим друзьям и государству. В некоторых общинах, особенно в самых воинственных, гражданам не разрешается заниматься сидячими профессиями.[101] Владелец фабрики или фермы, на которой трудились рабы, был свободен от развращающего влияния: унижительным был только сам труд.

Однако многие представители бедных слоев населения были вынуждены работать своими руками, поэтому им, как и рабам, требовалось техническое обучение. Сохранились некоторые сведения о том, как оно передавалось. В основном ремесла передавались по наследству; "сыновья ремесленников обучаются ремеслу своих отцов, насколько их отцы и их друзья того же ремесла могут научить их этому".[102] Но учиться могли и другие. Ксенофонт упоминает о таких случаях. "Когда вы обучаете мальчика какому-либо ремеслу, - говорит он, - вы составляете заявление о том, чему вы хотите его научить"[103], и плата не выплачивалась, если это соглашение не было выполнено. В "Клитофоне"[104] упоминаются две функции строителя или врача - заниматься своей профессией и обучать учеников. В "Республике"[105] говорится: "Если из-за бедности ремесленник не может обеспечить себя книгами и другими необходимыми вещами, то его работа будет страдать, а его сыновья и другие, кого он может обучать, не смогут так хорошо освоить свое ремесло". Обучение строительству упоминается в "Горгии".[106] В "Республике"[107] Платон говорит, что *παῖδες* гончаров - это слово включает в себя и сыновей, и подмастерьев - выполняют роль слуг и долгое время наблюдают, прежде чем им позволят самим попробовать свои силы в изготовлении горшков. "Учиться горшечному делу на винном кувшине" - так называлась

пословица, означавшая начало обучения с самой трудной части предмета. Ученики врача по имени Питталос упоминаются в "Ахарнях" Аристофана.^[108] Комические поэты начала III века содержат несколько упоминаний о кулинарных школах. Сосипатр заставляет одного повара сказать, что его ученики должны изучить астрологию, архитектуру и стратегию, прежде чем придут к нему, подобно тому, как Платон требовал от своих учеников предварительного знания математики. Евфрон называет десять месяцев минимальной продолжительностью курса кулинарии. Аристотель упоминает человека в Сиракузах, который учил рабов, как ждать за столом и выполнять домашние обязанности: возможно, в пьесе Ферекрата^[109] под названием "Раб-учитель" речь идет о подобном случае. Из этих фрагментов можно составить представление о регулярной системе ученичества, с помощью которой передавались знания о ремеслах. Солон, желая поощрить афинское производство, постановил, что если отец не обучает своего сына какому-либо ремеслу, то он не может законно требовать, чтобы его содержали в старости.^[110] Но общее мнение Эллады по-прежнему гласило, что "техническое обучение и все обучение, направленное только на зарабатывание денег, было вульгарным и не заслуживало названия образования. Истинное образование направлено исключительно на добродетель, заставляя ребенка стремиться быть хорошим гражданином, умеющим властвовать и повиноваться".^[111] Ибо все золото на земле и под ней, по мнению Платона, не могло заплатить цену добродетели или заслужить право быть отданным в обмен на душу человека. Таким образом, спартанцы и критяне не остались в одиночестве, а получили поддержку всей Эллады, изгнав из своих школ всякую идею технического или профессионального обучения.

* * * * *

Но в одном примечательном моменте их идея образования отличалась от той, которая была распространена в большинстве эллинских государств. Обычный курс обучения в Афинах и в большинстве эллинских государств был предназначен только для мальчиков: девочкам туда не нужно было поступать. Женщины жили почти в восточном уединении;^[112] обязанностью афинской матери, по словам Перикла,^[113] было вести настолько уединенный образ жизни, чтобы ее имя никогда не упоминалось среди мужчин ни для похвалы, ни для порицания. Послушайте, как описывает свою жену один афинский джентльмен.^[114] "Что она могла знать, когда я женился на ней? Ей еще не было пятнадцати, когда я ввел ее в свой дом, и она всегда воспитывалась под строжайшим надзором; насколько это было возможно, ей не разрешалось ничего видеть, ничего слышать или задавать вопросы. Не думаешь ли ты, что это все, чего можно было ожидать от нее, если она знала, как брать сырую шерсть и делать из нее плащ, и видела, как шерстяная работа подается служанкам?" Сократ же, которому адресован этот вопрос, полагает, что она могла научиться "у отца и матери обязанностям, которые будут принадлежать ей в последующей жизни". Однако в данном случае им должен был научить ее муж. Он объясняет ей, что она должна следить за тем, чтобы все имело свое место и всегда было на своем месте; она также должна раздавать запасы, обучать рабов их обязанностям, ухаживать за ними, когда они болеют, и заботиться о маленьких детях. В итоге объяснение сводится к тому, что Небо установило справедливое разделение труда между мужем и женой: жена управляет всем, что находится в доме, а муж - всем, что находится за его пределами. Муж-домосед или жена-бездельница в равной степени противоречат респектабельности. Как правило, женщины просто сидели в доме, "как рабыни", как казалось обычному атлетически сложенному эллину. Образцовый муж Ксенофонта советует жене заниматься спортом: ходить по дому, смотреть, как раздают припасы, осматривать устройство шкафов, наблюдать за стиркой и отжимом белья: такие занятия дадут ей здоровье и аппетит. Но Ксенофонт был поклонником спартанских обычаев и атлетических

спартанских женщин: вероятно, такие мысли не пришли бы в голову обычному афинскому мужу.

Можно привести еще одну иллюстрацию из эллинской литературы, чтобы показать, какое образование получала обычная женщина.^[115] Некий Аристарх приходит к Сократу в большой беде. Несколько родственников, совершенно обездоленных, в силу разных обстоятельств попали его руки, и он должен их содержать, но у него нет необходимых средств. Сократ, естественно, предлагает ему заставить их работать, чтобы заработать на жизнь. Но они не знают, как это сделать, говорит Аристарх. Однако путем расспросов Сократ выясняет, что они умеют делать мужскую и женскую одежду, а также выпечку и хлеб. По-видимому, это были те умения, которыми могла овладеть обычная девушка в Элладе, воспитанная без всякой мысли о том, что ей придется зарабатывать себе на жизнь. Платон также упоминает ткачество и приготовление пищи как области, в которых женщины преуспевают,^[116] и описывает женщин Аттики как "живущих в доме, управляющих хозяйством и руководящих ткацким станком и шерстяной работой в целом".^[117]

Таким образом, афинская девушка проводила время дома, обучаясь быть обычной "хаусфрау", искусной в ткачестве, приготовлении пищи и ведении домашнего хозяйства. У нее была специальная служанка, которая присматривала за ней,^[118] как у ее братьев были свои пайдагоги. Как правило, она выходила замуж молодой и, естественно, после такого воспитания была очень застенчивой; брак заключался между женихом и родителями, и из-за уединения женщин в Афинах любовные отношения были практически невозможны. В основном, вопрос о браке решался с помощью приданого. Ксенофонт^[119] дает яркую картину того, как одна из этих девушек-жен постепенно "привыкала к своему мужу и становилась достаточно послушной, чтобы вести с ним беседу". Чтобы сохранить красоту в таких условиях, они пользовались румянами и белым, а также туфлями на высоких каблуках. Такие матери не могли дать детям ни литературного, ни музыкального образования, поэтому мальчики как можно скорее отправлялись в школу. Школьная жизнь обычно начиналась в возрасте около шести лет, точный возраст определялся по выбору родителей.^[120] До этого они изучали в яслях различные современные басни и баллады, а также национальную мифологию.^[121] "Как только ребенок понимает сказанное, няня, мать и пайдогос, да, впрочем, и сам отец, стараются вместе с ним улучшить его характер, каждым словом и делом показывая ему, что справедливо, а что несправедливо, что красиво, а что безобразно, что свято, а что несвято. Это всегда "делай так" и "не делай так". Если ребенок не слушается, его исправляют с помощью угроз и ударов".^[122] Помимо чисто нравственного воспитания, дома, несомненно, могли преподаваться некоторые технические или литературные дисциплины,^[123] и заучиваться стихи. До этого возраста мальчики и девочки жили вместе.

Сыновья богатых родителей, очевидно, шли в школу раньше всех, а их более бедные сограждане - позже.^[124] Это было естественно. Бедняки не могли долго держать своих сыновей в школе, так как им нужны были их услуги в магазине или на ферме, а плата за обучение была обременительной, поэтому они не отдавали их в школу до тех пор, пока они не становились достаточно взрослыми, чтобы быстро усваивать знания. Богатые же, для которых деньги не были проблемой, отдавали своих мальчиков в школу в раннем возрасте, когда они могли только смотреть, пока их старшие работали. Аристотель одобряет этот обычай и навязывает мальчикам своего идеального государства два года такой "игры в школу".^[125]

Обычная система начального образования в Афинах состояла из трех частей, которыми руководили соответственно "грамматики", "кифаристы" и "пайдотрибы".^[126] Грамматик обучал чтению, письму и арифметике, а также заставлял своих учеников читать и учить

наизусть великих поэтов - Гомера, Гесиода и других. Кифаристы учили мальчиков играть на семиструнной лире и петь под нее произведения лирических поэтов, которые им, кстати, предстояло выучить. Пайдотриб научно следил за их физическим развитием; он обучал их борьбе, боксу, панкратиону, бегу, прыжкам, метанию диска и копья и другим упражнениям; его школьной комнатой была палестра. К этой тройной системе некоторые мальчики добавляли рисование и живопись;^[127] но этот предмет, похоже, был дополнительным до конца четвертого века. Литература, музыка и атлетика составляли обычный курс обучения в Афинах.

Какая из трех ветвей образования началась первой? Вероятно, все они преподавались одновременно. Порядок, в котором они обычно упоминаются, не указывает на определенную последовательность. Письма, естественно, упоминаются первыми, потому что все граждане одинаково изучали этот предмет. Гимнастика была поставлена на последнее место, потому что благодаря общественным гимназиям эти занятия продолжались еще долго после того, как другие виды обучения прекращались. Более того, большинство признанных упражнений палестры не преподавались маленьким мальчикам; по характеру упражнений и по изображениям на вазах можно сделать вывод, что средний мальчик осваивал их не раньше двенадцатого года. Но физическая подготовка более легкого типа начиналась гораздо раньше, и мальчики, по-видимому, посещали палестру, начиная с шестого года, чтобы получить ее. И Платон, и Аристотель требуют, чтобы оно начиналось за несколько лет до любого интеллектуального обучения; и Платон, заставляя атлетику, такую как стрельба и верховая езда, начинаться в шесть лет, откладывает письмо до десяти, а игру на лире до тринадцати. Гимнастика, естественно, занимала бы часть дня здорового молодого эллина в течение всего времени с шестого года жизни до зрелого возраста. Поэтому Чармиан упоминает "совсем крошечных мальчиков", присутствовавших в палестре, а также юношей и мужчин постарше.

Игра на лире могла быть отложена, как более трудный предмет, до тех пор, пока мальчик не выучит буквы в течение нескольких лет; но семиструнная лира с простой старой эллинской музыкой, вероятно, не была очень трудным инструментом для освоения. Главным фактором, определявшим распределение предметов в обычной семье, был, несомненно, пайдагос. Если сын был один, он мог ходить в любую школу по желанию родителей; если же их было несколько, старшие и младшие должны были ходить в одну и ту же школу одновременно, потому что на всю семью, как правило, был только один пайдагос, и он никогда не мог позволить никому из своих подопечных уйти из поля его зрения.

О том, что эти три предмета обычно преподавались одновременно, можно судить по одному из отрывков Ксенофонта. "Во всех частях Эллады, кроме Спарты, - говорит он, - те, кто претендует на лучшее образование своих сыновей, как только ребенок понимает, что ему говорят, сразу же делают одного из своих слуг пайдагосом и сразу же отправляют его в школу изучать буквы, музыку и упражнения палестры".^[128] Акцент на слове "сразу", безусловно, подразумевает, что обучение трем предметам началось одновременно.

На вазах видно, что письмо и музыка преподаются бок о бок в одной школе; это было удобно и естественно. На стенах музыкальных школ и палестр висят письменные столы и линейки, а на стенах школ письма - лиры^[129]; это говорит о том, что мальчики в течение дня переходили из одного здания в другое, забирая с собой свое имущество. Платон утверждает, что три года на каждого - разумное время для обучения письму и лире.^[130] Восемь лет между шестью и четырнадцатью - обычное время, отведенное в Афинах четвертого века на начальный тройной курс, - позволили бы уложиться в эти шесть лет с двумя годами на

доработку. Гимнастика, по Платону, должна продолжаться в течение всего периода, и поэтому не требует специального выделения времени для себя.

Эту систему начального образования в Афинах можно с полным основанием отнести к началу шестого века. Солону приписывают постановление, сделавшее письмо обязательным, а также некоторые моральные постановления, касающиеся существующих школ и палестры. Спорная популяризация Гомера в Афинах, осуществленная Писистратом, вероятно, была связана с ростом школ письма. О существовании музыкальных школ в это время свидетельствует ваза VI века из Британского музея,^[131] на которой изображен юноша, развлекающийся с собакой, позади сидящего мужчины, играющего на лире. Само по себе это может показаться не очень убедительным, но теперь сравните это с двумя "амфорами" пятого века,^[132] которые, несомненно, представляют сцены в музыкальной школе. Ситуация практически идентична; на каждой из них мальчик играет с животным за креслом своего учителя. Любопытно, что все три вазы происходят из Камейроса на Родосе, хотя они афинского производства. Таким образом, музыкальную школу можно проследить вплоть до шестого века, наряду со школой письма и палестрой; таким образом, устанавливается древность системы начального образования.

ПЛАТА I. А.

УРОК ФЛЕЙТЫ, УРОК ПИСЬМА (НАД СВИТКОМ ДЛЯ ПИСЬМА, СЛОЖЕННОЙ ДОЩЕЧКОЙ, ЛИНЕЙКОЙ И Т. Д.)

Из Куликса Дуриса, находящегося в Берлине (№ 2285).

Monumenti dell' Instituto, ix. Plate 54.

ПЛИТА I. В.

УРОК ЛИРЫ И УРОК ПОЭЗИИ (ВВЕРХУ - ОРНАМЕНТАЛЬНАЯ РУКОПИСНАЯ КОРЗИНА)

Из Куликса работы Дуриса, хранящегося в Берлине (№ 2285).

Monumenti dell' Instituto, ix. Plate 54.

В более ранние времена этот начальный курс, несомненно, иногда продолжался до восемнадцати лет: но к концу пятого века возникла вторичная стадия образования, занимавшая годы, непосредственно предшествовавшие восемнадцати годам. Этот этап признается в псевдоплатоновском "Аксиохе" и во фрагменте "Телеса", цитируемом Стобеем. Более важные свидетельства приводит Платон. В "Республике" он приписывает сложную систему математики возрасту, непосредственно предшествующему ἑφῆβείᾳ, который он определяет в семнадцать или восемнадцать лет, причем естественный возраст варьируется в зависимости от человека, в то время как юридический возраст остается фиксированным.

Когда же началось это среднее образование? Аристотель, отсчитывая время от ἑφῆβείᾳ, отводит на него три года.^[133] Он только что похвалил организацию образования не по жесткому и быстрому принципу, а в соответствии с естественным ростом человека: поэтому он должен был подразумевать, что его ἑφῆβείᾳ варьируется от семнадцати до восемнадцати лет.^[134] Таким образом, он помещает начало среднего образования в четырнадцать или пятнадцать лет, средний возраст ἥβῃ в Элладе, как и в Риме. С ἥβῃ до двадцати одного года молодой афинянин был μεῖράκιον. Таким образом, по возрасту παῖς начальных школ соответствует римским "impubes", а μεῖράκιον - "adolescens"; но μεῖράκιον и παῖς используются очень вольно, и первое слово часто заменяется на νεανίσκος. Учеников начальных школ мы, как правило, будем называть мальчиками, а учеников средних - парнями.

Однако четырнадцать лет не были точной точкой, когда нужно было обязательно покидать начальную школу. Сыновья бедняков уходили раньше, а богатые или незанятые афиняне могли оставаться позже: Сократ даже посещал школу лиры среди мальчиков, когда был среднего возраста. Учителя начальных школ стали проводить углубленные занятия по астрономии и математике для старших учеников.^[135] В палестрах существовали отдельные классы мальчиков и юношей, которые должны были встречаться только по праздникам;^[136] в "Чармизе", однако, взрослые мужчины, юноши, мальчики и совсем крошечные мальчики занимаются вместе.

Многие юноши, особенно в ранние времена, вообще не посещали школы, а посвящали свое время гимнастике и всему остальному, что им нравилось.^[137] Ксенофонт называет это одним из недостатков афинской системы.^[138]

Умственные способности юноши, которому на вид чуть больше четырнадцати лет, запечатлены в "Лусисе" Платона. Лузис умеет читать и писать, натягивать струны и играть на лире. Он узнает цитаты из Гомера и даже познакомился с "прозаическими трактатами очень мудрых, которые говорят, что подобное всегда должно быть дружелюбным к подобному; это люди, которые рассуждают и пишут о Вселенной и природе".^[139]

Это среднее образование, начинающееся вскоре после четырнадцати лет, было только для богатых: бедные не могли позволить себе держать своих сыновей вдали от фермы или торговли. Оно могло быть разбросано по всем последующим шести или семи годам; но был серьезный перерыв, который обычно его завершал. В восемнадцать лет молодой афинянин становился в глазах закона эфебом и призывался для прохождения двухлетней военной подготовки. В течение этого периода призыва, несомненно, можно было, особенно в более мягкие времена четвертого века, заниматься интеллектуальным трудом; но Платон, вероятно, лишь принимает обычный обычай, когда освобождает эфебов своего государства от всех умственных занятий и заставляет их отдавать все свои силы военной и гимнастической подготовке. А когда эфебос возвращался к гражданской жизни, он был полноправным гражданином и вряд ли возвращался в школу; он мог иногда посещать лекции, но не более того.

Таким образом, среднее образование обычно занимало период между четырнадцатью и восемнадцатью годами, хотя последняя граница никак не была определена, и те же предметы можно было изучать в любом возрасте. В более ранние времена, несомненно, мальчики тратили время на продолжение музыкальных занятий: начальное образование могло проходить более неторопливо, когда еще мало чему можно было научиться, и лира могла быть отложена до этого возраста, как Платон в аналогичных обстоятельствах откладывает ее в "Законах". Но во времена Перикла знания стали расти, и мальчикам было чему учиться. Поэтому лира была втиснута в первый период обучения, и возникла новая серия второстепенных предметов. Именно эти годы обычно посвящались четырехлетнему курсу, который был принят в школе Исократа. До этого времени время, как правило, тратилось на посещение лекций странствующих софистов или на изучение философии. Среди предметов, которые таким образом составляли часть среднего образования, были математика различных видов, более продвинутая литературная критика, определенный объем естественной истории и науки, знание законов и конституции Афин, небольшое количество философии, этической, политической и метафизической, и, прежде всего, риторика. Платон в своей "Республике", развивая эту афинскую систему среднего образования, приписывает годам, непосредственно предшествующим восемнадцати, теорию чисел, геометрию, плоскости и тверди, кинетику и гармонику, и прямо исключает диалектику как более подходящую для более позднего возраста;^[140] в "Законах", предписывая обучение всему населению, а не нескольким избранным интеллектуалам, он предписывает практическую арифметику, геометрию и астрономию, достаточную для того, чтобы сделать календарь понятным. Псевдоплатоник Аксиох^[141] приписывает Продикосу утверждение, что "когда ребенок становится старше, он терпит тиранию математиков, учителей тактики и "критиков"". Именно последние являются профессорами той любопытной критики поэзии, которая встречается, например, в "Протагоре" как предмет лекций этого софиста, а также Гиппия.

В восемнадцать лет молодой афинянин частично достигал совершеннолетия. Затем он должен был пройти двухлетний курс военной подготовки, из которых первый год проводился в Афинах, а второй - в пограничных крепостях и в лагере. В этот период у него, вероятно, было мало времени для интеллектуальных занятий. Но когда военная мощь Афин рухнула под властью Македонии, военные обязанности эфебиев стали добровольными, а их обучение было заменено регулярными курсами философии и литературы. Военная система превратилась в университет, в котором учились несколько молодых мужчин, обладавших богатством и положением, и множество иностранцев. Как преемник первого университета, двухлетнее обучение эфебиев вполне может получить название третичного образования, несмотря на то, что до III века оно включало в себя только военное обучение.

Таким образом, афинское образование делится на три этапа: начальное - с шести до четырнадцати лет, среднее - с четырнадцати до восемнадцати лет и третичное - с восемнадцати до двадцати лет; в то время как гимнастическая подготовка охватывала весь этот период.

* * * * *

Из этих трех ступеней только третья была обязательной и обеспечивалась государством. Вторая была полностью добровольной, и занимались ею только самые богатые и обеспеченные мальчики. Гимнастика в некотором роде стала почти обязательной из-за того, что каждый гражданин был обязан в любой момент поступить на военную или морскую службу; но они не нуждались в особом поощрении. Из начальных предметов, вероятно, обязательными по закону были буквы, и почти всегда преподавалась музыка. Старый закон, приписываемый Солону,^[142] гласил, что каждый мальчик должен учиться плаванию и письму; после этого более бедные могли обратить свое внимание на торговлю или земледелие, а более богатые переходили к изучению музыки, верховой езды, гимнастики, охоты и философии. В "Критоне" Платона олицетворенные афинские законы, рассказывая Сократу о многочисленных услугах, которые они ему оказали, упоминают, что они "поручили его отцу обучать его музыке и письму".^[143] Но законы в Элладе включают в себя как обычаи, так и конституцию государства. Конечно, почти для каждого гражданина в Афинах было принято учиться музыке, но это не было обязательным. В литературе мы не встречаем ни одного афинянина, не знающего грамоты; мы встречаем нескольких, не знающих музыки. В "Аристофане" Демосфен и Никиас ищут самого вульгарного и низкопробного человека в Афинах, чтобы вытеснить Клеона из популярности, превзойдя его в вульгарности. Они находят продавца сосисок. Но и этот человек знает грамоту, хотя и не очень хорошо.^[144] Однако в музыке он невежественен и никогда не посещал уроки пайдотриба,^[145] хотя Клеон, кажется, ожидает, что он это сделает. Клеон, которого представляют полным хамом, тем не менее, говорят, посещал школу игры на лире.^[146] В "Теагах"^[147] литература, игра на лире и атлетика упоминаются как обычное образование джентльмена. В яростно демократических Афинах каждый родитель стремился воспитать своих сыновей джентльменами и, несомненно, отправлял их на полный курс обучения, если мог себе это позволить. Но отношение государства к образованию, в отличие от добровольных обычаев граждан, можно резюмировать словами Сократа, обращенными к Алкивиаду: "Никому, так сказать, нет ни малейшего дела до того, как воспитывается ты или любой другой афинянин".^[148]

Школьные директора открывали свои школы как частные предприятия, сами устанавливали плату за обучение и преподаваемые предметы. Родители выбирали подходящую, по их мнению, школу, исходя из своих средств и предметов, которым они хотели бы обучать своих сыновей. Так, Сократ говорит своему старшему сыну, Лампроклу,^[149] "Когда мальчики

кажутся достаточно взрослыми, чтобы чему-то научиться, родители учат их всему, что знают сами и что может быть полезным для них; предметы, которые, по их мнению, лучше преподают другие, они отправляют изучать в школу, тратя на это деньги". Это говорит о том, что бедняки часто могли передавать сыновьям свои собственные знания о письме без затрат на школу. Но все это было частной сделкой между родителями и учителем. Государство вмешивалось в этот вопрос лишь настолько, чтобы наложить определенные моральные ограничения на школы и гимназии, установить часы открытия и закрытия и т. д., а также предложить, чтобы каждый мальчик был обучен письму.

Обучение начальным этапам письма, то есть трем буквам "Р", как будет показано далее, обходилось дешево и было по карману самым бедным. Музыка и легкая атлетика, естественно, стоили дороже, поскольку требовали от преподавателей гораздо большей подготовки и таланта. Государство все же предприняло некоторые шаги, чтобы сделать эти отрасли образования более дешевыми и открыть их для большего числа людей.

За государственный счет были построены гимназии и палестры,[150] чтобы любой желающий мог бесплатно заниматься спортом. Эти здания были также открыты для зрителей, так что любой мог получить начальные знания о боксе, борьбе и других видах атлетики, наблюдая за тем, как занимаются его более опытные сограждане. Эфебои обучались атлетическим упражнениям за счет государства. Но дети, если они получали физическую подготовку в школах, должны были получать ее в частных палестрах; их занятия описываются как проходящие "в доме пайдотрибов", *ἐν παιδοτρίβου* - идиома, которая всегда подразумевает владение или особые права; и большинство палестр были частными зданиями, называемыми по именам их владельцев. Так, мы слышим о палестрах Сибуртиоса, Тауреаса,[151] и т. д: Сибуртиос и Тауреас, несомненно, были пайдотрибаями, которые там преподавали. В более позднюю эпоху, когда мальчики из разных палестр устраивали факельные забеги друг против друга, палестра Тимея побеждала дважды, а палестра Антигена - один раз.[152]

По системе *leitourgiai* богатые граждане должны были оплачивать расходы эфебов своего племени, которые тренировались для факельных состязаний. Эти скачки, похоже, были единственной отраслью атлетики, которая финансировалась таким образом; однако их было много, даже в небольших сельских районах, так что многие эфебои, должно быть, извлекали выгоду из этого бесплатного обучения.[153] "Лейтургай" также предоставлял бесплатное обучение хоровым танцам (которые включали в себя как пение, так и танцы) для тех мальчиков, которые были отобраны для участия в соревнованиях. Богатый "хорегос", назначенный на год, должен был подготовить хор из мальчиков своего племени для какого-либо праздника, оплачивая все расходы по их обучению и подготовке самостоятельно.[154] Именно на эту свободную школу ссылается солонский закон, когда упоминает о "совместном посещении мальчиков и дифирамбических хоров"; далее говорится, что постановление по этому вопросу гласило, что "хорегос" должен быть старше сорока лет.[155] В книге Демосфена[156] некий Мантитей, который не был признан своим отцом в обычное время, "посещал школу среди мальчиков из племени Гиппотонтидов, чтобы научиться танцевать хоры": если бы он был признан, он должен был бы пойти к Акамантидам, племени своего отца. Несомненно, если бы хорегос стремился к победе, он дал бы испытание большему числу мальчиков, чем пятьдесят, необходимых для дифирамбического состязания. В любом случае, при условии, что все племена участвовали в соревнованиях, один конкурс (а их было несколько в течение года) давал бесплатное образование 500 мальчикам. Ксенофонт замечает, что именно "демос", бедное большинство, в основном получало преимущество

бесплатного обучения у гимназиархов и хорегоев:[157] богатые, естественно, предпочитали отправлять своих мальчиков в более избранные школы.[158]

Таким образом, в Афинах обязательными были только начальные ступени обучения письму, но музыка и гимнастика преподавались почти повсеместно, и стоимость обучения этим предметам снижалась различными способами благодаря действиям государства: большую часть можно было выучить бесплатно. Но родители не нуждались в принуждении или поощрении, чтобы заставить своих детей учиться. Эллы настолько считали образование необходимостью для своих мальчиков, что, когда афиняне были изгнаны Ксерксом из своих домов, а их женщины и дети перешли в Тройзен, гостеприимные троянцы предоставили своим гостям школьных учителей, так что даже в такой кризисной ситуации мальчиков не могли заставить взять отпуск.[159] А когда Митулена хотела как можно суровее наказать своих восставших союзников, она запрещала им учить своих детей письму и музыке.[160]

О действиях государства в отношении образования в Элладе в других местах, кроме Спарты, Крита и Афин, известно немного. Но в халкидских городах на Сицилии и в Италии, как говорят, за государственный счет и под государственным надзором предоставлялось литературное образование.[161] Закон, устанавливающий это, приписывается великому законодателю Харондасу, и, хотя он является несколько теневой фигурой,[162], должно быть, имела под собой какую-то основу, во всяком случае, в более поздний период. В македонский период цари и другие богатые люди часто завещали крупные суммы денег своим любимым городам, чтобы поддержать систему образования. Мы слышим об этом в Теосе и Дельфах: в этих местах родители, если они вообще платили за обучение, не могли платить много. Но в рассматриваемый нами период нет никаких данных о подобных пожертвованиях.

* * * * *

Но если образование не было ни принудительным, ни в какой-либо значительной степени поддерживаемым государством, оно, несомненно, поощрялось призами, которые предлагались. В каждом городе и, вероятно, в большинстве деревень ежегодно, а во многих случаях и чаще, проводились местные соревнования, в которых одни "состязания" были предназначены только для горожан, а другие были открыты для всех желающих. Существовали отдельные призы для разных возрастов; обычное деление было на мальчиков и взрослых мужчин, иногда добавлялся промежуточный класс "безбородых". Но в некоторых аттических надписях мальчики разделены на три группы, и на Хиосе эфебы были распределены именно так.

Эти соревнования, несомненно, были в основном спортивными. Но обычно предусматривалась и музыка, а во многих местах проводились и литературные состязания. В Афинах различные φρατρίαι, по-видимому, ежегодно в день Куреотиса в Апатурии вручали призы мальчикам, которые лучше всех декламировали, причем произведение для декламации выбирал каждый участник. Критиас принял участие в конкурсе, когда ему было десять лет.[163] Из Теоса мы имеем список призеров, относящийся, правда, к более позднему времени; но его можно процитировать, чтобы дать некоторое представление о том, какими могут быть предметы.[164]

Старший класс (по возрасту).

За рапсодию - Зоилос, сын Зоилоса.

Для чтения - Зоилос, сын Зоилоса.

Средний класс.

Для рапсодии - Метродорос, сын Атталоса.

Для чтения - Дионусикл, сын Метродора.

За общие знания - Афинаиос, сын Аполлодора.

За живопись - Дионусиос, сын Дионусиоса.

Младший класс.

За рапсодию - Ираклий.

За чтение.

За каллиграфию.

За бег с факелом.

За игру на лире пальцами.

Для игры на лире с плектром.

Для пения под лиру.

Для декламации трагических стихов (трагедии).

За декламацию комедии.

Для чтения лирических стихов.

Из Хиоса мы имеем следующий^[165] :-.

Когда Гермесилай, Динос и Никиас были гимнасиархами, следующие мальчики и эфебы побеждали в состязаниях и возносили возлияния Музам и Гераклу из сумм, которые им давали по постановлению народа, когда Лузиас был дегустатором подношений:...

За чтение - Агатокл.

За рапсодию - Мильтиаду.

За игру на лире пальцами - Зенон.

За игру на лире - Клеониты.

Забег на длинные дистанции (варьировался от 2¼ мили до ¾ мили).

Мальчики	Асклепиады.
----------	-------------

Младшие эфебы	Дионусиос.
------------------	------------

Средний	Тимокл.
---------	---------

Старший "	Мосхион.
-----------	----------

Мужчины "	Айшрион.
-----------	----------

Стадион (200 ярдов).

Мальчики	Афиникон.
----------	-----------

Юношеские эфебы	Гестийайос.
--------------------	-------------

Средний	Аполлониос.
---------	-------------

Старший "	Артемон.
Мужчины "	Метродорос.

Диауλος (400 ярдов).

Мальчики	Афиникон.
----------	-----------

Юношеский эфебой	Хубристос.
---------------------	------------

Средняя "	Мелантес.
-----------	-----------

Старший "	Аполлоний.
-----------	------------

Мужчины "	Менис.
-----------	--------

(Аполлоний, по-видимому, был настолько хорош, что, хотя и был средним эфебом, участвовал в соревнованиях старших эфебов и победил в них, если только не было двух мальчиков с одинаковыми именами).

Борьба.

Мальчики	Афиникон.
----------	-----------

Младшие эфебой	Деметриос.
-------------------	------------

Средний	Мосхос.
---------	---------

Старший "	Теодотос.
-----------	-----------

Мужчины "	Апеллас.
-----------	----------

Бокс.

Мальчики	Ираклидес.
----------	------------

(Остальное - по желанию.)

(Обратите внимание на три победы мальчика Афиникона.)

В Феспии в Бойотии^[166] были призы для старших и младших мальчиков в различных видах скачек, а также в боксе, борьбе, панкратионе и пятиборье, помимо открытых призов за поэзию и музыку всех видов. Аттические надписи упорядочивают соревнования таким образом^[167] :- Стадион.

Стадион.

Юниоры	Мальчики.
--------	-----------

Средняя	Мальчики.
---------	-----------

Старшие	Мальчики.
---------	-----------

Мальчики	Открытый.
----------	-----------

Мужчины.

Диауλος.

Юниоры	Мальчики.
--------	-----------

Средний	Мальчики.
---------	-----------

Старшие Мальчики.
Мальчики Открытый.
Мужчины.

Бой на тяжелом оружии.
Младшие Мальчики.
Средние Мальчики.
Старшие Мальчики.
Эфебои.

Однако на Олимпийском и Пифийском фестивалях проводилась только одна серия состязаний для мальчиков:...

	Олимпия.
Мальчики.	Стадион (Pind. Ol. xiv.).
	Бокс (Pind. Ol. x., xi.).
	Борьба (Pind. Ol. viii.).
(только в 628 г. до н.э.).	Пентатлон.
(не ранее 200 г. до н.э.).	Панкратион.

	Пифия.
Мальчики.	Бег на длинные дистанции.
	Диаулос (400 ярдов) (Pind. Puth. x.).
	Стадион (200 ярдов) (Pind. Puth. xi.).
	Бокс.
	Борьба (Vaschul. xi.).
	Панкратион (не ранее 346 г. до н.э.).

Но в Немее ко времени Пиндара уже были учреждены пятиборье^[168] и панкратион^[169] для мальчиков, а также более обычные состязания.^[170]

Несколько отдельные школьные учителя, в отличие от государства, давали призы своим ученикам, мало известно; единственным свидетельством служит эпиграмма в "Антологии", в которой рассказывается, что "Коннарос получил восемьдесят костяшек, потому что писал красиво, лучше других мальчиков".^[171] Но, вероятно, как правило, задача вознаграждения заслуг возлагалась на общественные конкурсы.

* * * * *

Таким образом, государство многое делало для поощрения образования, хотя и мало помогало или принуждало к нему. С такими великолепными наградами мальчики, вероятно, охотно посещали школу или, во всяком случае, палестру. Как только они становились достаточно взрослыми, чтобы ходить в школу,^[172] их поручали пожилому рабу,^[173] который

должен был следовать за мальчиками своего хозяина, куда бы они ни пошли, и никогда не выпускать их из виду.^[174] Это был пайдагос - смесь няньки, лакея, сопровождающего и воспитателя, - который занимает столь видное место на вазах и в литературе классической Эллады. На всю семью был только один, так что все мальчики должны были ходить вместе и посещать одни и те же школы и одни и те же палестры в одно и то же время.^[175] Он ждал их в доме, носил их книги или лиры в школу, сидел и наблюдал за ними в школьном классе, строго следил за их манерами и нравственностью на улицах и в гимназиях. Так, например, у Платона Лузис и Менексенос присматривают за своими пайдагоями на палестре, которые приходят и отвлекают их от увлекательной беседы с Сократом, когда им пора идти домой.^[176] На вазе эти сопровождающие сидят на табуретах позади своих подопечных, в школах письма и музыки, с длинными и наводящими на размышления тростями в руках.^[177] Заботливый родитель, конечно, проследил бы, чтобы раб, которому предстояло занять столь ответственное положение, был достоин его: но, похоже, в этом вопросе часто проявлялась большая беспечность. Пайдагои из Лусиса и Менексена, мальчики, занимающие высокое положение, плохо произносили слова, а в день праздника, правда, слегка пьянели.^[178] Плутарх замечает, что в его время родители часто выбирали для этой должности рабов, которые не годились ни для каких других целей.^[179] Ксенофонт, чувствуя недостатки афинского обычая, хвалит спартанцев, которые поручают мальчиков не рабам, а государственным чиновникам самого высокого ранга.^[180] Но в хорошо отрегулированных семьях пайдагос часто был самым достойным и ценным слугой. Сикиннос, который в этом качестве присматривал за детьми Фемистокла, хозяин доверил знаменитое послание Ксерксу, которое привело к битве при Саламине; после этого он был вознагражден свободой, гражданством Феспии и значительной суммой денег.^[181] Обычай нанимать таких нянек-мужчин появился в Афинах еще в ранние времена, так как Солон издал правила о них.^[182]

Мальчиков вверяли пайдагоям, как только они шли в школу в шесть лет. Такая опека могла продолжаться до восемнадцати^[183] лет и совершеннолетия мальчика, но чаще она прекращалась раньше. Ксенофонт,^[184] в своем желании принизить все не спартанское, утверждает, что во всех других государствах мальчиков освобождали от пайдагогов и школьных учителей, как только они становились *μειράκις*, то есть примерно в четырнадцать или пятнадцать лет. Соединение школьных учителей дает объяснение колебаниям в возрасте. Когда старший брат переставал посещать школу, а его младшие братья продолжали учиться, то при наличии только одного пайдагоса его приходилось оставлять без присмотра. Но в тех случаях, когда сын был только один или когда старший из нескольких оставался в школе до совершеннолетия, пайдагос должен был присматривать за ним до тех пор, пока он не станет сам себе хозяином.

Жизнь такого помощника во многих случаях должна была быть беспокойной. Платон сравнивает свое отношение к подопечным с отношением больного к своему здоровью: "Он вынужден следовать за болезнью, куда бы она ни привела, не имея возможности ее вылечить, и проводит свою жизнь в вечном беспокойстве, не имея времени ни на что другое".^[185] С непокорными мальчиками разного возраста, а следовательно, с разными вкусами и желаниями, раб, должно быть, часто оказывался в затруднительном положении. Однако он имел право применять телесные наказания.

Главной задачей пайдагоса было следить за нравственностью своих подопечных. Мальчики должны были быть такими же скромными и тихими в своем поведении и так же тщательно опекаться, как и девушки. Родители говорили школьным учителям, чтобы они уделяли поведению мальчика гораздо больше внимания, чем его занятиям письмом и музыкой.^[186]

Такое отношение было характерно для Афин с самого начала. Школьные законы Солона, процитированные Айсхином, полностью касаются морали. Он дает о них следующее описание[187]:-

"Старые законодатели прямо указывали, какой образ жизни должен вести свободный мальчик и как его следует воспитывать; они также касались нравов парней и мужчин других эпох". "Что касается школьных учителей, которым мы вынуждены верить своим детям, то, хотя их средства к существованию зависят от их хорошего характера, а плохое поведение губительно для них, законодатель, тем не менее, явно не доверяет им. Ведь он прямо указывает, во-первых, час, в который свободный мальчик должен идти в школу; во-вторых, сколько других мальчиков должно быть в школе; и затем, в какой час он должен уйти. Он запрещает школьным учителям открывать свои школы, а пайдотрибам - свои палистры до восхода солнца и приказывает им закрываться до захода солнца, будучи очень подозрительным к пустым улицам и темноте. Затем он разбирался с мальчиками, которые посещают школы, с тем, кто они должны быть и какого возраста, и с чиновником, который должен следить за этими делами. Кроме того, он занимался регулированием деятельности пайдагогов, а также праздником Муз в школах и Гермеса в палестрах. Наконец, он установил правила совместного посещения мальчиков и круга дифирамбических танцев; ведь он предписал, чтобы хореги были старше сорока лет".

"Во время обучения мальчиков никто, кроме сына, брата или зятя хозяина, не мог входить в дом: за нарушение этого правила полагалась смерть. На празднике Гермеса лицо, ответственное за гимнасий[188], не должно было позволять никому из старшеклассников сопровождать мальчиков каким-либо образом: если он не исключал таких лиц из гимназии, он должен был попасть под закон о развращении свободных мальчиков".

Следует заметить, что эти правила полностью касаются морали: они защищают существующую систему. Они не предписывают ни методов, ни предметов воспитания, поскольку в такие вопросы афинское правительство не вмешивалось. Но в вопросах морали оно неожиданно становится тираничным и устанавливает самые мельчайшие правила, достойные самой строгой бюрократии. Оно вмешивалось этот вопрос и другими способами. Со времен Солона торжественный совет на Арейопагосе осуществлял особый надзор за молодыми; его частично отняли Эфиальт и Перикл, но Аксиох показывает, что он, хотя и был упразднен, продолжал существовать; в середине четвертого века, однако, Исократ сетует, что он пришел в упадок.

В "Аксиохе" также говорится, что десять софронистов, избранных для охраны нравственности эфеев, осуществляли контроль и над юношами. Эти должностные лица, вероятно, появились во времена Солона: положение о том, что они должны быть старше сорока лет, гармонирует с другими постановлениями тех дней; и хотя они угасли в конце четвертого века, их возродили во времена Римской империи. Маловероятно, чтобы архаичные законодатели имперских времен возродили должность, существовавшую лишь в последние десятилетия четвертого века. Известно, что Солон назначил магистратуру, специально занимавшуюся детьми;[189] и, если эти магистраты не были софронистами, то все следы его создания были утеряны, что маловероятно. Таким образом, софронисты, вероятно, возникли в ранние времена. В их обязанности входил общий надзор за нравственностью молодежи; их главной функцией было преследование от имени государства родителей и школьных учителей, нарушавших моральные предписания Солона. Но такие преследования обычно осуществлялись частными лицами, заинтересованными в деле, и поэтому эта магистратура, как правило, становилась синекурой. Возможно, она даже прекратила свое существование после падения Арейопагоса. Но, похоже, она возродилась

при восстановленной демократии на некоторое время (если Аксиох принадлежит Айсхину Сократу), чтобы снова опуститься в середине века. В конце века она снова возрождается с изменениями в системе эфебов и, наконец, погибает, когда эфебов стало слишком мало, чтобы нуждаться в десяти офицерах для надзора за их моралью. Рассказ о софронистах этого позднего периода будет дан в связи с эфебоями.

ПЛАТА II.

УРОК ИГРЫ НА ФЛЕЙТЕ - ОЧЕРЕДЬ МАЛЬЧИКА

Wiener Vorlegeblätter, Series C, Plate 4.

С Куликса работы Иерона, хранящегося в Вене.

Как и следовало ожидать, стратеги^[190] осуществляли надзор за эфебоями во время их двухлетнего обучения в качестве рекрутов. В конце четвертого века они, по-видимому, также были связаны с местными школами в Аттике; надпись в Элевсисе, которую Жирар относит к 320 г. до н. э., благодарит стратега Деркулоса за усердие, которое он проявил в надзоре за образованием детей.^[191] Выполняли ли они такие функции в те времена, когда их военные обязанности были важнее, более чем сомнительно. Но любой афинский магистрат, несомненно, мог интересоваться школами и вмешиваться, чтобы пресечь злоупотребления.^[192]

* * * * *

В период эмансипации несовершеннолетних и растущей роскоши и потворства детям, которым были отмечены последние десятилетия пятого века, для консервативных мыслителей стало обычным делом с тоской и, несомненно, идеализацией оглядываться на "старые добрые времена". Шестой и начало пятого веков, возможно, несправедливо, стали считаться идеальным веком воспитания, когда дети учились послушанию и нравственности, не были изнеженными и развращенными; когда они были красивыми и здоровыми, а не бледнолицыми, низкорослыми и перекормленными.

Послушайте Аристофана,^[193] тоскующего по "старому доброму стилю воспитания, по тем временам, когда справедливость еще преобладала над риторикой, а добрые нравы еще были в моде. Тогда детей было видно, а не слышно; тогда мальчики из каждого хутора и

прихода шли стройной процессией по дорогам, направляясь в школу лиры, - никаких шинелей, хотя снег валил с ног. Затем, пока они стояли ровным строем - не мешкая, - мастер учил их прекрасной старой патриотической песне вроде "Pallas, city-sacker dread", [194] или "A cry that echoes afar", [195], наложенной на старую добрую мелодию. Если же кто-то пробовал вульгарные трели, твистлы и оды, в которых метр меняется, как это сейчас делают Фрунис и Ко, он получал огромную порку за неуважение к Музам". Во время обучения у пайдотрибов они тоже вели себя скромно и не тратили время на разглядывание своих поклонников. "Во время еды детям не разрешалось хватать лакомства, хихикать или скрещивать ноги". "Именно такое воспитание породило героев Марафона.... Оно научило мальчиков избегать Агоры, держаться подальше от бань, стыдиться того, что позорно, быть вежливыми со старшими, почитать родителей и быть олицетворением Скромности - вместо того, чтобы бегать за балетными девчонками. Они проводили дни в гимназиях, поддерживая свое тело в хорошем состоянии, а не болтали на Агоре. Каждый проводил время с воспитанным юношей своего возраста, бегая наперегонки в Академии под священными оливами, среди благоухания смилакса, досуга и белого тополя, радуясь весенней поре, когда платан и вяз шепчутся друг с другом". Все голоса поколений мальчиков, привязанных к занятиям в помещении, когда лес, поле и река зовут их, жалобы веков лихорадочной спешки и суеты, с сожалением оглядывающихся на дни "досуга" и "весеннего прилива", словно эхом отзываются в сетованиях Аристофана по тем путям, которых больше нет.

"Это воспитание, - продолжает он, - давало хорошую грудь, здоровый цвет лица, широкие плечи, маленький язык; новый стиль порождает бледные лица, маленькие плечи, узкую грудь и длинный язык, и заставляет мальчика путать честь с бесчестьем: он наполняет бани, опустошает палаистры".

Следующий свидетель, которого вызывают, - Исократ. Он несколько предвзят своей мечтой вернуть Арейопагосу былую мощь, но он - эксперт в области образования, и его свидетельства подкрепляются свидетельствами многих других. В те времена, когда Арейопагос осуществлял надзор за нравственностью, говорит он, [196] "молодые не проводили время в игорных притонах, с флейтистками и подобными компаниями, как сейчас, но оставались верны тому образу жизни, который был установлен для них.... Они настолько избегали Агоры, что, если им приходилось проходить через нее, они делали это с очевидной скромностью и самообладанием. Противоречить или оскорблять старшего в те времена считалось худшим проступком, чем сейчас считается плохое обращение с родителями. Есть и пить в таверне было делом, о котором тогда не подумал бы даже уважающий себя слуга; ведь они придерживались хороших манер, а не вульгарности".

Далее обратимся к Платону. [197] "В демократическом государстве школьный учитель боится своих учеников и льстит им, а ученики презирают и школьного учителя, и пайдагоса. Молодые ожидают такого же обращения, как и старые, противоречат им и ссорятся с ними. На самом деле старшим приходится льстить младшим, чтобы не прослыть угрюмыми старыми болванами".

В обвинительном заключении фигурируют такие пункты, как роскошь, дурные манеры, неуважение к авторитетам, неуважение к старшим и любовь к болтовне вместо занятий. Старый режим строго запрещал роскошь. Теплые ванны считались немужественными и даже сочетались Гермиппосом с пьянством. [198] Мальчики носили только одну одежду, хитон без рукавов, обычай, сохранившийся до поздних времен в Спарте и на Крите; но в Афинах они стали носить также *ἱμάτιον* или шинель. Ксенофонт, обвиняя родителей "в остальной Элладе" (то есть в других местах, кроме Спарты), говорит: "Они делают ноги своего мальчика мягкими, давая ему обувь, и балуют его тело сменой одежды; они также позволяют

ему столько пищи, сколько может вместить его желудок".[199] Дети стали не рабами, а тиранами в своих домах. Они больше не вставали со своих мест, когда в комнату входил старший; они противоречили родителям, болтали в компании, поглощали лакомства за столом и совершали различные проступки против эллинского вкуса, например, скрещивали ноги. Они тиранили пайдаго и школьных учителей. Алкивиад даже ударил учителя литературы. Аналогичные изменения произошли и с положением детей в Англии во второй половине девятнадцатого века. Если бы Мария Эджворт могла встретить современного ребенка, она бы произнесла вполне аристофановские диатрибы против упадка хороших манер.

Вместе с этим изменением произошло и более серьезное - смена тона. Были ли старые времена настолько нравственными, как предполагали консерваторы, можно сомневаться; но атмосфера периклийских и сократовских Афин, представленная всеми литературными светилами, была, безусловно, самой неподходящей для молодежи. Возможно, общая мораль была не хуже, но безнравственность уже не скрывали от детей. Старые законы, исключавшие неподходящую компанию из школ и палестр, были проигнорированы, и эти учебные заведения стали местом отдыха всех модных афинских бездельников.

Предпочтение, отдаваемое разговорам, а не упражнениям, было характерной чертой эпохи. Отчасти это было предпочтение интеллектуального, а не чисто физического воспитания. Свободное обсуждение с детьми этических тем, вероятно, прекратилось со смертью Сократа; об этом вряд ли можно сожалеть, если верить свидетельствам Платона о характере сократических диалогов. По тому значению, которое Платон придает гимнастике как корректору исключительной μουσικῇ даже в воспитании своих высокоинтеллектуальных царей-философов, можно предположить, что восстание против чрезмерной атлетики в Афинах, лидером которого был Еврипид, зашло слишком далеко, и что нужна была реакция. Конечно, в IV веке афиняне не отличались упорством и энергией: по платоновскому выражению, их решительность была расплавлена исключительной преданностью интеллектуальным и художественным занятиям.

Позвольте мне, однако, завершить эту тему более приятной картиной того αἰδώς или скромности, к которой стремилось более древнее образование. Она взята из среды тех блестящих, но развращенных сократовских Афин.[200] Юный Автолукус победил в состязании мальчиков по панкратиону на великом Панафинейском празднике. В награду друг отца Каллиас взял его на скачки, а после пригласил на обед к своему отцу Лукону: такого достоинства афинский мальчик удостоивался редко.

Мальчик сел за стол, а взрослые мужчины расположились в креслах. Кто-то спросил его, чем он больше всего гордится: "Наверное, своей победой?". Он покраснел и ответил: "Нет, не горжусь". Все были рады услышать его голос, ведь до сих пор он не произнес ни слова. "О чем же тогда?" - спросил кто-то. "О моем отце", - ответил мальчик и прижался к нему.

Эти застенчивые, краснеющие мальчики были характерной чертой эпохи. Самые строгие родители, зная об опасностях, которые подстерегали их сыновей, старались оградить их от любых знаний и впечатлений о мире.

* * * * *

Насколько можно судить по отрывочным свидетельствам, афинский тип образования был распространен во всем цивилизованном эллинском мире, за исключением Крита и Лакедаимона, где существовали свои собственные системы. Ксенофонт, восхваляя спартанскую систему и противопоставляя ее той, что была распространена в соседних

странах, приписывает так называемой "остальной Элладе" образовательные обычаи и порядки, в точности схожие с теми, которые, как выяснилось, существовали в Афинах. Его утверждение подтверждается и другими свидетельствами. На Хиосе до 494 г. до н. э. определенно существовала школа писем, поскольку в том году здание такого рода обрушилось, уничтожив всех, кроме одного из 120 учеников.^[201] В Бойотии, прославившейся своей глупостью, школы были даже в небольших городах. В таком маленьком местечке, как Мукалессос, их было несколько; однажды утром во время Пелопоннесской войны отряд диких фракийских наемников, находившихся на жалованье у Афин, на рассвете обрушился город и, войдя в "самую большую школу в этом месте", перебил всех мальчиков.^[202] Аркадия имела столь же дурную репутацию; тем не менее, по словам Полубия,^[203] в каждом аркадском городе мальчиков по закону заставляли учиться пению. У Тройзен, должно быть, были школы в 480 году, когда она предоставляла их своим афинским гостям. Аэлиан ручается за школы на Лесбосе,^[204] Павсаний^[205] - за школу из шестидесяти мальчиков в Аступалае в 496 г. до н. э. Поэт Софокл обедал у мастера письма, чья школа находилась либо в Эретрии, либо в Эрутрае.^[206] Надписи показывают, что до III века на большинстве островов существовали процветающие школы.

Гимнастическое образование должно было проходить в каждом эллинском городе, ведь атлеты, побеждавшие на великих играх, приезжали со всех концов. Музыкальная подготовка также была необходима для танцев и пения, которые были универсальны по всей Элладе; но насколько хорошо была обучена лира, остается под вопросом. В Бойотии флейта заменила лиру в школах. Но можно считать само собой разумеющимся, что письмо, музыка и гимнастика преподавались во всех частях цивилизованной Эллады, за тем исключением, что в Спарте письмо, возможно, не преподавалось.

Среднее образование, пока его давали софисты, охватывало каждую деревню в эллинском мире; позже оно стало ограничиваться крупными городами. Третьичная система военной подготовки и специальной гимнастики для эфебов, судя по скудным свидетельствам надписей, была почти универсальной.

Теперь я перейду к более подробному описанию нескольких направлений этой широко распространенной системы образования. Поскольку свидетельства почти полностью получены из Афин, мое описание будет касаться в основном афинского образования; но, поскольку тот же тип преобладал в большей части Эллады, описание можно рассматривать как применимое и к другим городам.

^[98] Herod. ii. 167. Коринф был исключением.

^[99] Платон, Законы, 846 D.

^[100] Arist. Pol. viii. 2. 4.

^[101] Xen. Econ. iv. 3. Сидение считалось рабским поведением, так как свободный гражданин в основном стоял или лежал. Xen. Econ. iv. 3.

^[102] Plato, Protag. 328 A.

^[103] Xen. Revenues, ii. 2.

^[104] Plato, Kleitophon, 409 B.

^[105] Plato, Rep. 421 E.

^[106] Plato, Gorg. 514 B.

- [107] Plato, Rep. 467 A.
- [108] Aristoph. Acharn. 1032.
- [109] Комический поэт V века.
- [110] Плутарх, Солон, 22.
- [111] Платон, Законы, 643 E.
- [112] За исключением, возможно, Хиоса и Локриса, и, конечно, Спарты.
- [113] Thuc. ii. 45. 4.
- [114] Xen. Econ. vii. 5.
- [115] Xen. Mem. ii. 7.
- [116] Plato, Rep. 455 C.
- [117] Plato, Laws, 805 E.
- [118] Как в Lusias, ag. Diogeiton, 32. 28.
- [119] In the Econ. vii. 10.
- [120] Таким образом, Аксиох (366 D) считает семь лет возрастом, когда грамматики и пайдотрибаи начинали учиться. Платон (Законы, 794) говорит о шести; Аристотель (Pol. vii. 17) - о пяти; Ксенофонт (Конституция Лак. ii.) - "как только дети начинают понимать".
- [121] Эзоп был популярен и тогда, и сейчас. Это μουσική, предшествующая γυμναστική, так остро критикуемая в "Республике".
- [122] Plato, Protag. 325 C-E.
- [123] Xen. Mem. ii. 2. 6.
- [124] Plato, Protag. 326 C.
- [125] Аристотель, Pol. vii. 17. 7.
- [126] Три в этом порядке в Plato, Protag. 312 B, 325-326; Charmid. 159 C; Kleitoph. 407 C; Xen. Constit. of Lak. ii. 1; Isok. Antid. 267. Первые два в этом порядке в Charmid. 160 A; Lysis, 209 B; перевернуто в Euthud. 276 A. Aristot. (Pol. viii. 3) дает γράμματα, γυμναστική, μουσική. Платон в Законах 810 A заставляет κιθαριστική следовать за γραμματική; Аристофан упоминает пайдотрибы сразу после κιθαριστής.
- [127] Aristot. Pol. viii. 3. 1.
- [128] Xen. Constit. of Lak. ii.
- [129] См. Иллюстр. Пластины I. А и I. В.
- [130] Платон, Законы, 810 A.
- [131] Ваза В 192.
- [132] Вазы Е 171, 172; см. пластины III. и IV.

- [133] Aristot. Pol. viii. 4. 9.
- [134] Ibid. viii. 1. 2.
- [135] [Платон] Rivals, 132 A.
- [136] Plato, Lysis, 206 D.
- [137] Plato, Laches, 179 A.
- [138] Xen. Constit. of Lak. iii.
- [139] Plato, Lysis, 214 B.
- [140] Риторика, конечно, изгнана из платоновского государства.
- [141] [Plato] Axiochos, 366 E.
- [142] См. Petit, Leges Atticae, ii. 4, составленный с большой изобретательностью из многих авторов. Отсюда пословицы ὁ μήτε νεῖν μήτε γράμματα ἐπιστάμενος, о полнейшем тупице, и πρῶτον κολυμβᾶν δεύτερον δὲ γράμματα. Орфографические загадки трагиков подразумевают целый народ, заинтересованный в правописании.
- [143] Платон, Критон, 50 D.
- [144] Аристофан, Рыцари, 189.
- [145] Ibid. 1235-1239.
- [146] Ibid. 987-996.
- [147] [Платон] Theages, 122 E.
- [148] Plato, Alkibiades, i. 122 B. Афинское государство, однако, начиная со времен Солона, поддерживало и обучало за государственный счет сыновей тех, кто пал в бою. Одаренные системы в Теосе и Дельфах относятся к третьему веку; невозможно сказать, существовали ли они раньше.
- [149] Xen. Mem. ii. 2. 6.
- [150] [Xen.] Constit. of Athens, ii. 10.
- [151] Плутарх, Алкиб. 3; Plato, Charmides, 153 A.
- [152] C.I.A. ii. 1. 444, 445, 446.
- [153] См. экскурс о γυμνασῆται.
- [154] Он мог и должен был прибегать к принуждению при сборе мальчиков. Это говорит о том, что родитель всегда мог, если хотел, получить бесплатное образование для своего сына.
- [155] Это правило утратило силу.
- [156] Dem. against Boiot. 1001.
- [157] [Xen.] Constit. of Athens, i. 13.
- [158] На основании отрывков, процитированных из закона, Демосфена и Аристофана, "Облака", 964, некоторые придерживаются теории, что афинские племена предоставляли

бесплатное обучение танцам, а возможно, и другим предметам, всем свободным мальчикам, за исключением соревнований. Но цитата из Айсхинеса, за исключением фактического закона, который является более поздней интерполяцией, определенно относится только к хореогам, а отрывок из Демосфена касается только хоровых танцев для соревнований. У Аристофана мальчики из одного района, естественно, посещают одну и ту же школу, вот и все.

[159] Plut. Themist. 10.

[160] Ael. Var. Hist. vii. 15.

[161] Diod. Sic. xii. 42.

[162] Вероятно, жил около 500 г. до н.э.

[163] Plato, Tim. 21 B.

[164] Böckh, 3088.

[165] Ibid. 2214. Я опустил отчества.

[166] C.I.G. Boeot. 1760-1766.

[167] Böckh, 232, 245.

[168] Pind. Nem. vii.

[169] Bacchul. xiii., Pind. Nem. v.

[170] Wrestling, Pind. Nem. iv., vi.

[171] Anthol. ed. Jacobs, vi. 308.

[172] Иногда раньше. Платон, Протаг. 325 C.

[173] Старшие, как на изображении Медеи и ее детей, приведенном в Малом классическом словаре Смита в разделе "Медея", и на Куликсе Дуриса, [пластины I. A](#) и [I. B](#) (если это *paidagogoi*), и на других вазах.

[174] Так Фабий Кунктатор был назван пайдагосом Ганнибала, потому что он следовал за ним повсюду.

[175] Есть только один для Лусиса и его братьев (Plato, Lus. 223 A), для двух детей Медеи (Eur. Med.), для двух мальчиков в Лусисе, 223 A, и для детей Фемистокла (Herod. viii. 75).

[176] Plato, Lus. 208 C. Он упоминается как ῥῥε, показывая, что он присутствует.

[177] Illustr. [Plates I. A](#) и [I. B](#). Возможно, это только трость, которую носили все афиняне.

[178] Платон, Lus. 223 A.

[179] Плут. Воспитание мальчиков.

[180] Xen. Constit. of Lak. ii. 2.

[181] Herod. viii. 75.

[182] Aisch. ag. Timarch. 35. 10.

[183] В рассказах опекуна, приведенных Лузиасом, ag. Diogeiton, 32. 28, пайдагос оплачивается до восемнадцати лет мальчика; но у него был младший брат, для которого он мог потребоваться, так что старший мог быть свободен раньше. У Плавта (Vasch. 138) мы находим пайдагоса, который прислуживал, пока его подопечному не исполнилось двадцать лет.

[184] Xen. Constit. of Lak. iii. 1.

[185] Plato, Rep. 406 A.

[186] Plato, Protag. 325 D.

[187] Aischin. ag. Timarch. 9.

[188] γυμνασιάρχης. См. экскурс о γυμνασιάρχοι. В сократических Афинах этим законом полностью пренебрегали. См. "Лузис" Платона.

[189] Aischin. ag. Timarch. 10. Слово σωφρονιστής, в общем смысле, встречается у Фукидида три раза.

[190] Deinarchos, ag. Philokles, 15.

[191] Girard, L'Éducation Athénienne, pp. 51, 52.

[192] Архонт Эпонумос контролировал сирот и, вероятно, вмешивался, если их воспитанием пренебрегали.

[193] Aristoph. Облака, 960 и далее.

[194] Лампрокл (476 г. до н. э.).

[195] Кудидесом (? = Кудиас. Smyth, Melic Poets, p. 347).

[196] Isok. Areiop. 149 C, D.

[197] Plato, Rep. 563 A.

[198] Флорит, 432 г. до н. э. (в Афинах. 18 C).

[199] Xen. Constit. of Lak. ii. 1.

[200] Xen. Banquet, iii. 13.

[201] Herod. vi. 27.

[202] Thuc. vii. 29.

[203] Pol. iv. 20. 7.

[204] Ael. Var. Hist. 7. 15.

[205] Pausan. vi. 9. 6.

[206] Athen. 604 a-b.

ГЛАВА III

АФИНЫ И ОСТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЭЛЛАДЫ: НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Мы видели, что начальное образование в Элладе состояло из обучения письму и музыке, а также гимнастики; к этому тройному курсу в конце четвертого века добавились рисование и живопись. Как распределялся день между умственными и физическими занятиями, неизвестно - вероятно, как и все остальное, это зависело от вкуса человека, - но следующая зарисовка из Лукиана,[\[207\]](#), хотя и относится к гораздо более позднему времени, может дать некоторое представление о дне школьника: - "Он встает на рассвете.

"Он встает на рассвете, смывает сон с глаз и надевает плащ. Затем он выходит из дома своего отца, опутив глаза в землю и не глядя ни на кого из встречающих. За ним следуют сопровождающие и пайдагоги, несущие в руках орудия добродетели, скрижали или книги, содержащие великие деяния древних, или, если он идет в музыкальную школу, свою хорошо настроенную лиру.

"Когда он усердно трудится над интеллектуальными занятиями, а его ум насыщается благами школьной программы, он упражняет свое тело в либеральных занятиях, езде верхом или метании копья или копья. Затем школа борьбы с ее гладкими, намазанными маслом учениками, трудящимися под полуденным солнцем и потеющими в регулярных атлетических состязаниях. Затем ванна, не слишком продолжительная, затем трапеза, не слишком обильная, в преддверии послеобеденной школы. Ведь его снова ждут школьные учителя и книги, которые открыто или в аллегориях рассказывают ему о великом герое, любителе справедливости и чистоты. Созерцанием этих добродетелей он поливает сад своей юной души. Когда вечер устанавливает предел его деятельности, он отдает необходимую дань своему желудку и удаляется на покой, чтобы сладко уснуть после напряженного дня".

Школьные занятия, естественно, совпадали со временем эллинской трапезы, за которой мальчики возвращались домой. Обычный распорядок состоял из легкого завтрака на рассвете, плотного обеда в середине дня и ужина на закате. Поэтому школы открывались на рассвете.[\[208\]](#) Солон постановил, что они не должны открываться раньше. Они закрывались вовремя, чтобы мальчики успели вернуться домой к обеду,[\[209\]](#) снова открывались после обеда и закрывались до захода солнца.[\[210\]](#) Сколько промежуточных часов уходило на работу,[\[211\]](#) и какие были перерывы, неизвестно. Еженедельного отдыха по воскресеньям, конечно, не было, но праздников, которые были целыми каникулами, было много по всей Элладе, и, во всяком случае, в Александрии, 7 и 20 числа каждого месяца школы были закрыты, эти дни были священными для Аполлона.[\[212\]](#) Существовали также специальные школьные праздники, такие как праздник Муз, и праздники в память о благодетелях; так, Анаксагор завещал Клазоменаю, что день его смерти будет ежегодно отмечаться праздником в школах.[\[213\]](#) Следует также помнить, что одно из трех направлений начального образования в Элладе в Англии называлось бы игрой: полдня, проведенное в беге, прыжках, борьбе или верховой езде, не рассматривалось бы английским школьником как работа. Музыка тоже обычно изучается в часы игры в английской школе. Даже письмо, когда начальная стадия была пройдена, означало декламацию, чтение или заучивание наизусть литературы на родном языке мальчика, и в большинстве своем это была отнюдь не жесткая литература, а такие увлекательные сказки, какие встречаются у Гомера. Нет почти никаких следов того, что эллинские мальчики невольно ползли в школу: их уроки были очень привлекательными.

О плате, которую платили школьным учителям, известно немного. Забавный отрывок из Лукиана,[\[214\]](#), посвященный подземному миру, описывает тех, кто был царями или

сатрапами на земле, как низведенных в будущем государстве "до нищеты, и вынужденных из-за бедности либо продавать кипперы, либо обучать элементам чтения и письма". Из этого можно сделать вывод, что учителя начальных школ не зарабатывали много денег своей платой. Этот вывод подтверждается тем, что даже самые бедные афиняне умудрялись посылать своих сыновей в такие школы. Платон в "Законах" оставляет эту профессию для иностранцев, тем самым предполагая, что она не была ни хорошо оплачиваемой, ни высоко почитаемой. Назвать человека школьным учителем было почти оскорблением; Демосфен, оскорбляя Айсхинеса, говорит: "Ты учил письму, а я ходил в школу".[215] О слабости положения учителей можно судить и по тому презрению, с которым к ним относились ученики. Мальчики приносят в школу своих питомцев - кошек, собак, леопардов - и играют с ними под креслом хозяина. Теофраст,[216] описывая черты подлого человека, говорит, что "он не посылает своих детей в школу весь месяц Антестерион" (то есть с середины февраля до середины марта) "из-за большого количества праздников". Школьные счета оплачивались по месяцам, и, поскольку мальчики не ходили в школу в дни больших праздников, а в Анчестерион таких дней было много, подлый родитель решил, что не получит за этот месяц положенных денег, и забрал своих мальчиков, пока он длится.

Злые родители также пропорционально вычитали из платы, если их сыновья отсутствовали в школе по болезни день или два;[217] но обычно этого не делалось. Счета оплачивались 30 числа каждого месяца.[218] Школьным учителям, очевидно, было трудно добиться оплаты счетов вообще; согласно заявлению Демосфена, его счета никогда не оплачивались из-за мошеннических действий его опекуна Афоба.[219]

Несомненно, плата варьировалась в зависимости от достоинств школы, ведь афинские школы, похоже, сильно отличались друг от друга. Демосфен, хвастаясь своей карьерой в речи "О короне", говорит, что мальчиком он ходил в *респектабельные* школы;[220] качество и количество обучения, должно быть, варьировалось в зависимости от родительского кармана. Для бедных, вероятно, существовали школы, где преподавались только элементы чтения и письма. В школах более высокого класса эти элементы преподавались младшими наставниками, часто рабами; но свободные граждане также могли быть вынуждены из-за бедности занимать такую должность. Это видно на примере отца оратора Айсхинеса.[221] Обнищавший и изгнанный, как и многие демократы, Тридцатью тиранами, он вернулся после Реставрации разоренным человеком. Чтобы заработать на жизнь, он стал прислужником в школе некоего Элпиаса, расположенной неподалеку от Тесиона, и обучал письму: его сын Айсхинс, похоже, начал свою жизнь, помогая отцу в этом занятии. Его оппонент Демосфен, пользуясь презрением, с которым относились к этим ростовщикам, заявляет, что отец был рабом Элпиаса,[222] "в больших кандалах и ошейнике", а сын занимался "размалыванием чернил, размазыванием форм и выметанием школьной комнаты (*παίδευυεῖτον*), работой слуги, а не свободного мальчика".

Несомненно, письмо и музыка часто преподавались в одной и той же школе, но в разных комнатах. Такое расположение было бы естественным и удобным. Вазы свидетельствуют об этом, но их доказательства неясны. Школьные здания, похоже, часто были окружены игровыми площадками. Отрывок из "Аэлиан"[223] показывает нам мальчиков, только что вышедших из школы, играющих в перетягивание каната. Несомненно, в этих местах они играли в свои обручи и топы, развлекались киркой и играми с камнями и кубиками, которые соответствуют нашим шарикам. В деревнях эти площадки, вероятно, выполняли роль палисадов.

Директор школы сидел на стуле с высокой спинкой; у младших учителей и мальчиков были табуретки без спинок, но с подушками. Для занятий в классе стояли скамейки.[224] Для

чтения лекций стоял высокий стол. Вокруг стен висели письменные столы, линейки, корзины или ящики с рукописными свитками, помеченными именем автора, которые составляли школьную библиотеку; свитки могли висеть и сами по себе.[225] От мастеров требовалось иметь хотя бы экземпляр Гомера - Алкивиад бичевал того, кто этого не делал. Иногда они сами вносили правки в свое издание.[226] В музыкальных школах висели лиры, флейты и футляры для флейт. Упомянутая Демосфеном комната (*παιδαγωγεῖον*), возможно, была прихожей, где сидели пайдагоги, но более вероятно, что это слово - лишь риторический вариант "школьной комнаты". Вокруг стен часто располагались бюсты муз,[227] которые также украшались вазами, служившими для бытовых целей и, возможно, иллюстрировавшими своими изображениями книги, которые читали мальчики. Позднее, во всяком случае, на стенах иногда висели серии карикатур, иллюстрирующих сцены из "Илиады" и "Одиссеи": фрагментом такой серии признана "Табула Илиака", хранящаяся сейчас в Капитолийском музее.

Первым этапом было обучение чтению и письму. Вместо грифельной доски у мальчиков в Элладе были восковые таблички, обычно состоящие из двух половинок, складывающиеся на шарнире посередине, восковые поверхности входили внутрь и таким образом защищались. Иногда их было три, образуя триптих, или даже больше. Для карандаша у них был инструмент с острием на одном конце, пригодным для нанесения знаков на воск, и плоской поверхностью на другом, которая использовалась для стирания написанного и подготовки скрижалей к дальнейшему использованию. Эти таблички изображены в школьных сценах на вазах пятого века.[228] В более поздний период, когда пергамент и папирус стали более распространенными, эти материалы использовались в школах. Линии можно было размечать с помощью куска свинца, а писать либо чернилами и тростниковым пером, либо свинцом; для стирания использовалась губка.

Ранние этапы обучения письму описаны в "Протагоре" Платона.[229] "Когда мальчик еще не умеет писать, мастера сначала проводят линии, а затем дают ему скрижаль и заставляют писать так, как указывают линии". Этот отрывок интерпретируется по-разному. Некоторые считают, что мастер просто пишет ряд букв, которые мальчик должен скопировать. В греческом языке для обозначения письма мастера используется слово *ὑπογράψαντες*, и важно, что слово "копия" в этом смысле является производным от этого слова, *ὑπογραμμός*. Такой экземпляр, соответствующий фразам типа "Англия экспортирует двигатели" или "Германия выращивает виноград", которые используются в английских школах для этой цели, существует до сих пор.[230] Это бессмысленное предложение, призванное содержать все буквы алфавита *μάρπτε σφίγξ κλῶψ ζβυχθηδόν*. Если этот вариант верен, то мастер написал подобное предложение на скрижалях, а мальчик переписал его под ним. Другие интерпретируют линии, которые мастер рисует на скрижали, как параллельные прямые линии, в пределах которых мальчик должен был писать. Именно такой прием часто используется в английских тетрадях. Слово, используемое для "линий", *γραμμαί*, обычно означает "прямые линии", что подтверждает такое толкование. Но *ὑπογραφή*, с другой стороны, производное от *ὑπογράφειν*, используется для обозначения неровных следов, например, шагов,[231], а само *ὑπογράφειν* является техническим термином в эллинском искусстве для "наброска" того, что впоследствии должно быть закончено в деталях. Поэтому в третьем варианте отрывка мастер рисует слабые, грубые очертания различных букв, а мальчик должен пройти по ним пером, отмечая углубления в воске и заполняя детали. Например, в Англии мастер может нарисовать |-, а мальчик должен пройти по двум вертикальным линиям и нарисовать две другие буквы, M. Таким образом, все три толкования разумны и опираются на авторитет. Но, конечно, можно считать, что мастер применяет все три способа в зависимости от интеллекта учеников. Новичку он набросает все письмо и

оставит только задачу повторить его. Затем он постепенно оказывал все меньшую и меньшую помощь, пока мальчик не был способен писать буквы с помощью одних только параллельных линий. В конце концов их убрали, и мальчик оставался писать, имитируя копию, без посторонней помощи. Фраза Платона намеренно расплывчата и включает в себя весь этот процесс.

Буквы писались горизонтальными и вертикальными линиями, так, чтобы они попадали друг под друга. Не ставилось никаких остановок или ударений, а между словами не оставалось пробелов. Вероятно, мастер письма начертил на дощечке для своего ученика как горизонтальные, так и вертикальные линии. На вазе из Дуриса, [232], изображен учитель, который пишет пером на восковой дощечке, а перед ним стоит мальчик. Вероятно, подразумевается, что он либо пишет копию, либо исправляет упражнение своего ученика. Над его головой висит линейка для разметки направляющих линий на дощечке. Позади мальчика сидит бородатый мужчина с посохом, который, вероятно, является пайдагосом. Очевидно, что мальчики в классе подходят один за другим, чтобы получить свои копии или поправить упражнения, в то время как остальные занимаются письмом. Обращает на себя внимание отсутствие парты или стола: эллины писали, положив планшеты на колени.

Как только мальчик приобрел определенный навык письма, он переходит в класс диктовки. Учитель зачитывал что-то, а мальчики записывали. [233] Сначала, конечно, диктовались очень простые слова, и писать было не так уж много. Но в дальнейшем мальчики писали под его диктовку отрывки из произведений поэтов и других авторов. Для этого иногда использовались чернила и пергамент: Айсхинес, по-видимому, имел "молотые чернила" [234] для школы письма. Различные "усовершенствования в скорости и красоте" письма, по-видимому, были обычным делом для более продвинутых учеников. [235] Возможно, они учились делать росчерки и орнаментальные буквы. Скорость, естественно, должна была преподаваться, поскольку на лекциях софистов и философов было принято делать записи, а для этого необходима скорость. При этом, должно быть, использовались скорописные буквы, которые в противном случае были не нужны, ведь эллину не нужно было много писать, если только он не становился клерком в государственном органе.

Обучение чтению, должно быть, было непростым делом в Элладе, ведь книги в это время писались прописными буквами. Между словами не было пробелов, и не ставились знаки препинания. Таким образом, читателю приходилось проявлять немалую изобретательность, прежде чем он мог понять смысл предложения. Еще более сложным для понимания мальчиков был аттический акцент, которому мастера придавали большое значение. Это было так трудно, что лишь немногие иностранцы овладевали им, а урожденный афинянин, если уезжал на несколько лет за границу, часто терял способность говорить с аттической интонацией. Первый шаг в обучении чтению - освоение алфавита. Эллины, желая, как обычно, максимально упростить обучение, похоже, переложили алфавит на стихи. Метрический алфавит, приписываемый Каллиасу, современнику Перикла, сохранился до наших дней, но в изуродованном виде, который был восстановлен несколькими не очень убедительными способами. Вероятно, он был адаптирован для разных алфавитов, поскольку в разных частях Эллады существовало несколько. Ниже приводится предположительный вариант восстановления: -

ἔστ' ἄλφα, βῆτα, γάμμα, δέλτα τ', εἴ τε, καί

ζῆτ', ἥτα, θῆτ', ἰώτα, κάππα, λάβδα, μῦ.

νῦ, ξεῖ, τὸ οὔ, πεῖ, ῥῶ, τὸ σίγμα, ταῦ, τὸ ῥ.

πάροντα φεῖ τε χεῖ τε τῷ ψεῖ εἰς τὸ ὦ.^[236]

Этот полный алфавит из двадцати четырех букв, который фигурирует в современных греческих грамматиках, был принят для официальных целей в Афинах только в 403 году до н. э., "но ясно, что он был в обычном употреблении в Афинах значительно раньше".^[237]

Этот метрический алфавит стал прологом к тому, что можно назвать орфографической драмой, в которой весь процесс обучения правописанию выражался либо в ямбических строках, либо в хоровых песнях. Поскольку ее автор, Каллиас, соединен со Страттисом, комическим поэтом,^[238] это можно сделать вывод, что пьеса была комедией, а не трагедией; хор в таком случае состоял бы из двадцати четырех человек. Каждый член хора представлял одну из двадцати четырех букв. В первой хорической песне буквы соединялись попарно, как в классе правописания. Первая строфа звучит следующим образом:-

Бета	Альфа	БА
Бета	Еі	ВЁ
Бета	Эта	ВĒ
Бета	Йота	БИ
Бета	Ои	ВӦ
Бета	U	ВU
Бета	О	ВӖ ^[239]

В соответствующем антистрофе Гамма аналогичным образом соединялась с семью гласными, и так далее, по-видимому, по всему алфавиту. Во время песни, исполняемой под прекрасную музыку, участники хора, одетые так, чтобы четко представлять буквы, и, несомненно, принимающие правильные позы, объединялись в нужные пары. Так, во время первой строчки сходились Бета и Альфа, во время второй - Бета и Ии, и так далее. После этой песни следовала лекция о гласных в ямбическом стихе, причем хор должен был повторять их по очереди за оратором. Похоже, в этой необычной драме был какой-то сюжет, но главный интерес, несомненно, представляло правописание. Также использовались возможности для описания формы букв, а зрители должны были угадать, какая буква имеется в виду. Этот вид алфавитной головоломки, похоже, пришелся по вкусу афинской публике, ведь его использовали Еврипид, Агатон и Феодекты. В каждом случае скрытым словом было "Тесей".

Описание Еврипида, если оно принадлежит ему, можно перевести так: "Во-первых, круг, который измеряется.

Во-первых, такой круг, который измеряется

С помощью компаса, с четкой отметкой в середине.

Вторая буква - две вертикальные линии,

другая соединяет их посередине.

Третья - как локон волос. Четвертая,

Одна прямая линия и три крестообразно скрепленные.

Пятую трудно определить: с нескольких точек

Две линии спускаются вниз, образуя один пьедестал.

Последняя с третьей идентична.

В том же духе Софокл в своей сатирической драме "Амфиарос" представил актера, который изображал формы букв своими танцами.^[240] Периклеанские Афины, похоже, проявляли большой интерес к вопросам правописания: зрители должны были знать свои буквы, иначе подобные приспособления никогда не стали бы столь популярными.

Пьеса Каллиаса - прародительница таких книг, как "Чтение без слез". Его драматическое представление процесса обучения правописанию должно было поразить воображение и запечатлеться в памяти многих афинских мальчиков. Можно даже предположить, что его метод был принят в предприимчивых школах, и уроки правописания проводились под мелодию, возможно, даже сопровождалась танцами.^[241] Мелодии Каллиаса высоко оценили, и они, несомненно, сильно отличались от монотонного гула, который возвещает внешнему миру о присутствии школы-пансиона.

Вернемся к более прозаическим методам. Платон дает интересную зарисовку^[242] о занятиях чтением. "Когда мальчики только что выучили свои буквы, они достаточно легко узнают любую из них в самых коротких и простых слогах и могут дать правильный ответ о них. Но в более длинных и сложных слогах они не уверены, формируют неправильное мнение и отвечают неверно. Тогда лучший способ - вернуть их к слогам, в которых они узнали те же буквы, а затем сравнить их с теми, в которых они допустили ошибки, и, поставив их рядом, показать, что в обоих сочетаниях те же буквы имеют одинаковое значение".

Возьмем английский пример. Учитель пишет на доске SCRAPE и просит ребят сказать, из каких букв оно состоит. Класс не может узнать буквы: слово слишком длинное и сложное. Тогда учитель пишет рядом с ним последовательно APE, RAPE, CAPE, во всех из которых ребята правильно распознают буквы. Затем CRAPE и SCRAP. От них он переходит к SCRAPE, которое они теперь узнают по аналогии со словами, которые они уже знают. "Наконец, они учатся всегда давать одно и то же имя одной и той же букве, когда бы она ни появилась."^[243]

Методы, с помощью которых мальчики учатся произносить буквы, одинаковы во всех возрастах. "Когда мальчики собираются вместе, чтобы выучить буквы, их спрашивают, какие буквы есть в том или ином слове".^[244] Определенная доля ментальной арифметики, по-видимому, была включена в этот этап обучения правописанию: учеников спрашивали, сколько букв в слове, а также в каком порядке они расположены.^[245] Но об этом мы поговорим позже.

Пока мальчики еще не умели читать, а часто и после этого из-за сравнительной нехватки книг, мастер диктовал им стихи, которые должен был выучить наизусть, и они повторяли их за ним.

Куликс Дуриса дает интересную картину урока чтения или повторения.^[246] На стуле с высокой спинкой сидит пожилой мастер, держа в руке свиток. На нем начертано то, что явно должно быть гекзаметром какого-то эпического поэта, но Дурис был не очень образован, и поэтому строка написана неправильно и не сканируется. Перед мастером стоит мальчик, за ним сидит пожилой мужчина, который, вероятно, как и в сцене письма, является пайдагосом. Возможно, мастер диктует стихотворение, а мальчик заучивает его наизусть, или же слышит, как он его произносит. Но очень возможно, что сцена представляет собой урок чтения. Позиции мальчика и мастера не очень удобны, если оба читают из одной книги; но это было

неизбежно, так как по канонам вазописи фигуры могли быть только анфас или в профиль, а лицевая сторона рукописи должна была быть повернута так, чтобы ее можно было разобрать.

На стенах школы висят свернутая и перевязанная бечевкой рукопись и декоративная корзина. Эти корзины использовались в качестве книжных шкафов, чтобы хранить рулоны рукописей. Иногда их можно увидеть на вазах, подвешенных над головами читающих фигур, как на вазе из Британского музея[247], где изображена женщина, читающая свиток. Пайдагос, заметим, выдает свое скромное происхождение, скрещивая ноги - серьезный проступок против хороших манер в Элладе.

"Когда мальчики знали буквы и начинали понимать написанное, мастера клали рядом с ними на скамьи произведения хороших поэтов, чтобы они читали их, и заставляли учить их наизусть. Для этого они выбирали поэтов, содержащих множество нравственных наставлений, повествований и восхвалений героев древности, чтобы мальчик мог восхищаться ими, подражать им и сам желал стать таким человеком".[248] Примечательно, что эллинские мальчики сразу начинали с самой лучшей литературы, которую можно было найти на их языке: не было предварительного курса детских сказок. Грамматика, когда ее изобрели, преподавалась позже: мальчики сразу погружались в литературу.

Афинские школьные учителя расходились во мнениях, как лучше приобщать мальчиков к национальной литературе. Подавляющее большинство считало, что правильно воспитанный мальчик должен насытиться всей поэзией, комической и серьезной, услышать много поэзии в классе чтения и выучить ее наизусть - фактически, целых поэтов.[249] Меньшинство выбирало ведущие отрывки,[250] "пурпурные пятна" и некоторые целые речи,[251] и соединяло их вместе, заучивая наизусть. Платон выступал за экспуррированные издания отрывков, тщательно отобранных по очень строгому стандарту, поскольку многое в литературе хорошо, а многое плохо.[252]

Гомер, конечно, играл самую большую роль в этих литературных занятиях; с ранних времен "ему отводилось почетное место в обучении молодых".[253] Огромные объемы "Илиады" и "Одиссеи" были выучены наизусть. Никератос в книге Ксенофонта[254] говорит: "Мой отец, желая, чтобы я вырос хорошим человеком, заставил меня выучить все строки Гомера; и теперь я могу повторить по памяти всю "Илиаду" и "Одиссею"". В таких невероятных подвигах, несомненно, помогали рапсоды, которых можно было услышать в Афинах, декламирующих Гомера "почти каждый день".[255] Эллыны не позволяли своему величайшему поэту лежать в забвении, чтобы "возродиться" через большие промежутки времени. Считалось, что Гомер учит всему, особенно воинскому делу и добрым нравам. "Полагаю, вы знаете, - продолжает Никератос,[256] - что Гомер, мудрейший из людей, написал обо всех человеческих делах. Поэтому тот, кто из вас хочет преуспеть как домохозяин, оратор или полководец, или желает стать похожим на Ахилла, или Айаса, или Нестора, или Одусея, пусть приходит ко мне". Далее он показывает, как, например, поэт дает полные указания о том, как правильно управлять колесницей во время скачек. Аристофан[257] заставляет тень Эсхила сказать: "Чем божественный Гомер снискал себе честь и славу, как не тем, что учил строю, мужеству, вооружению войска? Многих доблестных людей он обучил, и нашего собственного погибшего героя Ламаха. Я взял у него свой отпечаток и изобразил множество доблестных подвигов, совершенных Патроком или львиным сердцем Тевкросом, чтобы побудить моих соотечественников брать пример с таких людей, когда они услышат звук трубы".

Похоже, что великого поэта не учили педантично; внимание мальчиков не было сосредоточено только на трудностях гомеровского словаря. На самом деле, вероятно, их

мало беспокоили такие моменты; смысл, ритм и красота оригинала не зависят от точного понимания каждого слова, как обнаружил многие современные читатели. Во фрагменте Аристофана[258] отец спрашивает сына о значении некоторых трудных слов Гомера, таких как *ἀμένῃνα κάρηνα* и *κόρυμβα*; сын совершенно не в состоянии перевести их, во всяком случае, в отрыве от контекста, и в ответ может только попросить отца истолковать некоторые архаичные фразы в законах Солона. Поздний комический поэт[259] представил повара, который настаивает на использовании гомеровского языка, подобно тому, как современный шеф-повар пишет свое меню на французском; человек, нанявший его, до смешного не может понять его фраз и вынужден искать комментарий.

Объяснения и толкования предполагаемых моральных аллегорий Гомера, а также уроки, извлеченные из внимательного изучения его персонажей, были очень популярны в Элладе и, несомненно, использовались в школах.

Если Гомер занимал первое место в литературном образовании, то другие ведущие авторы не оставались без внимания. Все великие поэты были полезны. "Орфей учил церемониальным обрядам и воздержанию от кровопролития, Мусайос - медицине и оракулам, Гесиод - обработке земли, сезонам плодов и пахоте".[260] Гесиод, вероятно, служил скорее теологическим справочником, чем руководством по сельскому хозяйству; моральные наставления Персу в "Трудах и днях", вероятно, также пользовались популярностью у школьных учителей. Комический поэт четвертого века Алексис дает интересный каталог школьной библиотеки.[261] Помимо Орфея, Гесиода и Гомера, которые уже упоминались, здесь есть Эпихарм, Хорилос, автор эпической поэмы о персидской войне, и то, что неопределенно называется "трагедией", вероятно, означает подборку из великих трагиков. Из нападок Платона мы видим, что Эсхил и Еврипид должны были играть важную роль в школах, и мы знаем, что от афинских джентльменов ожидали умения декламировать их на званных обедах, и поэтому они должны были выучить их наизусть. Расплывчатые слова "трагедия" и "комедия" аналогичным образом используются для декламации мальчиков в Теосе. Популярностью пользовались и различные издания моральных наставлений. Среди них "Наставления Хеирона", или "Хеиронея", предположительно данные мудрым кентавром своему ученику Ахиллу и переложенные в стихах Гесиодом; на вазе в Берлине изображены три мальчика, читающие эту работу с явным интересом. Часто предполагается, что сохранившиеся строки "Феогниса" представляют собой школьное издание произведений поэта, содержащее более совершенные фрагменты. Лирические поэты преподавались в школе лиры, и я расскажу о них позже.

Алексий также упоминает "всевозможные прозаические произведения" в школьной библиотеке. Единственное из них, которому он дает более определенное название, - кулинарная книга Симоса. Но это вводится только ради шутки; такое произведение, конечно же, не могло появиться в афинской школе. Эзоп, возможно, был прозаическим произведением, которое читали в школах; считалось признаком невежды "не пролистать Эзопа" или не уметь его процитировать.[262] Такие нравоучительные произведения, как "Выбор Геракла" Продикоса, вероятно, были популярны в школах. Случай с Лусисом у Платона позволяет предположить, что некоторые из старых натурфилософов могли быть прочитаны. Несомненно, школьная библиотека варьировалась в зависимости от вкуса хозяина, и его свобода выбора могла привести к некоторым любопытным подборкам. Но в целом прозаические произведения редко появлялись в начальных школах, отчасти потому, что они обычно были слишком техническими, а еще больше потому, что художественное и литературное чувство эллинов считало поэзию, хотя бы из-за ее большей красоты и образной ценности, более подходящей для образовательных целей, чем проза.

Следует помнить, что, читая Гомера, Эсхила или Еврипида, мальчики играли, передавая даже повествование с помощью жестов и драматизируя речи настолько полно, насколько это было возможно. Почти ежедневные выступления рапсодов и частые драматические представления в театрах давали им множество примеров того, как нужно действовать. Эллы были чрезвычайно чувствительны и отзывчивы: они были нацией актеров. Рапсод Ион рассказывает Платону, что, когда он декламировал Гомера, его глаза слезились, а волосы вставали дыбом. Это может дать современному читателю некоторое представление о том, что значил для афинского мальчика урок повторения. Еще больше информации можно почерпнуть из яростных обличений Платоном драматизации поэзии, предназначенной для использования в школах; он считал, что это непрерывное актерство оказывает дурное влияние на характер. Но этот вопрос будет обсуждаться в другом месте.

Школьные классы служили местом проведения лекций, на которые приглашались взрослые мужчины; вероятно, лекции для мальчиков читались в другое время. Странствующий учитель Гиппиас из Элиды, встретив однажды Сократа, пригласил его на такую лекцию, которая, судя по ее теме, явно предназначалась в основном для молодежи.^[263] После падения Трои, согласно истории, которую Гиппиас придумал для этого случая, Неоптолем спросил мудрого старца Нестора, что такое хорошее и благородное поведение и какой образ жизни приведет молодого человека к славе. Получив такую удобную возможность, Нестор ответил, предложив множество прекрасных правил поведения. Гиппий прочитал эту лекцию в Спарте, где она вызвала бурные аплодисменты. Теперь он предлагает, по его словам, "прочесть ее послезавтра в школьной комнате Фидострата, а заодно сообщить много других ценных сведений по просьбе Эвдикоса, сына Апемантоса. Не забудьте прийти и привести с собой друзей, которые смогут оценить то, что я скажу". Несомненно, это была прекрасная маленькая проповедь о жизненных обязанностях, близкая к знаменитому "Избранию Геракла" Продикоса, и очень полезная для учеников Фидострата, если им разрешили присутствовать.

Сохранилось одно очаровательное изображение двух афинских школьных друзей,^[264] в туниках без рукавов. "Я видел тебя, Сократ, - говорит один из гостей на званом обеде, - когда ты и Критобулос в Школе писем искали что-то в одной и той же книге, прижавшись головой к его голове, а голым плечом к его плечу".

Известно также, что афиняне были большими мастерами по части прозвищ:^[265] можно предположить, что эта особенность распространялась и на их школьников.

Яркая картина школьной жизни была недавно обнаружена в третьей миме Геронды. По дате она относится к александрийскому периоду, но многие ее детали, несомненно, подойдут и для афинских школ; однако совершенно немыслимо, чтобы в Афинах в школах в качестве наказаний использовались кляпы и путы.

Мать, Метротиме, приводит своего прогульщика Котталоса к школьному учителю Ламприскосу, чтобы получить порку.

Метротиме. Выпори его, Ламприскос,^[266]

по плечам, пока его злая душа

пока его порочная душа не выйдет из него. Он истратил все мои силы

На игру в чет и нечет: костяшки

для него ничто. Он едва ли знает

дверь школы письма. И все же тридцатое число
Наступает тридцатое число, и я должен заплатить - без всяких извинений.
Его письменный стол, который я беру на себя труд
чтобы каждый месяц натирать его воском, лежит без внимания
В углу. Если случайно он соблаговолит прикоснуться к нему,
он хмурится, как Аид, и ничего не исправляет.
А потом размазывает его. Он не знает.
букву, пока не прокричишь ее двадцать раз.
На днях отец заставил его произнести по буквам
Марон; этот негодяй сделал его Симоном; болван.
Я думал отдать его в школу:
Его ремесло - пасти ослов. В другой раз
Мы задали ему прочесть какое-нибудь детское произведение;
Он просеивает ее, как воду сквозь щель,
"Аполлон", пауза, потом "охотник".

Бедная мать говорит, что ругать мальчика бесполезно, потому что, если она это сделает, он
тут же убежит из дома к бабушке или будет сидеть на крыше в стороне от дороги, как
обезьяна, и ломать черепицу, что дорого обходится его родителям.

И все же он знает.
Седьмое и двадцатое число месяца,
целые праздники, как будто читает по звездам.
Он не спит ночами, мечтая о них.
Но да благословит вас Муза,
Дайте ему полос не меньше, чем...
Ламприскос. Ты прав.
Вот, Эвтиас, Коккалос и Филос, поднимите его
на свои спины.[\[267\]](#) Мне нравится, как вы это делаете,

Мой мальчик. Я научу тебя хорошим манерам. Где мой ремень,
Жгучий коровий хвост!

Котталос. Клянусь музами, господин,

Не с жалом.

Лампа. Тогда ты не должен быть

таким непослушным.

Котт. О, сколько вы мне дадите?

Лампа. Твоя мама это исправит.

Котт. Сколько, матушка?

Метр. Столько, сколько выдержит твоя злая шкура.

Котт. Хватит, хватит, хватит.

Лампа. Ты должен прекратить свои действия.

Котт. Я больше никогда не буду этого делать, обещаю вам.

Лампа. Не болтай так много, а то я принесу кляп.

Котт. Я не буду говорить, только не убивайте меня, пожалуйста.

Лампа. Спустите его, ребята.

Метр. Нет, держите его до заката.

Лампа. Да он пестрый, как водяная змея.

Метр. Ну, когда он закончит читать, хорошо это или плохо,

дайте ему еще немного, скажем, двадцать ударов.

Котт. Да!

Метр. Я пойду домой и принесу пару оков.

Наша госпожа Муза, которую он презирал, увидит

Их презрители ковыляют сюда с закованными в кандалы ногами.

Точный возраст, в котором в Афинах мальчиков обучали арифметике, представляет собой несколько сложный вопрос. Платон в "Республике" и "Законах" откладывает этот вопрос до шестнадцати лет. В "Законах"[\[268\]](#) он говорит: "Остается обсудить, во-первых, вопрос о письмах, во-вторых, о лире и практической арифметике - я имею в виду столько, сколько необходимо для целей войны, ведения домашнего хозяйства и работы правительства". Его гражданам также потребуется, по его мнению, достаточно астрономии, чтобы сделать календарь понятным для них. В этом отрывке он четко связывает практическую арифметику с музыкой; и , когда он переходит к деталям, он делает изучение лиры продолжительным с тринадцати до шестнадцати лет, а затем занимается арифметикой, мерами и весами и астрономическим календарем, изучение которых заканчивается на семнадцатом году. Этот курс предназначен для всех свободных мальчиков в его государстве: следует отметить, что он в высшей степени практичен, элементарен и конкретен. В Республике он обучает

несколько избранных мальчиков: до восемнадцати лет они должны пройти курс абстрактной и теоретической математики, теории чисел, плоской и твердой геометрии, кинетики и гармоник. Таким образом, он упоминает о двух видах математики: практической и конкретной, которую эллины называли *λογιστική*, [269], чей предмет в основном меркантильный, и теоретической и абстрактной, которую они называли *ἀριθμητική*. Оба вида должны быть изучены в период, следующий за восемнадцатым годом.

Но не следует полагать, что так было в Афинах. Философ имеет дело с идеальным государством, где образование может быть организовано теоретически наилучшим образом, а не с реальными Афинами, где мальчика в любой момент могли отозвать в счетную палату или на ферму, и многие не оставались в школе после того, как научились читать и писать. Кроме того, Платон, как хороший пифагореец, видел особую целесообразность в том, чтобы числа следовали за музыкой, а его дорийские симпатии заставили его разделить образование на четко обозначенные периоды, в каждом из которых преподавался только один предмет. Эта система, как я уже показал, не нашла поддержки в Афинах.

Поэтому к его системе следует относиться с осторожностью. По своей сути гораздо более вероятно, что более простая, практическая арифметика преподавалась в начальных школах письма, которые посещали все граждане, включая будущих торговцев и ремесленников, а не в какой-то более поздней отдельной школе. Но можно ли найти какие-либо доказательства такой организации? Да, сам Платон в "Законах" [270] заявляет, что будущий строитель должен в детстве играть с игрушечными кирпичиками и учиться весам и измерениям. Его строитель, во всяком случае, не может ждать, чтобы научиться арифметике до шестнадцати лет. Затем, в той же работе, он приводит пример Египта, где "очень большое количество детей изучают практическую арифметику *одновременно с буквами*", и далее он высоко оценивает методы, с помощью которых она преподается. Теперь Египет в "Законах" представлен как родина идеального образования, своего рода Утопия. Опять же, у Платона [271] Протагор обвиняет своих братьев софистов в том, что они "*возвращают* своих учеников *назад*, вопреки их желанию, и *снова бросают* их в науки, от которых они сбежали, - практическую арифметику, астрономию, геометрию и музыку". Как можно было назвать софистов [272] "ведущими учеников назад и снова бросающими их" в науки, от которых они сбежали? Где они изучали эти предметы до четырнадцати лет? Это могло быть только в школе. Но то, чему учили софисты, должно было быть новым для мальчиков, иначе они не стали бы платить за обучение. Это было ново, потому что софисты преподавали продвинутые и теоретические ступени, которые появляются в Республике, а начальные школьные учителя учили более простым и конкретным элементам арифметики, мер и весов, а также календарю, описанному в Законах, которые были необходимы каждому афинскому гражданину. Из всего этого можно предположить, что афинские мальчики, как и египетские мальчики Платона, обучались простой арифметике, весам и мерам, а возможно, и календарю "*одновременно с буквами*".

В Ксенофоне есть два отрывка, которые, кажется, соответствуют этой точке зрения. Сами по себе они не являются окончательными, но дают ценный намек. В первом [273] говорится, что любой, кто знает свои буквы, может сказать, *сколько* букв в "Сократе" и в каком порядке они встречаются. Во втором, [274], в ходе аргументации используются две иллюстрации, тесно связанные друг с другом. Отрывок гласит: "Возьмем случай с буквами. Предположим, кто-нибудь спросит вас, сколько букв в "Сократе" и какие из них?... Или возьмем случай с числами. Предположим, кто-то спросит, сколько будет дважды пять?" Эти две цитаты, безусловно, делают простой счет частью изучения букв, с которым второй отрывок также тесно связывает таблицу умножения. Казалось бы, отвечать на такие вопросы, как "Сколько

букв в слове "Сократ"?", должно было быть частью урока правописания. Ответ: "Восемь". "Где находится буква R?" Ответ: "Четвертая". Можно также заметить, что символы цифр в Древней Элладѣ были, за одним или двумя исключениями, идентичны современному алфавиту. Игры с кубическими костями и костяшками, которыми увлекались мальчики, также должны были требовать определенных арифметических навыков. Естественным выводом является то, что простой арифметике, а также, вероятно, весам и мерам, и начертаниям календаря, обучали мастера письма: практике музыки - мастера музыки: в то время как теории чисел, астрономии и музыки учили софисты μετράκις.

Fives		
	○	Thousands
		Hundreds
		○ ○ ○
	○	Tens
		○ ○
	○	Units
		○ ○ ○

Простой счет велся на пальцах. "Считай на пальцах", - говорит персонаж Аристофана,^[275] - "а не на камешках". Распространенным словом для обозначения счета было πεντάζειν, "считать на пяти пальцах"; деление месяца на три периода по десять дней можно отнести к тому же обычаю. Но с помощью различных приспособлений можно было считать на пальцах до очень больших чисел. Камешки также использовались для помощи в арифметике. В случае сложных счетов использовалась доска для подсчета (ἄβακος или ἄβαξ), на которой камешки меняли свою стоимость в зависимости от их положения. Такие доски появились еще в Афинах, поскольку Солон сравнивал жизнь придворного с камешками на них, так как сейчас он стоил много, а сейчас мало.^[276] Персонаж комедии IV века^[277] просит принести ему абакус и камешки, чтобы он мог вести свои счета. Камешки были разложены по желобкам, стоили один, десять, сто и так далее, в зависимости от того, в какой желобок они были положены. Если камешки клали на левую сторону доски, их стоимость умножалась на пять.^[278] Различные игры в παισσοί, несколько напоминающие шахматы, проводились на похожей доске, и эти шахматные доски назывались ἄβακες. Искусство игры в παισσοί не раз соединялось Платоном с арифметикой или математикой в целом, чтобы показать, что игра

должна была включать в себя математические навыки.[279] Как это было принято в Афинах, обучение шло рука об руку с развлечениями, и, играя в игры, мальчики охотно учились арифметике. Похоже, такое же значение имела игра в костяшки, в которую мальчики в Лузисе играли во время всех своих каникул. Каждый мальчик нес большую корзину костяшек, и проигравший в каждой игре платил столько-то костяшек победителю. Искусство игры в эту игру Платон также связывает с математикой;[280] поэтому, по его мнению, она, во всяком случае, должна была способствовать изучению арифметики. На школьной сцене амфоры из Британского музея изображен маленький мешочек, в котором, как обычно предполагается, хранятся костяшки пальцев: возможно, их даже использовали в школах для обучения арифметике. В другой школьной сцене эта сумка присутствует вместе с лирой и линейкой; очевидно, она была частью школьной мебели.

ПЛАТА III.

СЦЕНЫ МУЗЫКАЛЬНЫХ ШКОЛ

С худрия из Британского музея (Е 171).

После таких откровений об эллинских методах обучения естественно предположить, что хитроумные приспособления, с помощью которых "египтяне", [281] по словам Платона, "превращали простую арифметику в игру" для своих детей, действительно использовались в Аттике. Одно из этих устройств [282] выглядело следующим образом. Хозяин брал, скажем, шестьдесят яблок. Сначала он делил их между двумя мальчиками, которых заставлял считать свою долю - по тридцать штук; затем между тремя мальчиками - по двадцать штук; затем между четырьмя - по пятнадцать штук; затем между пятью - по двенадцать штук; и затем между шестью - по десять штук. Это научит системе факторов. Затем снова устраивается реальное или воображаемое соревнование по боксу или борьбе [283], скажем, в классе из девяти человек. Мальчики путем эксперимента выяснят, сколько боев потребуется, если каждый мальчик будет драться со всеми остальными по очереди, и сколько, если будет введена система раундов и поражений. Это может даже научить перестановкам и комбинациям.

В другом случае по классу раздают несколько чаш, в которых лежат смешанные монеты, золотые, серебряные и бронзовые, а также все одного сорта. Мальчики должны считать их, складывать и вычитать, и так далее. Таким образом они учились сложению и вычитанию денег, а также получали четкое представление о национальной чеканке.

Платон был очень впечатлен образовательной ценностью арифметики. "Те, кто родился с талантом к ней, - говорит он, - быстро обучаются всему; и даже те, кто медленно учится, значительно повышают свой общий интеллект, изучая ее".[284] "Ни одна отрасль образования не является столь ценной подготовкой к ведению домашнего хозяйства и политике, ко всем искусствам и ремеслам, наукам и профессиям, как арифметика; лучше всего, по какому-то божественному искусству, она пробуждает тусклый и сонный мозг и делает его внимательным, внимательным и острым".[285]

Вопрос о более сложных этапах изучения математики, которые преподавались старшим мальчикам, можно оставить для главы о среднем образовании.

* * * * *

Главным, а часто и единственным инструментом, которому обучали в музыкальной школе, была семиструнная лира[286] с большой декой, изначально сделанной из черепашьего панциря.[287] На ней можно было играть как рукой, так и с помощью "плектра" или ударника; мальчик Лусис учился делать и то, и другое.[288] Мальчиков также учили, как натягивать и ослаблять струны, поворачивая колки до нужной степени натяжения. Они приносили с собой из дома свою лиру, и пайдагос нес ее за своим подопечным. С точки зрения хозяина это было мудрое правило, поскольку мальчики, как правило, портили эти инструменты своими ранними попытками.[289] Как и фортепиано, лира требовала очень деликатного прикосновения и очень проворных пальцев, а эти качества можно было приобрести только путем постоянной практики.[290]

Как и следовало ожидать, в школе лиры обычно проводились индивидуальные занятия; инструментальной музыке нельзя научиться в классе. Вазы наглядно демонстрируют это. Перед мастером сидит один мальчик; оба держат в руках лиры, на которых они поют, причем слова песни иногда представлены в виде ряда маленьких точек. На пластине IV. слева от этой группы мальчик подходит к своей очереди с лирой в руках, а позади него стоит его пайдагос, опираясь на стол для чтения и следя глазами за своим подопечным. Справа - мальчик, только что взявший футляр с флейтой и готовящийся уйти, а другой сидит в углу, закутавшись в плащ, и ждет своей очереди на урок. На пластине III.,[291] мастер играет на барбитосе и, по-видимому, поет, а ученик играет на флейте. Слева - играющий на флейте мастер и ученик, только что отошедший от него с флейтой в руках. Другой ученик, с лирой, ждет урока от мастера в центре, а пока развлекается, играя с животным, вероятно, леопардом,[291] подобным тому, что изображен на пластине IV. Другое животное, собака, воет от отвращения к музыке. Справа ученик с флейтой идет вперед, чтобы взять урок у стоящего перед ним флейтиста. За ним следует молодой человек, который может быть старшим братом, заменяющим на время обычного пайдагоса, или поклонником. На заднем плане сидит маленький ребенок, сосущий большой палец, вероятно, младший брат одного из учеников, который пришел, в соответствии с советом Аристотеля, посмотреть, хотя еще слишком мал для обучения.

ПЛИТА IV.

В ШКОЛЕ ЛИРЫ

С худрия, хранящегося в Британском музее (Е 172).

Как только ученики научились играть, мастер стал учить их произведениям великих лирических поэтов,[\[292\]](#) которые не преподавались в школе письма. Они были положены на музыку, и мальчики пели их и играли под аккомпанемент. Предполагалось, что каждый афинский джентльмен, отправляясь на званый обед, должен был уметь петь и играть подобным образом. Однако этот обычай стал выходить из моды во время Пелопоннесской войны. Когда старый Стрепсиад в "Облаках"[\[293\]](#) просит Фидиппида взять лиру и спеть песню Симонида, его новомодный сын отвечает, что игра на лире совсем устарела, а пение за вином годится только для рабыни за точильным станком. Продолжалось ли такое положение вещей и не оказало ли оно пагубного влияния на музыкальные школы, решить невозможно. Иногда гости приводили своих мальчиков, чтобы те спели для компании: в "Мире" сын героя Ламахоса собирается петь Гомера, а у мальчика труса Клеонумоса готова песня Архилоха. Алкайос и Анакреон также были любимцами;[\[294\]](#) лирические части комедий Кратиноса тоже упоминаются как исполняемые на пирах;[\[295\]](#) несомненно, то же самое было и с другими великими комедиографами. Поскольку ямбические части Эсхила и Еврипида читались за обеденным столом, естественно предположить, что их песни также исполнялись. Престарелые дикасты в "Осах" поют припевы из "Сидонян" Фруниха. Старые песни, такие как "Паллас, грозный разрушитель городов" Лампрокла и "Крик, отдающийся эхом вдали" Кудидеса, были популярны в прежние времена. Несомненно, было много разнообразия в соответствии со вкусом мастера. В музыкальной школе также могли разучивать положенную на музыку метрическую версию афинских законов, приписываемую Солону,[\[296\]](#) и законодательство Харондаса, которое афинские господа распевали за вином.[\[297\]](#) Афинские мальчики должны были знать законы к тому времени, когда они становились эфебиями, и вполне возможно, что их учили этому удобному и привлекательному способу у лирмейстера. Умение играть на лире стало признаком либерального образования, ведь все учили буквы, но самые бедные не поступали в музыкальную школу. "Он не знает, как играть на лире", - стало поговоркой для необразованного человека, у которого не было столько возможностей в жизни, как у его более состоятельных сограждан. Так, в качестве обращения к подсудимому мы находим.

Он мог украсть. Но оправдайте его, потому что

Он не знает, как играть на лире.[298]

На это дикаст возражает, что он тоже не научился играть на лире, поэтому его следует простить, если он настолько глуп, чтобы осудить обвиняемого.[299]

В начале пятого века эллины, по словам Аристотеля, были стимулированы[300] своим растущим богатством и значением к проведению многих образовательных экспериментов, особенно в области музыки. Всевозможные музыкальные инструменты были опробованы в музыкальных школах, но были отвергнуты на стадии испытания, когда можно было лучше оценить их моральное воздействие. Среди таких инструментов была и флейта. В свое время флейта стала настолько популярной в Афинах, что большинство свободных граждан умели на ней играть. Но ее моральный эффект оказался неудовлетворительным; это был инструмент, который принадлежал к диким религиозным оргиям, и он вызывал то истерическое и почти лунатическое возбуждение[301], которое эллины считали полезным лекарством, если принимать его через большие промежутки времени, чтобы дать выход таким чувствам и вывести их из организма, чтобы затем наступил долгий период спокойствия. Но такое лекарство не подходило для ежедневного питания мальчиков. Флейта имела еще два недостатка. Она искажала лицо настолько, что могла привести в ужас чувствительного эллина.[302] Кроме того, она не позволяла использовать голос: мальчики не могли петь на ней, как на лире. Так что Афина, согласно старой легенде, была совершенно права, выбросив инструмент с отвращением: он подходил только для фригийского сатира, поскольку не вызывал к разуму, а только к страстям.[303]

Таков рассказ Аристотеля. На это можно возразить, что на вазах, изображающих сцены в музыкальных школах, флейта и лира преподаются бок о бок и, очевидно, пользуются одинаковой популярностью. Но эти вазы в основном можно более или менее точно отнести к первой половине пятого века, и поэтому они подтверждают утверждение Аристотеля. Более того, флейта, конечно, ни в коем случае не вымерла в Элладе; она лишь стала дополнительным, а не основным инструментом в школах. Говорят, что на ней играли самые известные афиняне - Каллий и Критий, Алкивиад.[304] В Фивах она всегда оставалась популярной. А вот в Афинах на банкетах, если на лире обычно играли сами гости, то на флейте, как правило, играли только профессиональные флейтистки[305], хотя на вазах гости иногда встречаются и на этом инструменте.[306] Вероятно, отношение афинян можно подытожить "древней пословицей":[307]

У флейтиста мозги не задерживаются:

Он пыхтит на флейте, а они улечиваются.

Было принято играть на двух флейтах одновременно. Такая пара была найдена,[308] вместе с лирой, в гробнице в Афинах. Флейты длиной чуть больше фута, имеют пять отверстий на верхней и одно на нижней стороне. Каждая из них имеет отдельный мундштук. Кроме того, флейтисты иногда носили что-то вроде кожаного намордника[309], закрывающего рот, но в школах это не встречается. Флейты носили в двойном футляре, сделанном из пятнистой кожи; с одной стороны у него был карман для мундштуков,[310] и шнурок, за который его можно было подвешивать, когда он не использовался. Две флейты, по-видимому, соответствовали скрипичной и басовой, "мужской" и "женской", как называет их Геродотос.

Высокие частоты располагались справа, низкие - слева.[311] Флейты могли быть настроены на разные гармонии, по-видимому, путем некоторой перестановки стоп. В случае с флейтой, как и в случае с лирой, правилом было индивидуальное обучение. Сначала мастер играл какую-нибудь мелодию, а затем мальчик должен был повторить ее, пока мастер критиковал.[312] Или же мастер играл на барбитосе и пел под него, а ученик аккомпанировал ему на флейте. У этого метода было два преимущества. Мастер мог играть одновременно с мальчиком и давать ему указания во время игры, чего не позволяла делать флейта. Кроме того, песня, которую он мог петь, устраняла один из главных недостатков флейты: ведь эллины возражали против инструментальной музыки как бессмысленной, если она не сопровождалась словами.

По всей Аттике были разбросаны музыкальные школы, помимо столичных: уже приводилось описание того, как деревенские мальчишки в снежную бурю без шинелей отправлялись к лирмейстеру. Сохранились имена нескольких мастеров. Лампрос обучал поэта Софокла.[313] Сократ[314] рекомендует Никиасу отдать сына к знаменитому Дамону, который "не только первоклассный музыкант, но и как раз тот человек, который должен заниматься с такими мальчиками". Но содержали ли эти музыканты обычные школы, выяснить невозможно. Сам Сократ в зрелые годы посещал музыкальную школу в Конносе и учился среди мальчиков. "Я позорю музыкального мастера Конноса, - говорит он, - который до сих пор учит меня играть на лире. Мальчики, которые являются моими товарищами по школе, смеются надо мной и называют Конноса "седобородым учителем"". [315] На том же Коннос перенял распространенный, но незаконный обычай уделять главное внимание своим более перспективным ученикам, а отстающих игнорировать.[316] Аристофан карикатурно изображает школьные годы Клеона следующим образом: "Мальчики, которые учились вместе с Клеоном, рассказывают, что он часто настраивал свою лиру только на дорийскую (= подарочную) гармонию. В конце концов лирмейстер вышел из себя и велел пайдагосу увести его, сказав: "Этот мальчик не может научиться ничему, кроме бриберийского (дорийского) лада".[317]

Отношение философов к музыке будет рассмотрено в другом месте. Взгляды Платона можно выразить словами, которые он вкладывает в уста софиста Протагора.[318] "Учитель музыки делает ритм и гармонию привычными для душ юношей, и они становятся мягче и утонченнее, а имея в себе больше ритма и гармонии, они становятся более эффективными в речи и в действии. Вся жизнь человека нуждается в хорошей гармонии и хорошем ритме". Отношение Аристотеля вкратце таково. "Музыка не является ни необходимым, ни полезным занятием в том смысле, в каком полезны письма, но она служит благородным и достойным средством для проведения досуга".[319]

* * * * *

Аристотель упоминает, что в его время некоторые добавляли к трем частям курса рисование и живопись.[320] Это не было всеобщим, как эти, и, похоже, началось только в четвертом веке. В "Республике" и "Законах" Платон не нападает на него и не критикует его среди других учебных предметов; но в "Республике" он играет столь заметную роль, что очевидно, что философ считал его опасным врагом тех взглядов, которые он хотел распространить. Обращает на себя внимание тот факт, что обсуждение искусства происходит в конце книги X. Не следует ли из этого, что, когда Платон писал предыдущие книги, рисование и живопись еще не вошли в моду в школах, но стали популярными до того, как он закончил свою великую работу?

В перикловских Афинах возможности для художественного обучения, безусловно, существовали. В "Протагоре" ([321]) в качестве примера в каком-то споре предлагается, чтобы отрок Гиппократ "отправился к одному молодому человеку, который недавно был в Афинах, Зевксиппу из Гераклеи. Каждый день, проведенный с ним, он будет совершенствоваться как художник". Ранее в том же диалоге Сократ замечает, что его друг мог бы пойти к Полуклитосу или Фидию и заплатить за обучение скульптуре.[322] Большое количество мальчиков, ставших подмастерьями гончаров в Афинах, должно быть, с ранних времен обучались рисованию, конструированию и живописи. Но искусство, вероятно, не стало обычной частью либерального, в отличие от технического, образования до середины четвертого века.

Эта дата определена отрывком из Плиния.[323] По его словам, его введение было связано с Памфилом Македонским. По его примеру, сначала в Сикуне, где он жил, а затем и в остальной Элладе, свободных мальчиков обучали прежде всего живописи на самшите, и это искусство было включено в первый ряд свободных искусств. Картина Памфила с изображением Гераклидов упоминается в "Плутосе" Аристофана, появившемся в 388 году до н. э. Апеллес, его ученик, стал приобретать известность около 350 года: сам Памфил, похоже, дожил до конца века. Таким образом, введение живописи в школах Сикунa можно приблизительно датировать 360 годом до н. э., и оттуда этот обычай распространился по всей Элладе. К 300 году до н. э., несомненно, искусство стало регулярной частью образовательной программы; ведь философ Телес,[324], который, вероятно, жил примерно в это время, упоминает гимнастического тренера, мастера письма, музыканта и художника как четыре главные обязанности мальчиков. Следы новых художественных школ с их техническим словарем можно найти в "Законах", произведении, написанном в старости Платоном:[325] "закрашивай или заштриховывай", - говорит он, - "или как это называют мальчишки-художники".

От методов, использовавшихся в рисунке и живописи в Элладе, осталось мало следов. Полугнотос и его современники создавали идеализированные картины, беря точки из множества красивых мужчин и женщин и объединяя их в одного идеального мужчину или женщину. Когда идеализм уступил место реализму в Элладе, перемены коснулись и живописи. Художники пытались создать в своих работах реальную иллюзию, беря такие предметы, как стулья или столы, и заставляя зрителя поверить в то, что они настоящие. В этом им помогли открытые в это время разработки перспективы и ракурса. Именно против этого преувеличенного реализма и выбора домашних предметов и направлена атака Платона: он ненавидит такие иллюзии как фикцию.[326] В диатрибах "Республики" возможность идеализированной живописи, кажется, забыта. Пострадали ли мальчишки в художественных школах от этой перемены и были ли они обречены рисовать только стулья и столы, решить невозможно.

У учеников, конечно, не было бумаги для рисования, не было и холста. Обычно использовали белое дерево, предпочтительнее самшит, благодаря его гладкости. Для рисования использовали свинец или уголь; для стирания вместо индийского каучука применяли губку.[327] Возможно, они практиковались на своих восковых табличках. Одним из способов было σκιαγραφία - "рисование теней", в результате которого получались грубые наброски в свету и тени: они, по-видимому, были понятны только при рассмотрении на расстоянии. Платон относился к ним с недоверием, считая их чем-то вроде колдовства.[328]

В обычной живописи, которая могла быть как акварельной, так и энкаустической,[329] первым делом делался набросок контура (ὑπογράφεiv, περιγραφή); затем художник заполнял (ἀπερράζεσθαι) картину своими красками, постоянно поглядывая то на оригинал, то на

копию, смешивая при этом свои краски. Начинаящие, несомненно, часто стирали (ἐξάλειφειν) и закрашивали заново.

Аристотель, [330], рассуждая о художественном воспитании, замечает, что оно давало мальчикам хороший глаз для оценки искусства и позволяло им проявлять хороший вкус при покупке мебели, керамики и других предметов домашнего обихода, которые, если судить по скудным реликвиям, должны были быть шедеврами красоты в доме культурного афинянина. Но еще важнее то, что это дало им "глаз на телесную красоту": [331], что говорит о том, что человеческая форма, особенно ее пропорции, были главным предметом изучения в художественных школах. Пропорции были сутью эллинского искусства; великие скульпторы, как известно, тратили много времени на составление канона идеальных пропорций для человеческого тела. Мальчики вполне могли использовать своих товарищей по палестре в качестве моделей, а каноны физической пропорции, которым их обучал мастер, должны были стимулировать их желание достичь такого совершенства тела своими собственными атлетическими упражнениями.

[207] Лукиан, Любовь, 44-45.

[208] Aischin. ag. Timarch. 12; Thuc. vii. 29; Платон, Законы.

[209] Лукиан, Парацит, 61.

[210] Aischin. ag. Timarch. 12.

[211] Anthol. Palat. x. 43 цитируется как доказательство того, что шесть часов работы в день были максимумом. Эпиграмма гласит: "Шесть часов достаточно для работы; остальное время дня, выраженное цифрами, говорит ζῆθι, "наслаждайся жизнью"". Но суть шутки в том, что числительные для 7, 8, 9, 10, поздних часов дня, - это ζ', η', θ', ι', что пишет ζῆθι. Эпиграмма не претендует на констатацию факта; шутка - единственный смысл ее существования. В любом случае школы не упоминаются.

[212] Herondas, Schoolmaster (iii.) 53.

[213] Mahaffy, Greek Education, p. 54.

[214] Lucian, Nekuom. 17.

[215] Dem. de Cor. 315.

[216] Theoph. Char. 30.

[217] Ibid. 30.

[218] Herondas, iii. 3.

[219] Demos. ag. Aphobos, i. 828.

[220] Демос. Crown, 312.

[221] Demos. Crown, 270. Это наиболее вероятное восстановление фактов из высказываний противоборствующих ораторов.

[222] Ibid. 313.

[223] Aelian, Var. Hist. xii. 9 (в Клазоменах).

[224] Скамьи не появляются на вазах, потому что ряд мальчиков требует сложной перспективы; художник предпочел взять одиночных мальчиков на табуретах, как своего рода часть класса, так же как он дал табуретам только две ножки. Ксен. Банкет, 4. 27, показывает двух мальчиков, сидящих бок о бок. Нет необходимости отвергать скамейки вместе с Жираром.

[225] Алексис, Линос (в Афинах. 164 г. до н. э.). См. Иллюстр. [Пластины I. А и I. В.](#)

[226] Plut. Alkib. 7.

[227] Herondas, iii. 83. 96.

[228] См. Иллюстр. [Plate No. I. A.](#)

[229] Plato, Protag. 326 D.

[230] У Климента Александрийского, который приводит два других. Strom. v. 8 (p. 675, Potter). Письменная копия, сделанная мастером, хотя и не алфавитного типа, описанная Климентом, действительно сохранилась на восковой табличке в Британском музее (Add. MS. 34 186). Она состоит из двух строк стиха, написанных мастером и дважды скопированных учеником.

[231] Aeschylus, Choeph. 209.

[232] Illustr. [Plate I. A.](#)

[233] Xen. Econ. xv. 5.

[234] Demosth. de Cor. 313.

[235] Платон, Законы, 810 A (ср. призы за каллиграфию в Теосе).

[236] Athen. 453 d.

[237] Giles' Manual of Comparative Philology, § 604.

[238] Athen. 453 c, d.

[239] В Афинах был найден фрагмент терракоты, на котором было написано:

αρ βαρ γαρ δαρ

ερ βερ γερ δερ

которая, должно быть, принадлежала какому-то орфографическому справочнику - возможно, кирпич составлял часть стены школьной комнаты.

[240] Athen. 454 f.

[241] Это ни в коем случае не является немыслимым, если вспомнить, что эллины часто перекладывали даже законы на музыку, чтобы их было легче выучить и запомнить.

[242] Plato, Polit. 278 A, B.

[243] Ibid.

[244] Ibid. 285 C.

[245] Xen. Econ. viii. 14.

[246] См. иллюстр. [Plate I. A.](#)

[247] Case E 190.

[248] Plato, Protag. 325 E.

[249] Plato, Laws, 811.

[250] τὰ κεφάλαια - фраза, используемая в более поздние времена для обозначения "общих мест", "тем", что позволяет предположить, что эти подборки были такого рода.

[251] Как в наше время у Шекспира отбирают великие речи для "повторения".

[252] Платон, Законы, 802, 811.

[253] Исократ (Paneg. 74 A). Он говорит, что цель заключалась в том, чтобы заставить мальчиков ненавидеть варваров; как, например, английские мальчики могли бы выучить Генриха V., чтобы не любить французов!

[254] Xen. Банкет, iii. 5.

[255] Ibid.

[256] Ibid. iv. 6.

[257] Aristoph. Лягушки, 1035.

[258] Из "Банкетчиков".

[259] Стратон (в Athen. 382, 383).

[260] Аристоф. Лягушки, 1032.

[261] Athen. 164.

[262] Аристоф. Птицы, 471; Осы, 1446. 1401.

[263] Plato, Hipp. Maj. 286 B.

[264] Xen. Банкет, iv. 27. Школьная дружба упоминается также в Aristot. Eth. viii. 12; Aristoph. Облака, 1006.

[265] Athen. 242 d.

[266] Перевод вольный, и я опускаю многое, что не имеет отношения к делу.

[267] Изображение такой порки см. на с. 599 книги Бьюри "Римская империя".

[268] Платон, Законы, 809 C.

[269] Различие между λογιστική, подсчетом и сравнением чисел, главным образом в счетах и т. п., практической арифметикой, и ἀριθμητική, теорией чисел, отмечается в Plato, Gorg. 451 B.

[270] Платон, Законы, 643 г. до н.э.

[271] Plato, Protag. 318 D.

[272] So Theodoros in the Theaitetos.

[273] Xen. Econ. viii. 14.

[274] Xen. Mem. iv. 4. 7.

[275] Aristoph. Осы, 656.

[276] In Diogenes Laertius, i. 2. 10.

[277] Alexis (in Athen. 117 e).

[278] Очень похожий абакус до сих пор используется в Китае и Японии, даже в банках. Камешки" толкаются не в пазах, а на проволоках, проходящих через их середину. Расчеты с помощью этого средства производятся с удивительной быстротой.

[279] например, Polit. 299 D. πεττεῖαν ἢ ξύμπασαν ἀριθμητικὴν.

[280] Plato, Phaid. 274.

[281] Plato, Laws, 819 B.

[282] Восстановление этого процесса опирается на Athen. 671; два других - чисто предположительные.

[283] Предполагает сразу эллинские, а не египетские обычаи.

[284] Plato, Rep. 526 B.

[285] Plato, Laws, 747.

[286] Технически говоря, это была λύρα, κιθάρα - профессиональный инструмент, которому не обучали в школе.

[287] Illustr. [Plate I. B.](#)

[288] Plato, Lysis, 209 B. На надписях есть отдельные призы для двух методов.

[289] Xen. Econ. ii. 13.

[290] Ibid. xvii. 7.

[291] Ср. Ваза Е 57 Британского музея, на которой мужчина ведет за веревку леопарда.

[292] Plato, Protag. 326 B.

[293] Aristoph. Облака, 1356 г.

[294] Aristoph. fragment of Banqueters.

[295] Аристоф. Рыцари, 526.

[296] Plut. Solon, iii.

[297] Гермипп (в Афинах. 619 b).

[298] Aristoph. Осы, 959.

[299] Ibid. 989.

[300] Aristot. Pol. viii. 6. 11.

[301] По этой причине Пратинас противопоставил ее *дорийскому* влиянию. Он был исключен из пифийских игр (Pausan. 10. vii. 5). Пратин предлагает ему довольствоваться тем, что он "ведет пьяных молодых людей на их карусели и потасовки".

[302] Телест, защищая флейту, мог лишь возразить, что Афина, обреченная на вечное девичество, не должна заботиться о своей внешности (Athen. 617).

[303] Aristot. Pol. viii. 6. 11.

[304] Athen. 184 d. Плутарх, однако, говорит, что когда хозяева Алкивиада пытались заставить его учиться игре на флейте, он отказался, заявив, что это непригодно для джентльменов (Alk. ii. 5).

[305] Не самая уважаемая профессия в Афинах.

[306] Brit. Mus. E 495, 64, 71.

[307] Athen. 337 f.

[308] Smith's Dictionary of Antiquities.

[309] φορβεῖα. Он принадлежал профессионалам.

[310] υλωσσοκομεῖον.

[311] См. "Надпись" к "Андрию" и другим пьесам Теренция.

[312] См. иллюстр. [Plate II](#).

[313] Athen. 20 f.

[314] Plato, Laches, 180 D.

[315] Plato, Euthud. 272 C.

[316] Ibid. 295 D.

[317] Аристоф. Рыцари, 987-996.

[318] Plato, Protag. 326 B.

[319] Aristot. Pol. viii. 3. 7.

[320] Ibid. viii. 3. 1.

[321] Plato, Protag. 318 B.

[322] Ibid. 311 C.

[323] Plin. Hist. Nat. 35.

[324] Stob. Floril. 98, p. 535.

[325] Plato, Laws, 769 B.

[326] См. Rep. X. 596 E, 605 A и т. д. В Софисте, 235 D, 266 D и т. д., Платон прибегает к своему суждению для *φανταστική*, которая создает иллюзии; он почти одобряет *εἰκαστική*. На идеализированную живопись намекается в Rep. 472 D, 484 C.

[327] Aeschylus, Agamemnon, 1329.

[328] Plato, Theait. 208 E.

[329] Современный масляный процесс не применялся до конца эпохи Возрождения. Распространенной была фреска.

[330] Aristot. Pol. viii. 3. 12.

[331] *θεωρητικὸν τοῦ περὶ τὰ σώματα κάλλους*.

ГЛАВА IV

АФИНЫ И ОСТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЭЛЛАДЫ: ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Хорошо известно, что эллины придавали огромное значение физическим упражнениям. Отчасти это, несомненно, объяснялось тем, что они высоко ценили телесную красоту, к которой стремились с помощью гимнастических упражнений. Но не стоит забывать, что быть в "хорошем состоянии" было для них крайне важно. В любое утро эллинский гражданин мог оказаться призванным на поле боя против захватчика или отправленным разорять вражескую территорию. Принимались только самые убедительные оправдания. Платон[332] оставил яркую картину того, как богатый человек, живший в праздности и роскоши, внезапно призывается на службу своей стране. Несчастный Дивес идет, задыхаясь и обливаясь потом, на корабле ему плохо, а в бою, когда ему приходится заряжать или энергично сражаться, у него нет ветра и он находится в состоянии безнадежного страдания; в то время как его более бедные или мудрые товарищи, которые "худые и жилистые, и жили под открытым небом", насмеваются над ним и презирают его. Сократ указывает молодому Эпигену,[333] пренебрегающему своим физическим состоянием, на то, какому риску он подвергается. В бою, когда раздается отступление, он будет оставлен своими товарищами и либо убит, либо взят в плен врагом; а уделом пленника часто было пожизненное рабство, если только друзья не выкупят его. Но были также интеллектуальные и моральные риски. "Телесная слабость, - говорит Сократ, - часто приводит к потере памяти, упадку духа, злобному нраву и даже безумию, которые захватывают человека, делая невозможными даже интеллектуальные занятия". Чтобы быть хорошим гражданином и хорошим мыслителем, человек должен всегда находиться в хорошей физической форме. Долгом перед собой и государством стало "жить на свежем воздухе и приучать себя к мужественному труду и поту, избегая тени и немужественного образа жизни".[334] По божественному предписанию "пот был порогом мужской добродетели", как пел старый Гесиод.[335]

Пристрастие к всевозможным гимнастическим упражнениям было характерно для эллинских народов со времен Гомера. Изначально целью было симметричное развитие тела, здоровье, скорость, сила и ловкость. Но, как заметил египетский мудрец, эллины были нацией детей - именно это придает им очарование и интерес, а дети обычно и естественно больше всего заботятся о теле. В результате атлетика зашла слишком далеко: она стала самоцелью, вместо того чтобы быть просто средством достижения физической активности и здоровья. Профессиональный спортсмен стал своего рода избалованным ребенком, которого кормили

за государственный счет,[336] обхаживали толпы поклонниц, и все это время он был совершенно бесполезен для всего, кроме своего конкретного вида соревнований, бокса, борьбы и тому подобного. Тенденция была губительной: эллины предпочитали быть хорошими гимнастами, а не хорошими солдатами.[337] Участник соревнований, юноша или мужчина, претендующий на один из великих призов, должен был жить в полном бездействии от других занятий.[338] Такие профессионалы "спали целыми днями, и если они хоть в малейшей степени отступали от предписанной им системы тренировок, их настигали тяжелые болезни".[339] Следовательно, они были бесполезны как солдаты, ведь на войне необходимо бодрствовать, а не мучиться, переносить перепады жары и холода и не болеть от смены рациона. Специализация даже привела к деформации. Бегун на длинные дистанции развивал толстые ноги и узкие плечи, боксер - широкие плечи и тонкие ноги.[340] Именно этой специализации Гален[341] приписывает снижение полезности эллинской атлетики. Филострат даже отмечает, что только в старые добрые времена здоровье атлетов не страдало от их упражнений. В те времена, говорит он, они поздно старели и, участвуя в восьми или девяти олимпийских состязаниях, сохраняли работоспособность в течение тридцати лет и более; кроме того, они были такими же хорошими воинами, как и атлетами. Позже эти привычки изменились, и атлеты стали не любить войну, стали вялыми, женоподобными, роскошными в питании. Медицинская профессия взялась их консультировать - дело хорошее, но не подходящее для атлетов; она велела им сидеть спокойно после еды, прежде чем приступить к упражнениям, и познакомила их с изысканной кулинарией. Взятничество также вошло в моду среди профессионалов; ростовщики стали приходить в учебные заведения, чтобы ссужать им деньги для подкупа противников.[342] Первый такой случай зафиксирован в начале четвертого века.[343]

ПЛАТА V. А.

СЦЕНЫ В ПАЛЕСТРЕ

Archaeologische Zeitung, 1878, Plate II. Из куликса в Мюнхене, приписываемого Евфронию.

ПЛИТА V. В.

СЦЕНА В ПАЛЕСТРЕ - МАЛЬЧИК С АЛЕБАРДАМИ, МАЛЬЧИК С КОПЬЕМ И ДВА ПАЙДОТРИБАИ
Archaeologische Zeitung, 1878, Plate II. Из куликса в Мюнхене, приписываемого Евфронию.

Критики этого преувеличенного атлетизма не было недостатка даже в самые ранние времена. Нападки начинаются с Ксенофана Колофонского. В элегической поэме он пишет: "Если человек одержит победу в Олимпии... либо быстротой ног, либо в пятиборье, либо в борьбе, либо в болевом боксе, либо в страшном состязании под названием панкратион, его соотечественники будут смотреть на него с восхищением, и он получит место впереди на играх, и будет обедать за государственный счет, и ему преподнесут какой-нибудь подарок, которым он будет дорожить. Все это он получит, даже если выиграет только скачки. Но он не так достоин, как я, ибо моя мудрость превосходит силу людей и коней. Глуп этот обычай, и не следует чтить силу больше, чем превосходство мудрости. Ни хороший бокс, ни пятиборье, ни борьба, ни быстрота ног, которая больше всего почитается на состязаниях из всех подвигов человеческой силы - не так будет хорошо управляться город. Мало радости он получит от победы в Олимпии: такие вещи не питают темных углов города".

Перейдем от этого к произведениям Пиндара, чтобы понять, насколько оправданы нападки Ксенофана. Для Пиндара в мире нет ничего лучше олимпийской победы. Быть потомком атлетов и самому стать атлетом - вот вершина человеческого достижения и блаженства. Его боги - либо сами атлеты, либо создатели атлетических состязаний. Истинные желания человека обычно лучше всего прослеживаются в его представлениях о будущем состоянии: Характерен портрет Элизима у Пиндара. Сначала пейзаж, великолепное описание в его лучшей манере:

В том подземном мире солнце сияет в своей мощи
сквозь нашу ночь.

Вокруг того города по росистым луговым дорогам

Розы пылают.

Сквозь душистые тени, яркие золотыми отблесками,

Fruitage teems....

Каждый цветок радости там цветет и не вянет.[344]

А как в этом Раю проводят время тени ушедших? "Одни развлекаются лошадьми, другие - гимнастикой, третьи - шашками".[345] По мнению Пиндара, это высшее блаженство, какое только можно себе представить.

Но Еврипид с ним не согласен. Он с большой силой осуждает атлетическую жизнь.[346] "Из бесчисленных пороков Эллады атлеты - худший.... Они рабы своих челюстей и поклоняются своему животу.... В молодости они ходят в блеске, восхищая свой город, но когда наступает горькая старость, их отбрасывают, как изношенное пальто. Я виню обычай эллинов, которые собираются вместе, чтобы посмотреть на этих людей, чествуя бесполезное удовольствие.[347] Кто хоть раз помог своему отечеству, получив корону за борьбу, или быстроту ног, или метание квоита, или хороший удар в челюсть? Будут ли они сражаться с врагом с помощью квоитов или бить кулаками по щитам? Гирлянды следует хранить для мудрых и добрых, а также для того, кто лучше всех управляет городом, проявляя воздержанность и справедливость, или своими словами отгоняет злые дела, предотвращая раздоры и смуту".

В ответ на это любители атлетов, нашедшие свой голос в популярном поэте Аристофане, осудили Еврипида и его друзей-софистов за то, что они опустошают гимназии и заставляют мальчиков желать только хорошего языка, а не крепкого тела, превращая их в бледнолицых, комнатных педантов, не способных ни на что, кроме болтовни о глупостях. Позиция поэта в "Облаках и лягушках" - это позиция обычного школьника, рассуждающего об ученике.

Платон уже цитировался как авторитет против атлетов своего времени. В "Законах" он отвергает все виды гимнастики, которые не способствуют военной эффективности, и, подобно спартанцам, осуждает панкратион и бокс. Гонки в идеальном государстве должны проводиться в полном вооружении, а копье и копье должны заменить квоит. Именно такой позиции придерживаются некоторые современные люди, которые заменили бы стрельбу и полевые игры крикетом и футболом. Дело против атлетов можно завершить свидетельством Аристотеля: он также осуждает специализацию обученных профессионалов.[348]

Но эти обличения атлетов относятся не столько к Афинам, сколько к другим государствам Эллады. Афинская Агора была полна статуй полководцев и патриотов, а не атлетов, как это было принято.[349] Автор трактата об афинской конституции[350], писавший в начале Пелопоннесской войны, замечает, что демократия вытеснила гимнастику из моды.[351] Он пишет как один из аристократов, которые, как Пиндар и его друзья-князья, заботились в основном о теле и внешних красотах жизни: демократия была вульгарной, поскольку не могла проводить все свое время в телесных упражнениях и музыкальных банкетах. Несомненно, в тот период в Афинах, как видно из Аристофана, произошла реакция в пользу интеллектуальных занятий против исключительного атлетизма предыдущей эпохи: время граждан в великой демократии также было в значительной степени монополизировано государственными обязанностями, будь то в собрании или в суде, или в борьбе на море или на суше. Но атлетика оставалась достаточно популярной даже в Афинах, а атлетический "цех" оставался одной из главных тем для разговоров на званом обеде.[352]

* * * * *

Гимнастические упражнения сосредоточены вокруг двух видов зданий, которые часто путают, - "гимнасия" и "палестра". Первый, можно сказать, соответствует целому ряду полей и зданий, предназначенных для игр, которые окружают современную государственную школу, включая футбольные и крикетные поля, беговые дорожки и прыжковые ямы, площадки для игры в пятерки и так далее. Часто "палестра" напоминала не более чем игровую площадку сельской школы: она требовала лишь песчаного пола и достаточного уединения, чтобы защитить занятия от посторонних: такие здания могли быть построены за частный счет в самых маленьких деревнях и часто пристраивались к частным домам. С другой стороны, "гимнасий" должен был обойтись в огромную сумму: даже в такой великой столице, как Афины, в IV веке их было всего три; маленькие города, должно быть, вообще не могли себе их позволить. Но гимназии были общественными зданиями, открытыми для всех; они всегда были полны граждан всех возрастов, занимающихся или наблюдающих за тренировками других; они были модным местом отдыха, где софисты читали лекции в больших залах, а философы преподавали в тенистых садах. Для тренера, желающего обучить свой класс мальчиков, они совершенно не подходили; кроме того, любой случайный незнакомец мог просто так подойти и получить урок. Поэтому даже в Афинах мальчиков учили в палестрах, которые могли быть закрыты для публики:[353] в городах и деревнях не было другого места.

Совершенно верно, что мальчики ходили в гимнасии. Аристофан[354] рассказывает о "милом мальчике, возвращающемся домой из гимназии". В "Антифоне"[355] несколько старших мальчиков упражняются в метании копья в гимнасии; младший мальчик, стоявший среди зрителей, будучи вызван своими пайдотрибами, перебегает поле и погибает. Если чтение "пайдотрибы", которое К. Ф. Герман заменил бы на "пайдагос", верно, то мы видим пайдотриба и его класс младших мальчиков в гимнасии, вероятно, для занятий метанием копья, которые должны были требовать большего пространства, чем часто предоставляли палестры. Старшие мальчики, вероятно, не находятся под его руководством, так как они используют настоящие копья, а не неострые древка, которые использовались в школе. Пайдотрибаи с небольшими палестрами, возможно, часто вели свои классы в свободные общественные гимназии для тренировок по дискоболу, метанию копья и бегу, которые требовали большого пространства. Но, тем не менее, палестра была обычным местом обучения мальчиков.[356] Однако не следует думать, что палестра всегда предназначалась для мальчиков. Множество палестр", которые демократия построила для себя,[357], несомненно, были такими же общественными зданиями, открытыми для всех возрастов, как Академия или Лукион. Палестры, принадлежащие частным учителям или нанятые ими, должны были быть открыты для взрослых, когда мальчиков там не было; та, что находится на месте Лусиса, очевидно, посещалась двумя классами, одним из мальчиков, а другим из юношей, которые собирались там только в дни праздников. Однако в палестре Тауреаса, упомянутой в "Чармидесе", различные классы, похоже, собирались в раздевалке; но в этом случае здание, возможно, было открыто для общей практики, а не для обучения. Подобное разделение на классы должно было иметь место и в деревенских палестрах.[358] Мастер, обучавший мальчиков в палестре, назывался пайдотрибес, "мальчик-резинка": он, должно быть, был обязан своим именем той большой роли, которую растирание, будь то маслом или различными видами пыли, играло в атлетике.[359] От него ожидали научности. Он должен был знать, какие упражнения подходят тем или иным конституциям:[360] его часто объединяют с врачом.[361] Его задачей было предотвращать, а врача - лечить болезни. Он даже предписывал диету. Кроме здоровья, он должен был стремиться к красоте и силе.[362] Его обучение, по мнению Платона, также должно было вырабатывать твердость характера и силу воли: поэтому он должен был знать, сколько тренировок следует проводить с каждым

мальчиком, так как слишком большая нагрузка могла вызвать избыток этих качеств и привести к дикой жестокости, а слишком малая - к женоподобности.[363]

Поскольку от пайдотов требовалось так много науки, родители тщательно подходили к выбору гимнастической школы для своих мальчиков:[364] они "обращались к друзьям и родственникам за советом и размышляли много дней", чтобы найти тренера, чьи наставления "сделают тело их сына полезным слугой его разума, не способным своим плохим состоянием заставить его уклониться от своего долга на войне или в другом месте".[365] Это, несомненно, в Афинах: в небольших городах и деревнях выбор был невелик: родители должны были брать то, что могли достать.

Придя в выбранный палестру со своим пайдагосом, мальчик обнаруживал, что там уже собрался класс. Сначала он шел в комнату для раздевания[366] и раздевался. Ведь все упражнения выполнялись голыми. Это, несомненно, давало тренеру возможность проследить, какие мышцы больше всего нуждаются в развитии, а с какими конституционными недостатками, если таковые имеются, нужно обращаться осторожно. Пройдя в собственно палестру, мальчик обнаруживал там ограждение, окруженное, в случае более дорогих школ, колоннами. Крыши не было. По эллинским обычаям, обнаженное тело должно было находиться под открытым небом и полуденным солнцем: белая кожа считалась признаком женоподобности.[367] Если солнце становилось опасно жарким, надевали маленькие колпачки, которые в другое время вешали на стены палестры. Полom служил песок. Перед борьбой, панкратионом или прыжками мальчики должны были разбить землю кирками[368], чтобы она стала мягкой: эти кирки также подвешивались на стены. Рядом с ними должны были находиться *корукои* или шары для битья, *халтэры* (своего рода гантели, используемые для прыжков и других упражнений), скребки, которыми удаляли грязь и пот, мешки для хранения шнуров, которые использовались в качестве боксерских перчаток, и запасные копья. Взрослым мужчинам не разрешалось входить во время занятий, но при желании они могли наблюдать "со стороны", то есть, вероятно, из раздевалки, где мы часто видим Сократа, беседующего с учениками, мальчиками и юношами: дальше он, видимо, не мог проникнуть.

Символом должности, которым отличались племена пайдотов, была длинная вилообразная палка, изображенная на вазах.[369] Вероятно, она была заимствована из ветки, которую держали в руках судьи на играх. Эти два символа настолько похожи, когда изображены на вазах[370], что зачастую их трудно различить. Как правило, в палестре было несколько младших наставников. Более способные мальчики также занимались обучением отстающих учеников; эти "ученики-учителя" появляются на вазах,[371] держа в руках служебный посох, как взрослые мастера. Несомненно, бедным мальчикам удавалось получить такое обучение от своих более богатых друзей в общественных гимназиях и палестрах, не посещая школу вообще.

В штате палестры были и профессиональные флейтисты, ведь большинство упражнений[372] выполнялось под звуки флейты, чтобы сохранить время в различных движениях. Игрок в этих случаях надевал *φορβεία* или повязку на рот.[373]

Как я уже отмечал в главе II, хотя литературные авторитеты считают, что гимнастические тренировки начинаются с седьмого года, совсем не вероятно, что более признанные упражнения, такие как бокс и борьба, начинались лишь много лет спустя. Вазы наводят на мысль, что эти предметы преподавались через несколько лет после начала изучения письма и музыки, поскольку на них изображены только старшие мальчики. Аристотель, по-видимому, ручается за постепенный курс гимнастических упражнений в детстве.[374]

ПЛАТА VI. А.

В ПАЛЕСТРЕ: БОРЦЫ, ПАЙДОТЫ, МАЛЬЧИК, ГОТОВЯЩИЙ ЗЕМЛЮ
Герхард "Auserlesene Vasenbilder", cclxxi. Рис. 2.

ПЛИТА VI. В.

В ПАЛЕСТРЕ: МАЛЬЧИК, НАДЕВАЮЩИЙ БОКСЕРСКИЕ БЕРЦЫ, УРОК ПАНКРАТИОНА И
ПАЙДОТРИБА

Gerhard's Auserlesene Vasenbilder, cclxxi. Рис. 1.

Чему же учились мальчики в палестре в это время? Выправке и легким упражнениям. Отрывок из Аристофана сообщает нам, что их учили, как грациознее всего садиться и вставать.^[375] На вазах изображены мальчики, которые учатся стоять прямо. Кроме того, существовали всевозможные упражнения, в которых копье без острия играло роль тренировочной штанги, а алебарды - гантели. Пайдотрибы могли также пытаться укрепить определенные мышцы у конкретных мальчиков. В одной из эпиграмм^[376] тренер тренирует среднюю часть тела мальчика, сгибая его в колене, а затем, удерживая его ноги, раскачивает его назад.

Несомненно, то, что называлось "жестикуляцией" (τὸ χειρονομεῖν), сыграло большую роль в этом раннем обучении. Под "жестикуляцией" подразумевалась научная серия жестов и движений всеми конечностями, чем-то напоминающая современные системы физического воспитания, преподаваемые Сэндоу и другими. В основном это было упражнение для рук, как следует из названия, но в одном знаменитом случае афинянин Гиппоклейд стоял на голове на столе и "жестикулировал" ногами.[377] Особые движения были очень тщательно продуманы, и все они должны были быть красивыми и джентльменскими.[378] Жестикуляция служила подготовкой к различным танцевальным системам, но отличалась от танцев, так как Чармиан умел жестикулировать, но не умел танцевать.[379] Она также была подготовительной к гимнастике, так как напоминала движения боксера, бьющегося в воздухе за неимением соперника.[380] Возможно, часто использовались алебарды, так как они играли роль во многих гимнастических упражнениях.[381] Такая "жестикуляция", будучи предварительной к гимнастике и танцам, была бы естественной для обучения маленьких мальчиков в палестре. Другими ранними упражнениями были лазанье по канату[382] и своеобразная прыжковая лягушка.[383] Различные виды игры в мяч,[384] в основном предназначенные для научного упражнения тела, также могли использоваться. Из обычных упражнений палестры, о которых я сейчас расскажу, бег и прыжки подойдут совсем маленьким мальчикам; дискбол и копье тоже можно было начинать в раннем возрасте, так как для детей делали меньшие размеры.

* * * * *

Возраст, в котором начиналось обучение признанным упражнениям, несомненно, зависел от индивидуального вкуса и физических возможностей: нельзя провести строгую границу. Этими упражнениями были борьба, бокс, панкратион, прыжки, бег, метание дискбола и копья. Борьба (πύλη), вероятно, считалась самым важным из этих предметов, ведь именно она дала название Палестре. Для этого упражнения почву разбивали киркой и поливали водой, а тела борцов предварительно смазывали маслом. Таким образом, эллины не позволяли своим мальчикам уродовать свое тело шишками и синяками, а скользкость земли и тела противника делала упражнение более сложным и, следовательно, более ценным. Для победы необходимо было провести три броска. Существовало два вида борьбы. В одном из них победитель должен был бросить своего противника, не упав на землю сам; это было делом хитроумных поворотов и изгибов, чем-то напоминающих японское джиу-джитсу. В другом случае оба бойца переворачивались на земле: это было менее научно. У ведущих пайдотрибаев были свои излюбленные системы борьбы, с различными дебютами, как в шахматах, и различными способами их преодоления. "Какому стилю борьбы ты научился в Палаистре?" спрашивает Клеон у продавца сосисок.[385] Когда двух мальчиков ставили бороться в школе, им не разрешалось бороться по своему усмотрению с целью победы, но они должны были выполнять указания пайдотрибов.[386] Фрагмент системы борьбы был обнаружен в Оксурхунчосе.[387]

Предположим, есть два мальчика, Чармид и Глаукон. Пайдотриб назначает им борьбу, а остальные наблюдают за ней. В руке у него длинная палка с вилкой. Указывая ею на Чармидеса, он говорит: "Просунь правую руку ему между ног и схвати его". Затем Глаукону: "Сомкни на нем ноги и упрись левым боком в его бок". Чармидесу: "Отбрось его левой рукой". Глаукону: "Сдвинься с места и вступай в бой". Каждая группа указаний, или фигура οχημα, как ее называли, завершается словом "Вступай" πλέξον. В этот момент, вероятно, двум мальчикам разрешалось бороться по своему усмотрению, результат, однако, был предвиден и неизбежен в силу предыдущих приемов.

Эпиграмма в "Антологии" представляет собой инструкцию такого рода: мальчик возражает в середине: "Я не могу этого сделать, Диофант; мальчики так не борются".[388]

Но, если воспользоваться параллелью, приведенной Исократом, ученик еще не является полноценным оратором, когда он знает, как создавать пафос, иронию и т. д., и обучен частям речи: ему еще предстоит узнать, когда, где и в каком порядке использовать эти несколько приемов. Так и с борьбой. Мальчик, который знает свои "фигуры", еще не борец: ему предстоит узнать, когда наступит подходящий момент, чтобы применить каждую из них в реальном поединке с реальным противником. Когда пайдотриб обучил своих учеников "фигурам", придуманным для тренировки тела, и отработал их, доведя до совершенства, он заставляет мальчиков снова проходить через упражнения, приучает их к физическому труду и заставляет их нанизывать одну за другой фигуры, которые они выучили, чтобы они лучше усвоили их и яснее понимали, в каких случаях их следует применять: ведь невозможно постичь их в точной науке".[389] Мальчики должны сами определить в пылу соревнования, какую фигуру целесообразно использовать: тренер не может определить это заранее. Но лучше всего они смогут судить, если путем длительной практики выяснят, какие фигуры подходят им лучше всего, а какие оказываются роковыми для того или иного типа соперника.

Бокс также преподавался с помощью серии "фигур". Мальчики использовали легкие перчатки, состоящие из веревок, намотанных на руки, а не тяжелые металлические перчатки, которые носили профессиональные спортсмены. Панкратион[390] представлял собой смесь бокса и борьбы: мальчики обычно надевали такие же перчатки, но оставляли пальцы незастегнутыми, защищая только запястья и костяшки пальцев: иногда они боролись голыми руками. Для обоих этих упражнений было принято надевать шапочки из собачьей кожи, чтобы защитить уши от травм. Панкратион, по-видимому, считался неудовлетворительной игрой для мальчиков, поэтому до сравнительно позднего времени он был исключен как из Олимпийских, так и из Пифийских игр. Во-первых, это было опасно, а упражнения были очень суровыми. Но в палестре, тщательно регулируемой пайдотами и прекращаемой, когда борьба становилась опасной, она, несомненно, была достаточно безобидной. Алкивиад, однако, однажды умудрился укусить сильно наседавшего на него противника, будучи готовым на все, лишь бы не быть побитым. "Ты кусаешься как девчонка, Алкивиад!" - воскликнул возмущенный мальчик. "Нет, как лев", - ответил Алкивиад.[400]

ПЛАТА VII.

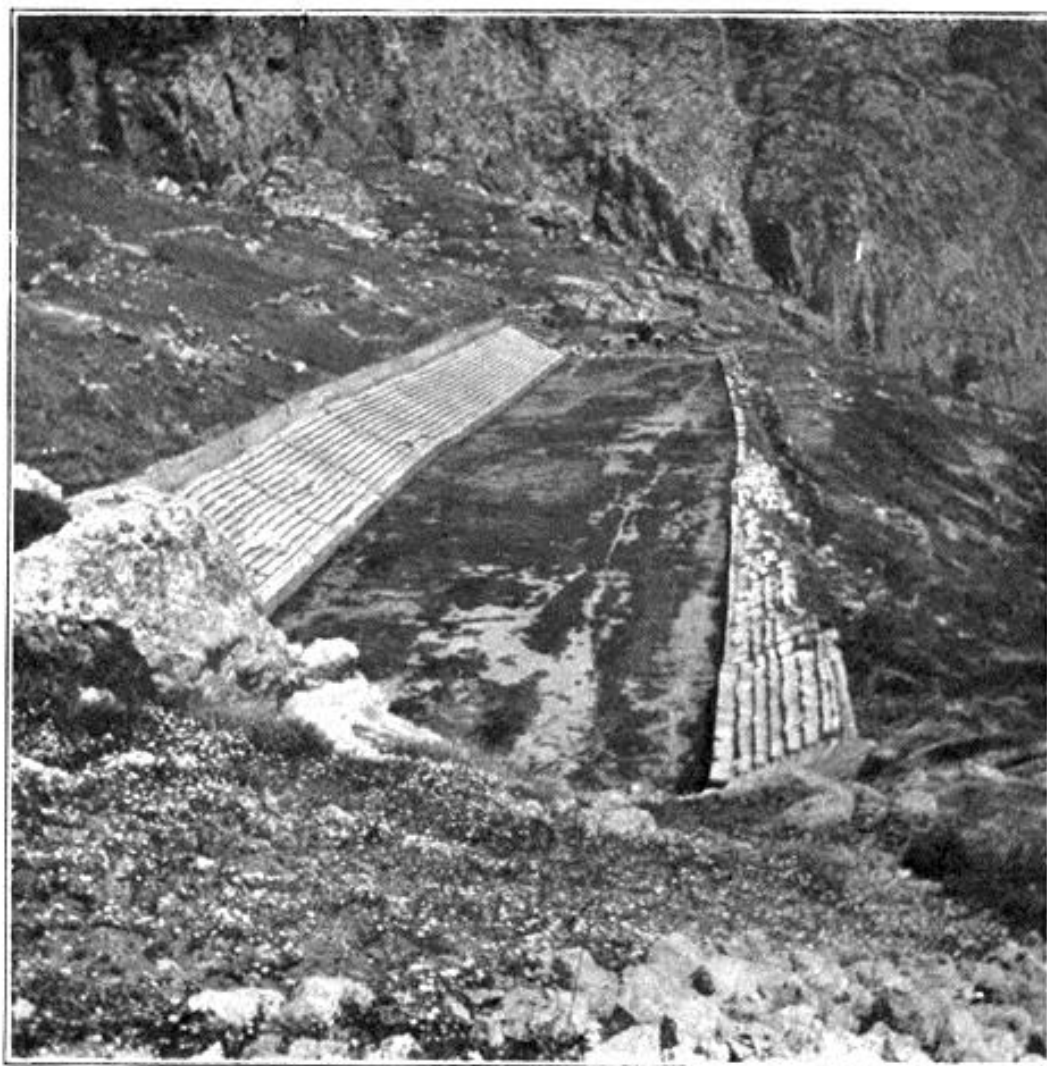

Фото мистера Р. Коупленда.

Стадион в Дельфах со стороны укреплений Филомелоса.
Длина около 220 ярдов.

Фото мистера Р. Коупленда.

Стадион в Дельфах со стороны укреплений Филомелоса.
Более близкий вид.

Бег не нуждается в комментариях: методы во все века были одинаковыми. Основными дистанциями для бега в Элладе были стадион или 200 ярдов, [401] диаулос или четверть мили, и забег на длинную дистанцию, которая варьировалась от трех четвертей мили до примерно трех миль. Гонки в доспехах не преподавались мальчикам. Забеги часто проходили по мягкому песку, в котором бегуны тонули, так же как в Англии забеги на длинные дистанции часто включают в себя пару вспаханных полей. Песок делал бег не только более суровым упражнением (так что хватало и более короткой дистанции), но и лучшей тренировкой для войны.

Для прыжков в длину эллины использовали "хальтеры" или легкие гантели, которые помогали им ускоряться. [402] Даже во время состязаний рядом стоял флейтист, чтобы помогать участникам своей музыкой: несомненно, это помогало им управлять своими шагами, чтобы "взлететь" в нужную точку. Они спускались в большую песчаную яму, вырытую вечно присутствующей киркой: прыжок засчитывался только в том случае, если они спускались на нее ровно, оставляя четкий след своей ноги.

Дискос представлял собой плоский круг из полированной бронзы или другого металла.[403] Образец, хранящийся в Британском музее, имеет диаметр от 8 до 9 дюймов и украшен атлетическими изображениями с обеих сторон. Его бросали любой рукой. Прежде чем запустить дискос, необходимо было сделать множество движений, и каждая мышца тела должна была быть хорошо тренирована в процессе. В палестре время отсчитывал флейтист. В соревнованиях учитывались как дальность, так и направление броска.

Мальчики учились метать копье и копье, упражняясь с длинными неострыми прутьями, которые также использовались для различных физических упражнений. Меткой, по-видимому, служило что-то вроде крокетного обруча или пары компасов, вбитых в землю: использовались и другие мишени.[404] На вазах, изображающих эту погоню, часто изображены пайдоты, несущие этот обруч или закрепляющие его в земле. Его устанавливали на определенном расстоянии, которое преодолевалось с шагом.

Прежде чем мы оставим "пайдотрибов", следует упомянуть, что плата за весь курс обучения составляла, по-видимому, $\mu\nu\tilde{\alpha}$, около 4 фунтов стерлингов:[405] это позволяло ученику посещать его лекции "вечно", то есть, возможно, до окончания курса. А возможно, эта сумма делала ученика пожизненным членом конкретного частного палестры.

Давайте теперь заглянем в одну из гимназий Афин, Академию или Лукион. Предположим, что сейчас поздний вечер, поскольку это было излюбленное время для физических упражнений: афиняне любили нагуливать аппетит перед вечерней трапезой. Снаружи отряд молодых людей, которых собираются зачислить в государственную кавалерию, отрабатывает упражнения, вставая, за неимением стремян, на прыжковый столб и заряжая эскадроны. На другой стороне тяжелая пехота с копьем и щитом собирается в ночной поход в Мегариду;[406] они укладывают свои припасы, лук и сушеную рыбу, возможно, в ранцы по мере поступления, и ворчат, что им приходится покидать Афины как раз в то время, когда приближается праздник; один грузный земляк жалуется своему генералу, что сейчас не его очередь служить, поскольку он участвовал в рейде в Бойотию на прошлой неделе, и генерал угрожает ему судом за неповиновение, если он станет оскорблять его. Отдав дань уважения божествам-покровителям, Гераклу, Гермесу и Эросу,[407] и пробормотав проклятие всем тиранам, подсказанное статуей Эроса, которую установил Хармос, тесть Гиппия Пеисистратида,[408], мы входим в гимнасий.

Первая комната, в которую мы попадаем, - это раздевалка.[409] На скамьях вокруг стен сидят несколько мужчин и обсуждают точную природу самоконтроля: чрезвычайно уродливый человек, к которому все они относятся с большим уважением, заявляет, что это точная наука, и если только они смогут открыть эту науку, весь мир станет добродетельным. Парни и мужчины раздеваются по всей комнате и уходят, чтобы заняться своими упражнениями в другом месте; другие продолжают входить, одеваться и слушать дискуссию минуту или две. Входит красивый молодой человек: уродливый мужчина энергично освобождает для него место, а его друзья, сидящие на конце скамьи, неожиданно отталкиваются и падают на пол. Поднимается хохот, смешанный с сильными аттическими оскорблениями. Не желая быть вовлеченными в качестве свидетелей в бесконечную тяжбу, мы поспешно выходим через дальнейшую дверь в большой монастырь.[410] В центре его находится большое открытое пространство без крыши. Здесь мы встречаем известного математика из Курена,[411], который обходит монастырь с толпой учеников: он объясняет им знаменитую теорему о прямоугольных треугольниках, доказательство которой настолько изящно, что Пифагор-вегетарианец принес в жертву сто быков, когда открыл ее. Через определенные промежутки времени математик останавливается и рисует палочкой в пыли диаграмму. Следуя за ним, мы можем заглянуть в комнаты, окружающие монастырь. В одной из них толпа мужчин

помазывает себя маслом.[412] Растирание, которое так хорошо помогает от всех телесных недугов, и масло, даже если за ним не следует никаких упражнений, считаются прекрасной вещью. Афинский джентльмен должен носить с собой определенный аромат этого масла,[413] и его кожа всегда должна быть гладкой от него; но, как правило, помазание является прелюдией к упражнениям и призвано сделать суставы гибкими, а тело достаточно скользким, чтобы ускользнуть от захвата борца.[414] Рядом со многими мужчинами стоит раб или слуга, держа в руках одну из тех изящных масленок, которые так часто встречаются в современных археологических музеях. Через следующую дверь мы видим "комнату для уборки пыли". Различные виды пыли использовались для растирания тела. Они очищали его от пота после физических упражнений, открывали поры, согревали в холодное время и смягчали кожу. Особой популярностью пользовалась желтая пыль, которая придавала телу блеск и делала его приятным на вид, каким и должно быть хорошее тело в хорошем состоянии.[415] Следующей, пожалуй, будет купальня - популярное место в вечернее время, ведь перед ужином было принято принимать ванну.[416] Купальщики либо плещутся в огромных чашах, стоящих на пьедесталах, либо принимают душ, когда компаньон или слуга выливает на них кувшин воды. Чаши, способные принять все тело сразу, не были обычными, хотя и были известны Гомеру.[417] Затем мы видим комнату корукоса, или шара для битья, которая представляет собой очень любопытное зрелище.[418] Корукос - это большой мешок, подвешенный к потолку на веревке. Более легкие корукои наполнены семенами фиго или мукой, более тяжелые - песком. Они висят примерно на высоте талии человека. Сначала вы толкаете один из них осторожно, а по мере накопления опыта все сильнее и сильнее; толкнув его, вы подставляете себя под удар и пытаетесь остановить мешок руками, грудью, спиной или головой. Если вы окажетесь недостаточно сильным, вас опрокинут, а зал будет смеяться. Это потренирует вас в устойчивости и сделает все части вашего тела крепкими и мускулистыми. Корукос также можно использовать в качестве мяча для ударов, чтобы укрепить руки и плечи боксера. Это упражнение особенно рекомендуется боксерам и панкратистам: последним следует использовать более тяжелую разновидность. Возможно, на стенах будут висеть фигурки лежащих, ведь их тоже использовали для тренировок. Здесь же некоторые неудачливые личности, которые из-за непопулярности или по другим причинам не могут найти себе антагониста, будут упражнять свои кулаки на воздухе. Но оба эти способа считались нелепыми.[419]

Вокруг монастыря было множество других комнат, некоторые из них предназначались для упражнений в сырую погоду, так как, по возможности, упражнения всегда проводились за дверью; ведь считалось, что это великое дело - сделать кожу коричневой и твердой под воздействием солнца. Так, царь Агесилай выставил своих азиатских пленников на продажу в своем лагере обнаженными, чтобы его эллинские солдаты, видя их бледную, нежную плоть, не привыкшую к воздействию солнца, презирали своего врага. Но поскольку большинство этих комнат были оборудованы сиденьями, они в значительной степени использовались в качестве лекционных залов бродячими софистами,[420] которые бесплатно читали в них лекции любому прохожему, желающему послушать, чтобы привлечь постоянных платных учеников. Так что мы можем выбирать и слушать лекции по поэзии или метафизике, музыке или риторике, географии или истории в свое удовольствие.

После этого мы можем обратить свое внимание на большой центральный двор,[421] который окружен монастырем, или на ипподром и открытые пространства, которые находятся за его пределами. В одной части будет арена для борьбы.[422] Пары намазанных маслом, обнаженных бойцов будут бороться друг с другом, среди толпы ликующих зрителей, и,

возможно, тренер будет стоять рядом, давая им указания. Одна группа привлекает особое внимание: ведь эта пара собирается представлять Афины в Олимпии в следующем году. В других местах соревнуются панкратиасты: одни спаррингуют на расстоянии вытянутой руки, другие сошлись в смертельной схватке, перекатываются по земле и бьют друг друга по головам костяшками пальцев в перчатках. Они покрыты сгустками пыли и масла, и их придется долго отскребать. Затем идут боксеры, на руках у которых либо легкие перчатки, либо, если они собираются принять участие в большом соревновании, тяжелые железные шары, обтянутые кожей, которые использовались на великих Играх.[423] Также проводятся забеги, круг за кругом вокруг большого Стадиона. Некоторые из бегунов обнажены, другие надевают шлем и щит, так как тренируются для забега в доспехах. Рядом с ними бегут друзья, подбадривая и подгоняя их. Другие прыгают с алебардами в руках в яму, а их друзья отмечают место, где их каблуки оставили след на песке. Профессиональный флейтист с оркестром во рту устанавливает время. Каждый, несомненно, надеется побить мировой рекорд - прыжок Фелоса на 55 футов. Повсюду толпы зрителей,[424] и повсюду жаждущие советов тренеры, надеющиеся, если их ученик получит приз на каких-нибудь великих играх, сделать себе имя и привлечь толпу парней на свои платные уроки: возможно, они даже будут увековечены каким-нибудь современным Пиндаром в песне в честь победы их ученика.

В другом углу, возможно, будут тренироваться команды. Полк эфебоев может проходить гимнастическую подготовку перед службой на границе:[425] или их команда может тренироваться под присмотром богатых "гумнасиархов" для факельного бега на празднике Гефеста или для забега от храма Дионуса до храма Афины Солнцеликой, где победитель получит большую чашу с вином и медом, сыром, мясом и оливковым маслом - не все вместе, будем надеяться.[426] Могут быть и команды, вместе занимающиеся борьбой и другими телесными упражнениями. Их тренер, "считая невозможным устанавливать отдельные правила для каждого человека, предписывает примерно то, что подходит большинству". Таким образом, каждый из команды получает равное количество упражнений, и все они начинают и все прекращают бег, или борьбу, или что бы то ни было, в один и тот же момент".[427]

На больших открытых пространствах мы увидим афинян, бросающих дискос, как в знаменитой фигуре Мурона, или упражняющихся в стрельбе из лука, метании копья или копьеметании. Наблюдать за ними нужно с осторожностью: неосторожные зрители могут быть убиты или ранены. Мифология полна несчастных, погибших таким образом. Разве не был убит прекраснейший Гуакинтос квоитом Аполлона? Антифон в своей новой книге по составлению речей тоже берет в качестве одной из тем мальчика, случайно убитого копьем товарища. Мы также можем взять урок использования копья и щита у учителя оружия: пара софистов, специализирующихся на этом предмете, только что приехала в Афины и, несомненно, продемонстрирует здесь свое мастерство. Однако мы помним, что воинственные спартанцы высмеивают этих профессоров, а генерал Лахес считает их совершенно бесполезными для военных целей, как мы слышали, как он говорил Сократу на днях.[428] Поэтому мы пройдем дальше.

Подавляющее большинство людей в гимнасии ограничивается прогулками. Колоннады и сады удобны и привлекательны, и везде есть на что посмотреть. Особой популярностью среди гуляющих пользуется "ксустос", или крытый монастырь,[429], где спортсмены занимаются в плохую погоду. А пока они гуляют, они разговаривают. Есть группа студентов-философов, которые спорят о высшем благе или строят идеальное государство. Вот компания любознательных, рассуждающих о природе растений или разновидностях ракообразных. Вон полуголый, неопрятный энтузиаст выступает против роскоши. "Человек, -

кричит он, - не зависит от обстоятельств". Повсюду гуляющие, зрители и болтуны, но больше всего гуляющих.

Ведь средний афинянин проводил все свое время на ногах: сидеть было признаком раба.[430] Он ходил почти весь день: расстояние, которое он преодолевал за пять-шесть дней, легко протянулось бы от Афин до Олимпии. Он прогуливался перед завтраком, перед обедом, перед ужином и между ужином и сном.[431]

На площадке для игры в мяч, расположенной вон там.[432] Мы можем вспомнить, что поэт Софокл был известным игроком.[433] Но тень на большом солнечном циферблате уже почти достигла десятифутовой отметки, возвещающей афинский мир о времени обеда. Толпы людей, занимавшихся спортом, счищают пот и грязь скребком,[434] , а то и спешат в купальни. После бани следует еще одно помазание, на этот раз маслом и водой.[435] Затем через ближайшие ворота в город, в то время как великие здания Акрополя туманятся в сумерках, а копьё Афины-хранительницы ловит последние лучи заходящего солнца.

Все это было открыто для самого бедного афинянина: за вход не взималась плата. Единственными расходами были покупка фляги с маслом и скребка, которые государство, как правило, не предоставляло, и плата тренеру за специальное "обучение". Бедняки могли узнать столько, сколько им требовалось, наблюдая за теми, кто был опытен. В общественных банях было принято давать чаевые человеку, который обливал купальщиков холодной водой и вообще помогал им: но это, вероятно, не относилось к банным комнатам в гимназиях. Государство, безусловно, облегчало каждому гражданину возможность заниматься спортом столько, сколько ему хотелось.

В Афинах женщины были полностью отстранены от участия в атлетических состязаниях. В Спарте девушки занимались спортом наравне с юношами. В других дорийских государствах женская атлетика поощрялась в меньшей степени. В Аргосе для девушек устраивались скачки. На Хиосе их можно было увидеть борющимися в гимназиях.[436]

* * * * *

Но гимназии и палестры, хотя и предоставляли так много различных видов упражнений, не были единственной возможностью для эллинов поддерживать тело в хорошем состоянии. Охота была популярным занятием в Спарте и, несомненно, в других местах: Ксенофонт, который был предан ей, хотел бы , чтобы она стала более популярной в Аттике,[437] , где она была в упадке, возможно, из-за отсутствия дичи. Плавание и гребля были обычными видами спорта. Верховая езда была обязательной для богатых граждан в Афинах, так как они должны были служить в кавалерии; она также была популярна в Фессалии, стране лошадей. Военная служба давала как стимул к физическим упражнениям, так и частый способ их получения. Танцы были универсальны во всем эллинском мире и играли более значительную роль в эллинском образовании, чем это обычно признается. В Спарте он имел первостепенное значение. В Афинах ему бесплатно обучали большое количество мальчиков по системе лейтунгиев. Платон разделяет физическое воспитание на танцы и борьбу.[438] Аристофан[439] ставит танцы между палестрой и музыкой, когда хочет дать три элемента воспитания джентльмена. Хоровые танцы для эллина были одновременно и религиозным ритуалом, и обычным сопровождением фестиваля или общественного праздника, и высшей формой музыки, и самой совершенной системой физических упражнений из всех, что были открыты в то время.

Современному читателю очень трудно понять, почему эллинские философы придавали столь большое воспитательное значение различным видам танца. А все потому, что современные

танцы отличаются от своего древнего прототипа двумя очень важными особенностями: они не связаны с религией и не являются драматическими. На Востоке танец был и остается языком религии. Давид, чтобы показать свой пыл, танцевал перед ковчегом со всей силой. В Элладе танцы сопровождали каждый обряд и каждое таинство.^[440] Хоровой танец давал выход религиозному энтузиазму, который в других местах обеспечивается службами: любое изменение его характеристик означало изменение ритуала и невыразимых чувств и моральных установок, которые становятся так тесно связанными с привычными религиозными обрядами. А поскольку танец был обычным ритуалом поклонения, он приобрел огромное значение в воспитании, поскольку обеспечивал формы, через которые высшие стремления детей находили свое выражение.

Мальчик, танцующий в честь Дионуса, пытался приобщиться к богу, историю и личность которого ему ярко напомним окружающие его виноградники: они послужат ему притчей. Лоза, которая так таинственно появилась из земли, прожила свою короткую жизнь под дождем и солнцем, была раздавлена и убита во время сбора урожая, чтобы снова восстать в странном соке, который будоражил его с такой чудесной силой, - здесь было много притч для него. И пока он так живо чувствовал историю бога, он играл ее, ибо игра была самой сутью эллинского танца. Он изображал горести Дионуса, его преследования из города в город и его окончательное завоевание; он подбирал к каждому случаю истории подходящие внутренние чувства и внешние жесты скорби и триумфа. Таким образом, его танцы превратились в глубоко религиозное действие, сопровождаемое более яркой актерской игрой, чем это возможно на современной сцене; такие танцы, надо помнить, были родоначальниками аттической драмы. Драматическая сила такой игры стала огромной; говорят, что один танцор мог донести до зрителя всю философскую систему Пифагора, не произнося ни слова, просто своими жестами и позами.^[441]

В таких драматических танцах важна была тема или сюжет. Здесь слабость старой эллинской мифологии стала роковой. Ведь именно старые мифы служили мотивом как для религиозных танцев, так и для драмы, и многие из них были морально неудовлетворительными. Когда хор мальчиков танцевал "Панги рождения Семеле", самую известную дифирамбу Тимофея, невольно возникали возражения. Новая школа музыкантов и поэтов, возникшая в конце V века, старалась изобразить все и вся максимально реалистично: их танцоры должны были голосом и жестами подражать "кузнецам в кузнице, ремесленникам за работой, морякам, гребущим и отдающим приказы боцманам, лошадям, ревущим быкам"^[442] и так далее. Они выбирали самые простые и грубые сцены, как и голландские живописцы. В их руках танцы стали чем-то вульгарным, а также морально рискованным, хотя и оставались под полурелигиозной санкцией. Именно этим обвинением Платон оправдывал осуждение драматического элемента в поэзии и музыке. Следует помнить, что афинский хорегос, собиравший мальчиков из своего племени для танца дифирамбов, мог прибегнуть к принуждению, если отцы отказывались позволить своим сыновьям присоединиться к его хору.^[443] И все же преимущества обучения танцам были велики, не считая религиозных аспектов. Танцы представляли собой научно разработанную систему физической подготовки, которая симметрично тренировала каждую часть тела.^[444] Разные мастера изобретали свои собственные системы, так же как пайдотрибаи изобретали системы борьбы; в обоих случаях обучение начиналось с серии фигур, которые затем соединялись вместе. В разных местностях также были свои особые фигуры.^[445]

Сольный танец использовался для частных упражнений. Он также вошел в драму. Иногда в хоровых спектаклях выделяли одного или двух лучших танцоров для исполнения более сложных эволюций, выражающих драматический ход сюжета. Но хоровой танец был

универсальным для всей Эллады. Его мотивы варьировались от торжественных религиозных вопросов Эсхила до пьяного шутовства на виноградных праздниках. Танец мог быть актом поклонения целого народа, как на великих праздниках на Делосе. Он может, как Гумнопаидия в Спарте, быть предназначен для демонстрации физического совершенства и отработки военных упражнений вооруженного народа. Она могла праздновать триумфальное возвращение олимпийского победителя в родной город, как и многие танцы, сопровождавшие дошедшие до нас оды Пиндара. Хоры-песни трагедий и комедий ставились под своеобразные танцы, но из последних, похоже, были исключены мальчики.

Для учебных целей, помимо уже упомянутых дифирамбов, наиболее важными были военные танцы и танцы обнаженных (*γυμνοπαῖδι*).^[446] В военном танце исполнители, облаченные в оружие, имитировали все способы избегания ударов и копий, то наклоняясь в одну сторону, то отступая назад, то подпрыгивая в воздух, то приседая: затем они снова изображали, будто бросают копья и копья и наносят всевозможные удары на близком расстоянии.^[447] Куретские танцы на Крите были очень похожи: танцоры "в полном вооружении били мечами о щиты и прыгали воодушевленно и воинственно".^[448] Полевые дни, когда команды мальчиков и "стаи" эфебеев сражались друг с другом под звуки музыки, были только более воинственным видом танца. На самом деле война и военные танцы были так же тесно связаны в Элладе, как война и учения в современной Европе. Фессалийцы называли своих героев "танцорами"; Лукиан цитирует надпись о том, что "народ поставил эту статую Эйлаю, который хорошо танцевал в бою": "главный танцор" (*προορχήστῃρ*)^[449] был достойным титулом. Тот же автор отмечает, что в воинственной Спарте юноши учатся танцевать не хуже, чем сражаться, и что их военные и гимнастические упражнения неразрывно связаны с танцами^[449].

Голый танец" был для гимнастики тем же, чем военный танец был для войны.^[450] Он представлял собой движения палистры, положенные на музыку и сопровождаемые пением.^[451] Стиль был торжественным, как у *ἐμμέλει*, или танца трагедии. Исполняли его в основном мальчики, как следует из названия *γυμνοπαῖδι*; но взрослые мужчины тоже принимали участие, как в Спарте, где практически все мужское население танцевало его одновременно. Платон, по-видимому, имеет в виду сходный тип "мирного танца" (в "Законах"), который должен быть благодарностью за прошлые милости или молитвой о дальнейшем процветании.

В обычной системе образования в Афинах, правда, мальчики учились только петь и играть, но не танцевать. Но из-за постоянного спроса на мальчиков из каждого из десяти племен, которые должны были соревноваться на больших фестивалях в военных танцах и дифирамбах, танцы должны были быть общим достижением. Эти состязания также привлекали и поощряли большое количество мастеров танцев. Любой мальчик, подающий надежды как танцор или, возможно, даже как певец, выделялся агентами, которые собирали хорои для хорегоев.

Некий богач, назовем его Тисиас,^[452] только что был назначен хорегоем племени эрехтеидов для военного танца мальчиков на Панафинейском празднике или хора мальчиков в дифирамбах на Таргелии. После жеребьевки с хореговыми других племен он назначает Пантакля своим поэтом и музыкальным наставником, чтобы тот учил мальчиков: при желании он мог нанять за свой счет дополнительных танцевальных и музыкальных мастеров.^[453] Затем Тисий посылает за Амунием, которого племя Эрехтеид выбрало для сбора своих хореов и присмотра за ними во время обучения. Если Тисиас пользуется дурной славой или непопулярен в своем племени, ему и его агенту будет трудно собрать мальчиков; ведь отцы откажутся отдать их, и прежде чем хор соберется, будут наложены штрафы и взяты

ценные бумаги. Но, как правило, родители соглашались с радостью; это шанс получить бесплатное образование на месяц или около того, ведь Тизиас оплачивает все расходы, даже питание, а государство предоставляет учителя; это также шанс для мальчика отличиться.

Тем временем Тисиас выделит подходящее помещение для школы, по возможности в собственном доме; богатые люди, для которых должность хорега была частым бременем, будут держать для этой цели квартиру. Если он сам занят, то назначает друзей, которым можно доверить клятву в его пользу перед судом, для наблюдения за обучением; при этом должен присутствовать и агент.^[454] Иногда случались несчастные случаи. Однажды мальчику дали выпить дозу, чтобы улучшить его голос, и это его убило.^[455]

Когда наступал день состязаний, хор за счет Тисия одевался подобающим образом; возможно, он разрешал им золотые короны.^[456] На приз могли претендовать и девять других хоров, но во времена Демосфена это было не принято. На конкурсе будет присутствовать весь афинский народ и много иностранцев, и это будет тревожный день для хорегов, мальчиков и родителей. Государство давало призы,^[457] обычно треножник, который доставался победившему хорегу, который устанавливал его в каком-нибудь общественном месте с соответствующей надписью, например

Победило племя Энеид; хорег из мальчиков. Эвримен, сын Мелетеона, был хорегом. Никострат учил.^[458]

Ор-

Лусикрат, сын Луситеиды из Кикунны, был хорегом. Победили юноши из племени акамантидов. Теон играл на флейте. Лусиадес учил. Эуанетос руководил.^[459]

* * * * *

Перейдем к положению, которое занимала верховая езда в афинском образовании. Два самых богатых класса в государстве подлежали службе в кавалерии. Они должны были предоставлять собственных лошадей, которых осматривали и, если они были непригодны, отбраковывали; но государство ежегодно выплачивало им сумму в 8 фунтов стерлингов на содержание и вооружение в мирное время. Однако, поскольку число гражданских кавалеристов никогда не превышало 1000 человек, все эти два класса никогда не могли быть задействованы одновременно: остальные служили в тяжелой пехоте. Два Гиппарха, избранные на год, и их подчиненные, десять Фулархов, , каждый из которых командовал племенным контингентом, вступая в должность, отмечали, сколько из тысячи человек, служивших в прошлом году, больше не подлежат службе по возрасту, и заполняли вакансии; они также восполняли пробелы, возникавшие время от времени в течение срока их полномочий из-за ранений, смерти или внезапной бедности. Чтобы заполучить рекрута, достаточно было обратиться к какому-нибудь богатому и активному молодому человеку, который еще не служил; если он отказывался записываться, его могли привлечь к ответственности. Обучение часто начиналось до восемнадцати лет, так как Ксенофонт говорит об убеждении опекунов рекрута,^[460] от которых он освобождался в этом возрасте. Так, Телес упоминает конокрада в числе учителей юноши на средней стадии обучения. Несомненно, чтобы стать эффективным кавалеристом, требовалась определенная подготовка, и Гиппархия предпочитала брать новобранцев молодыми; но содержание жеребца было любимым развлечением богатого молодого афинянина, и многие учились

ездить верхом без всякой цели стать военным. Поскольку эллины ездили без стремен, посадка на лошадь была одной из главных трудностей молодого всадника, что и показано главным образом на вазах. Часто они использовали длинное кавалерийское копье в качестве шеста для прыжков.[461] В других случаях конюх или хозяин подсаживал ученика: на вазе[462] в Британском музее хозяин просто толкает мальчика в седло. Комический поэт[463], оставивший нам картину, как молодые рекруты учатся ездить верхом под присмотром своего Фулархоя, говорит только о посадке и высадке.[464] "Иди на Агору", - говорит оратор своему рабу, - "к Гермею, куда постоянно приходят фулархои, и к хорошеньким ученицам, которых Фидон учит садиться на коней и слезать с них". Ксенофонт, среди множества дельных советов молодому всаднику о покупке, обучении и содержании лошади, дает Гиппарху следующие рекомендации

"Убеди молодых людей сесть на своих лошадей. Будет лучше, если вы предоставите для этого учителя. Старших может посадить кто-нибудь другой, как это делают персы. Для тренировки мужчин в удержании седла в труднопроходимой местности частые поездки верхом - дело хорошее, но непопулярное. Поэтому скажите своим людям, чтобы они тренировались в одиночку всякий раз, когда оказываются на открытой местности. Но и сами периодически выезжайте на природу и испытывайте их на всевозможных участках. Устраивайте им мнимые бои на разных участках местности. Чтобы они охотнее метали копье с лошади,[465] разжигайте соперничество между разными эскадронами и давайте призы за это, за хорошую езду и тому подобное. Прежде всего, сделайте себя и своих сопровождающих галоперов как можно более нарядными".[466]

Часто проводились смотры под взглядами буле. На ипподроме у Лукиона происходило мнимое сражение: каждый гиппарх командовал пятью эскадронами, которые преследовали друг друга, а затем шли фронтом на фронт, проходя через бреши в рядах друг друга. Они также должны были двигаться в линию. За смотром последовало метание копья.[467] Другой смотр проходил в Академии, на поле с твердой почвой (ὁ ἐπίκροτος) - хорошая практика для кавалерии, собирающейся сражаться в скалистой Аттике. Здесь им приходилось, помимо других маневров, скакать на полном скаку и внезапно останавливаться.[468]

Одной из достопримечательностей кавалерийской службы была великая Панафинейская процессия, в которой всадники играли главную роль: их идеализированное изображение можно увидеть на фризе Парфенона. Ксенофонт дает ряд указаний, как заставить лошадей понуриться и поднять голову по такому большому случаю, и предлагает приемы в походе, которые привлекут всеобщее внимание. Эта и подобные ей процессии должны были облегчить набор в кавалерию.

* * * * *

Плавание, как и следовало ожидать, было очень распространенным занятием в приморских государствах Эллады; даже в Спарте мальчики, должно быть, научились ему, чтобы ежедневно окунаться в Евротас. Согласно традиции,[469] в Афинах существовал закон о том, что каждый мальчик должен быть обучен чтению, письму и плаванию: поговорка о полном тупице гласила: "Он не знает ни грамоты, ни плавания".[470] Геродот недвусмысленно намекает, что все эллины умели плавать. "Потери эллинов при Саламине, - говорит он, - были невелики. Поскольку они умели плавать (в отличие от варваров, которые не умели), то, когда их корабли были уничтожены, они переплыли на остров".[471] Он считает само собой разумеющимся, что каждый моряк умел плавать. Весь экипаж захваченной триремы во время Пелопоннесской войны нередко прыгал за борт и спасался вплавь.[472] В рассказе Афиней мальчики Ласоса, выйдя из школы борьбы, вместе идут купаться и начинают нырять.

Друг Аристиппа хвастался перед ним своими погружениями.[473] Во время блокады Сфактерии афинским флотом множество гелотов переплыли с материка на остров под водой.[474] Скучные и обрывочные, эти подробности показывают, что плаванию должно было обучаться большинство мальчиков, во всяком случае, если они собирались служить на флоте. Платон дважды[475] использует метафору, заимствованную из плавания на спине, показывая, что этот способ был известен. Когда юный спорщик подвергается суровому обращению во время дискуссии, Сократ вмешивается, "желая дать мальчику отдохнуть, так как видел, что его сильно пригибают, и боялся, что он может упасть духом".[476] Эта фраза говорит о том, что вид мальчиков, обучающихся плаванию, был привычным. Они могли учиться либо в бесчисленных морских бухтах и заливах, либо в озерах и реках, либо в бассейнах для ныряния.[477] Существовали также различные "гимнастические игры", в которые молодые люди играли в воде вместе;[478], но об их природе ничего не известно.

Не приходится сомневаться, что в морских государствах большая часть мальчиков, во всяком случае из низших классов, обучалась гребле, поскольку каждая трирема требовала экипажа в 200 человек, почти все из которых должны были пользоваться веслом. В старые добрые времена, по словам Осы, главным было быть хорошим гребцом,[479] и гребные мозоли были признаком патриотизма.[480] В экстренных случаях афиняне могли заставить всех граждан до определенного возраста отправиться на флот и с помощью этих гребцов одержать победу; это было бы невозможно, если бы рядовые граждане не умели грести.[481] В таких случаях на флот отправлялись многие даже из Гиппея: Аристофан шутливо утверждает, что в экспедиции в Коринф лошади тоже пытались, крича: "Ну-ка, поднатужьтесь. Больше работы, Доббин".[482] Перед окончанием войны[483] Харон, паромщик Стикса, полагая, что каждый эллин знает, как грести, заставляет души усопших переправляться самостоятельно. Гонки на лодках, несомненно, были известны в этот период. Один из клиентов Лузиаса утверждает, что он выиграл гонку с триремой у мыса Сунион.[484] Вероятно, триерархи, богатые люди, назначенные для оснащения государственного флота, добровольно или по обычаю заставляли корабли соревноваться друг с другом. Таким образом, гонки были такими же межплеменными состязаниями, как и дифирамбы или факельные состязания. Два экипажа эфебов более позднего времени участвовали в гонках на двух священных триерах. Суда, отправлявшиеся в сицилийскую экспедицию, участвовали в гонках вплоть до Айгины.[485]

В одном из фрагментов комического поэта Платона[486] говорится о подобных состязаниях:

Твоя гробница на этом прекрасном мысе

Примет приветствия наших дальних флотов,

И наблюдать за купцами, отплывающими и прибывающими,

И быть зрителем на гонках галеонов.

ЭКСКУРС I

"Гимнасиархи" вызвали некоторую путаницу среди тех, кто обсуждал аттические обычаи. Одни авторитеты считают их богатыми людьми, выполняющими "лейтургию" и занимающими положение, аналогичное триерархам и хорегоям: другие считают их чиновниками, назначенными для надзора за гимнасиями.

Гумнасиархия, безусловно, причисляется к лейтургам, как правило. Один оратор в Лузиях[487], приводя список этих обязанностей, которые он выполнял, говорит: "Я обеспечивал хор мужчин в Таргелии, хор военных танцоров в Панафинеях, циклический хор в малых Панафинеях, я был гумнасиархом в Прометее и победил, затем хорегос с хором мальчиков, затем с безбородыми военными танцорами в малых Панафинеях." В Андокиде[488] упоминается гумнасиархос в Гефестии. Автор трактата об афинской конституции говорит:[489] "В случае с хорегиями, гумнасиархиями и триерархиями афиняне понимают, что богатые занимают эти должности, а народ служит им и получает выгоду. Поэтому народ требует, чтобы ему платили за пение, бег, танцы и плавание на кораблях". Теперь "пение и танцы" принадлежат хорегиям, а "плавание на кораблях" - триерархиям. Таким образом, "бег" остался для гумнасиархий. Главной особенностью ежегодных праздников Гефеста и Прометея, которые в двух предыдущих отрывках рассматриваются как место выполнения обязанностей гумнасиархов, были факельные состязания. Отсюда можно сделать вывод, что обязанностью гумнасиарха было собирать и обучать команду из своего племени для факельных гонок на этих праздниках.[490] В связи с этой обязанностью они могли преследовать членов своей команды или любого, кто им мешал, за нечестие перед архонтом Басилеем,[491], поскольку гонка была религиозным мероприятием. Таким образом, они занимали то священное положение, которое Демосфен как хорегос утверждает для себя в своей речи против Мейдиаса.

Пока что гумнасиархос - обычный исполнитель лейтургии, и его обязанности сводятся к обеспечению племенной команды для факельных гонок в Прометее и Гефестии. Его команда, как правило, состояла из эфебоев, как мы узнаем из надписи, описывающей победу Евтухида с его эфебоями.[492]

* * * * *

Есть также закон, цитируемый как закон Солона в речи Айсхинеса против Тимархоса.[493] "*Гумнасиархи* (обратите внимание, что это другое слово) "не должны позволять никому, достигшему совершеннолетия, общаться с мальчиками на празднике Гермеса каким бы то ни было образом: если он не будет держать всех таких людей вне гимнасии, *гумнасиархи* будут отвечать по закону, который предписывает наказания для тех, кто развращает свободных мальчиков". Но сам оратор упоминает только о *paidotribai* и специальных законах, касающихся гермы; о гумнасиархах ничего не говорится. Сам закон является дополнением, сделанным в более поздний период, когда существовал специальный чиновник, контролирующий гимназии. Но нет никаких свидетельств о существовании такого чиновника во времена независимости Эллады.

Сохранился один интересный отрывок. "Я был гумнасиархом в своем деме", или сельском округе, говорит оратор в Исайосе.[494] Следовательно, должны были существовать местные факельные гонки, для которых богатые люди были призваны оплачивать и обучать команды, так же как, несомненно, существовали местные театральные представления. Этот отрывок открывает перспективу активной атлетической жизни во всех сельских районах и деревнях Аттики.

[332] Plato, Rep. 556 B-D.

[333] Xen. Mem. iii. 12. 1.

[334] Plato, Phaidr. 239 c.

[335] Гесиод, Труды и дни, 289.

[336] Солон уменьшил это вознаграждение до 500 драхм для олимпийского победителя, 100 - для истмийского (Plut. Solon, 23).

[337] Plut. Quaest. Rom. 40.

[338] Plato, Laws, 807 c.

[339] За это отчасти отвечали их огромные аппетиты. Милон и Теаген съели по целому быку за один день (Athen. 412 f). Панкратиаст Астуанакс съел то, что предназначалось для девяти гостей (там же, 413 b).

[340] Xen. Banquet, ii. 17.

[341] Galen, On Medic. and Gym. § 33 (ed. Kühn. v. 870).

[342] Philos. On Gymnastics, 54.

[343] Pausan. v. 21. 10.

[344] Pind. Olymp.

[345] Pindar, frag.

[346] Фрагмент Автолука.

[347] Очень смелое нападение на Олимпийские игры, которое, должно быть, произвело сенсацию в театре.

[348] Aristot. Pol. vii. 16. 13.

[349] Lukourg. ag. Leok. 51.

[350] [Xen.] Constit. of Athens, i. 13.

[351] κατέλυσε должно означать это, как в [Andok.] ag. Алкивиада, где говорится, что этот господин своим дурным примером довел до καταλύων τὰ γυμνάσια.

[352] См. конец Аристофа. Осы.

[353] Как показывает начало Платона, Lysis, 203 B.

[354] Aristoph. Птицы, 141.

[355] Антифонт, Вторая тетралогия.

[356] Закон, цитируемый в Aischines ag. Timarchos, является подделкой, позднейшей интерполяцией; поэтому он не может быть использован в качестве доказательства.

[357] [Xen.] Constit. of Athens, ii. 10.

[358] Разделение мальчиков на классы по возрасту во время состязаний указывает на такое использование. Например, ἡλικία в Теосе.

[359] Позже этим занимался специальный чиновник, ἀλειπτῆς.

[360] Aristot. Pol. iv. 1. 1.

[361] Например, Платон, Gorg. 504 A; Protag. 313 D; Aristot. Pol. iii. 16. 8.

[362] Plato, Gorg. 452 B.

[363] Пайдотрибы отличаются от гимнастов, как школьный учитель от зубрилы. Гимнасты готовили учеников главным образом к большим играм, в то время как пайдотрибы руководили физическим воспитанием в целом, особенно мальчиков, но иногда и эфебоев. См. подробное обсуждение в Grasberger, i. 263-268.

[364] Plato, Protag. 313 A.

[365] Ibid. 326 C.

[366] ἀποδότηριον.

[367] См. Thompson, Plato, Phaedr. 239 C., и Eur. Bacch. 456.

[368] Illustr. Plate VI. A.

[369] Illustr. Пластины VI. A и VI. B.

[370] См. особенно Панафинейские вазы в Британском музее.

[371] e.g. Brit. Mus. E 288.

[372] Brit Mus. B 361, E 427, E 288.

[373] Illustr. Plate VIII.

[374] Aristot. Pol. viii. 4.

[375] Aristoph. Облака, 973.

[376] Anthol. Palat. xiii. 222.

[377] Herod, vi. 127-129.

[378] Athen. 629 B.

[379] Xen. Банкет, ii. 19.

[380] Plato, Laws, 830 C.

[381] Филострат, О гимнастике, 55.

[382] Galen, De sanit. tuend. ii. 8.

[383] Grasberger, i. 154.

[384] Подробно описано, Grasberger, i. 84-98.

[385] Aristoph. Knights, 1238.

[386] См. иллюстр. Пластина VI. A для урока борьбы. Лукиан, Асс. 8-11.

[387] Оксиринхские папирусы, Гренфелл и Хант, часть III. No. 466 (1903). Папирус относится ко второму веку.

[388] Anthol. Palat. xii. 206.

[389] Isok. Antid. 184.

[390] См. иллюстр. [Plate VI. B](#) для урока панкратиона.

[400] Plut. Alkib. ii. 3.

[401] См. иллюстр. [Plate VII.](#)

[402] See Illustr. [Plate V. B.](#)

[403] Illustr. [Plate V. A.](#)

[404] Иллюстр. [Plate V. B.](#)

[405] Athen. 584 C, относящийся примерно к 320 г. до н.э.

[406] Аристоф. Мир, 357.

[407] Зенон в Афинах. 561 C.

[408] Афины. 609 D.

[409] [ἀποδυτήριον](#). См. Платон, Шармиды, 153 и далее.

[410] [κατάστεγος δρόμος](#). Платон, Эвтид. 273 A.

[411] Теодорос (Платон, Теаит.).

[412] Часто это делалось на улице (Plato, Theait. 144 C). Масляная комната ([ἐλαιοθέσιον](#)) Витрувия, возможно, является более поздним изобретением. Это предварительное помазание называлось [ξηραλοιφεῖν](#). После купания они натирались смесью масла и воды; это было [χυτλοῦσθαι](#).

[413] См. Xen. Banquet, 1. 7.

[414] Аристоф. Рыцари, 492.

[415] Филострат, О гимнастике, 56. Перед борьбой обычно вытирали пыль.

[416] Xen. Banquet.

[417] Хорошую сцену купания см. в Brit. Mus. Vase E 83. Также E 32.

[418] Филострат, О гимнастике, 57.

[419] Платон, Законы, 830 C.

[420] Отдельные софисты прикреплялись к определенным гимнасиям и палестрам, которые они считали своими школами. Миккос уже занял только что построенный палестру в Лусисе, 204 г. Ср. положение Платона в Академее и Аристотеля в Лукионе.

[421] [αὐλή](#) (Платон, Лузис, 206 E).

[422] [κονίστρα](#).

[423] Платон, Законы, 830 B.

[424] О возбуждении зрителей и их криках ободрения см. Isok. Euag. 32.

[425] В некоторых гимназиях предусматривалась большая "комната эфебов". Так в модели Витрувия.

- [426] Афины. 495-6.
- [427] Plato, Polit. 294 D, E.
- [428] Но к концу четвертого века учитель оружия становится важным лицом в обучении эфебоев.
- [429] Plato, Euthud. 273 A.
- [430] Xen. Econ. iii. 13.
- [431] Xen. Econ. xi. 18; Banquet, i. 7, ix. 1.
- [432] σφαῖριστήριον.
- [433] Athen. 20 f.
- [434] Brit. Mus. E 83, для изображения этого в использовании.
- [435] χυτλοῦσθαι.
- [436] Athen. 566 e.
- [437] Охота с гончими, *passim*. Так и Платон в "Законах", с оговорками.
- [438] Платон, Законы, 795 e.
- [439] Aristoph. Лягушки, 729.
- [440] Лукиан, О танцах, 15.
- [441] Афины. 20 d.
- [442] Plato, Rep. 396 A, B.
- [443] Антифонт, "Хореуты", 11.
- [444] Xen. Банкет, ii. 17.
- [445] Лаконские и аттические (Herod. vi. 129); персидские (Xen. Anab. vi. 1. 10); троизенские эпизефурийские локрийские, критские, ионийские, мантинейские у Лукиана, О танцах, 22.
- [446] Не обязательно обнаженные, так как γυμνός означает лишь отсутствие доспехов, используемых в военных танцах.
- [447] Plato, Laws, 815 A.
- [448] Лукиан, О танцах, 8.
- [449] Лукиан, О танцах, 8.
- [450] Танец, известный как γυμνοπαίδική, описан в Athen. 631 b, как включающий в себя представления борьбы. В 678 b, с упоминается праздник Γυμνοπαίδιαι и танцы на нем, но там не упоминается борьба.
- [451] Афины. 630 d.
- [452] Этот очерк заимствован главным образом из Антифона, "Хореуты".
- [453] Demos. ag. Midias, 533.

- [454] Соперники иногда пытались прервать уроки или подкупить учителя (Demos. Mid. 535).
- [455] Ситуация с речью Антифона.
- [456] Demos. Mid. 520.
- [457] Xen. Hiero, ix. 4.
- [458] Böckh, 212.
- [459] Ibid. 221.
- [460] Xen. Hipparch. i. 11.
- [461] Illustr. [Plate IX](#).
- [462] Brit. Mus. E 485.
- [463] Mnesimachos, Hippotrophos (Athen. 402 f).
- [464] См. Иллюстр. [Пластины X. А, X. В и фронтиспис](#) к сценам в школе верховой езды.
- [465] Знак представлял собой подвешенный щит, Brit. Mus. Prize-Amphora 7, Room IV.
- [466] Примерное изложение Xen. Hipparch. i. 15-26.
- [467] Xen. Hipparch. iii. 6.
- [468] Xen. Hipparch. iii. 14.
- [469] Petit, Leg. Att. ii. 4.
- [470] Plato, Laws, 689 D.
- [471] Herod. viii. 89.
- [472] Например, Thuc. iv. 25.
- [473] Diogenes Laert. ii. 8. 73.
- [474] Thuc. iv. 26.
- [475] Plato, Rep. 529 C; Phaedr. 264 A.
- [476] Plato, Euthud. 277 D.
- [477] Plato, Rep. 453 D.
- [478] Galen, de loc. aff. iv. 8. См. Grasberger, i. 151.
- [479] Aristoph. Wasps, 1095.
- [480] Ibid. 1119.
- [481] Xen. Hellen. i. 6. 24.
- [482] Aristoph. Knights, 600.
- [483] Аристоф. Лягушки, 200-271, описывает урок гребли.
- [484] Lus. 21. 5.

[485] Thuc. vi. 32.

[486] Plut. Themist. 32.

[487] Lysias, speech 21. 1-2.

[488] Andok. 17. 20.

[489] [Xen.] Constit. of Athen. i. 13.

[490] So

γυμνασιαρχεῖν λαμπάδι. - Исайос, Филоктемон, 62. 60.

γυμνασιαρχεῖσθαι εὐ ταῖς λαμπάσιν. - Xen. Доходы, 4. 52.

λάμπάδι νικήσας γυμνασιαρχῶν. - Böckh, 257.

[491] Dem. ag. Lakritos, 940; Aristot. Ἀθ. Πολ. 57.

[492] Böckh, 243.

[493] Aesch. Tim. 12.

[494] Isaios, Menekles, § 42. См. издание Wyse об этом отрывке.

ГЛАВА V

СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: I. СОФИСТЫ

В четырнадцать лет или вскоре после этого обычный курс обучения письму и игре на лире заканчивался: занятия гимнастикой могли продолжаться до тех пор, пока старость не прерывала их. В течение первых трех четвертей пятого века юноша, покидая школу, оставался жить более или менее по своему усмотрению, если он был достаточно богат, чтобы не работать на жизнь: сыновья более бедных горожан в этом возрасте, если не раньше, оседали, чтобы учиться ремеслу или заниматься торговлей. Богатые мальчики, несомненно, проводили большую часть своего времени в спортивных занятиях; любимыми развлечениями были верховая езда и езда на колесницах. Но с эпохой Перикла возникло острое желание получить дальнейшее интеллектуальное образование, и появилась система среднего образования, чтобы занять четыре года, которые прошли между окончанием начального образования и тем временем, когда государство призвало его пройти двухлетнюю военную подготовку.

Во многих начальных школах лучшего типа были организованы курсы обучения для мальчиков, в которых, несомненно, были отдельные классы, или же младшие мальчики посещали занятия в часы, отличные от тех, в которые собирались старшие ученики. Вероятно, гораздо раньше были созданы условия для тех, кто хотел получить более глубокие знания по литературе и музыке, чем те, что давали начальные школы. Но во времена Сократа многие мастера, похоже, проводили занятия как для мальчиков, так и для юношей. Войдя в

школу Дионусиоса,[495] мастера письма, Сократ застает здесь класс мальчиков.[496] Все они принадлежат к знатым семьям: бедняки, несомненно, не могли позволить себе такое образование. Двое из них обсуждали какой-то вопрос из области астрономии и ссылались на авторитеты Ойнопида[497] и Анаксагора - эти два имени Сократ уловил, когда вошел в комнату. Они рисовали круги на земле и имитировали руками наклон той или иной орбиты. Эта сцена демонстрирует гораздо более продвинутые занятия, чем те, которые обычно проводились в начальной школе письма. Софисты, по-видимому, часто читали лекции в аудиториях.

Чаще всего среднее образование давалось не в обычных школах штатными мастерами, а странствующими эрудитами, которые преподавали все мыслимые предметы и объединялись под общим названием "софисты".[498] Из этой категории часто исключают математиков и астрономов, которые во всех отношениях занимали такое же положение. Это объясняется авторитетом Платона, который, отвергая другие предметы, преподаваемые в качестве среднего образования, питал большую любовь к математике и астрономии - единственным предметам, которые он предписывает юношам в "Республике" и "Законах". Но Аристофан, занимая более логичную позицию, включает геометрию и астрономию в число предметов, преподаваемых бурлескными софистами Облака. В сущности, среднее образование включало в себя любой предмет, который желал получить юноша или его родители; и бродячие профессора, которые преподавали его, и даже такие авторитетные учителя, как Исократ, содержавший постоянные средние школы в Афинах, были, по общему мнению, софистами.

Но более важные предметы, естественно, делятся на две большие группы: математика и риторика. Математика, как видно из "Республики", означала, как часть среднего образования, науку о числах, геометрию и астрономию, с некоторым количеством теории музыки, которая, отчасти из-за пифагорейских традиций, была причислена к математике. Мы уже видели класс, изучающий астрономию. Платон в "Феатете"[499] приводит набросок урока более сложной арифметики, которая, по эллинскому обычаю, обычно излагалась в геометрических терминах, чтобы получить помощь диаграммы. Отрок Феатет говорит Сократу, что его учил великий современный математик Теодор Куренской. "Он давал нам урок корней с диаграммами, показывая, что корень из 3 и корень из 5 не допускают линейного измерения по футу (то есть не являются рациональными). Он взял каждый корень по отдельности до 17. На этом, как оказалось, он остановился. Тогда мы с другим учеником решили, поскольку корней было, по-видимому, бесконечное множество, попытаться найти единое имя, которое охватывало бы все эти корни.

"Мы разделили все числа на две части. Числа, имеющие квадратный корень, мы уподобили геометрическому квадрату и назвали "квадратными и равносторонними" (например, 4, 9, 16). Промежуточные числа, такие как 3, 5 и остальные, которые не имеют квадратного корня, но состоят из неравных коэффициентов, мы уподобляли прямоугольнику с неравными сторонами и называли прямоугольными числами". И так далее. Поскольку ученики применяют тот же принцип к кубам и кубическим корням, Теодорус должен был посвятить их и в тайны геометрии твердых тел.

Здесь мы видим профессора, читающего лекцию избранному классу, в данном случае всего двум юношам, а его ученики, как и в классе Дионусиоса, обсуждают и уточняют между собой предмет лекции. Упоминается, что Теодорос преподавал геометрию, астрономию, теорию музыки, а также науку о числах. Геометрия к этому времени включала в себя большое количество более простых положений, которые впоследствии были включены в работы Евклида; школа Пифагора, а затем и Платона много сделали для ее развития. Проблема

квадратуры круга уже занимала внимание.[500] Компас и правило были обычными геометрическими инструментами: диаграммы рисовались на земле, на пыли или песке. Арифметика[501] была популярным предметом: но арифметические задачи, обычно выражаемые в терминах геометрии плоскости или твердого тела, как правило, становились частью последней науки.

Для Платона эти математические занятия подходят только для среднего образования: философ Телес,[502] продолжающий ту же традицию, делает арифметику и геометрию особыми язвами юноши.[503] А вот риторику философы презирали.

Риторика, начиная со времен Горгия, составляла очень большую часть среднего образования Исократ был ее величайшим профессором. Он организовал в своей школе трех- или четырехлетний курс для юношей, чтобы занять их время, пока они не станут эфебоями. Но о методах, целях и личности этого интересного профессора мы поговорим позже.

* * * * *

Помимо математики и риторики, существовали и литературные занятия. Аксиохи называют *κριτικοί* среди учителей отрока. Это преподаватели литературных дисциплин, которые занимались толкованием, часто надуманным, поэтов; краткое изложение литературной дискуссии в "Протагоре" может дать некоторое представление о таком уроке.

"Протагор". Я считаю, что важнейшей частью образования человека является умение разбираться в поэзии, то есть понимать, что правильно сказано поэтами, а что нет. Симонид говорит Скопасу, сыну Креона Фессалийского: "Стать действительно хорошим человеком трудно, человеком четырехугольным, сработанным без вины в руках, ногах и уме". Вы знаете эту поэму? Знаете ли вы, что далее в той же поэме он говорит: "Но изречение Питтакоса, хотя он и был мудр, кажется мне неверно сказанным: он сказал: "Трудно быть благородным"". Разве ты не видишь, что поэт противоречит сам себе?"

Сократ отвечает, различая "быть" и "становиться", и предполагает, что *χαλεπός* (трудно) может означать не "трудно", а "плохо". Затем он в свою очередь читает лекцию. Он вычленяет *μέν* в первой строке и ставит его в самое неоправданное положение в своем переводе, а "indeed" заставляет сочетаться с "hard". Стать хорошим - трудно, но возможно, а быть и оставаться хорошим - совершенно невозможно. Поэтому Симонид говорит, что его вполне устраивают те, кто не причиняет положительного вреда. Сократ также отмечает филологический момент, что *ἐπαίνῃς* в поэме - это лесбийская эолийская форма, оправданная тем, что поэма адресована гражданину Митулены. Можно отметить, что у Гиппия также есть лекция на эту тему. Лекция о Гомере, прочитанная софистом, упоминается Исократом: такие лекции часто читали рапсоды.

Также преподавалась грамматика и правильное употребление слов. Менее распространенными предметами были география, искусство[504] и метр. Логика была в зачаточном состоянии, но подрастающий юноша мог попрактиковаться в спорах, слушая диспуты диалектиков. Современные разговоры изобиловали этическими и политическими дискуссиями: в IV веке существовали философские школы Платона и, позднее, Аристотеля, лекции киника Антистена в Куносарге; политическую науку преподавал Исократ. От мальчиков, по-видимому, ожидали, что они узнают что-нибудь, во всяком случае, о законах своей страны: несомненно, их водили в Акрополь читать кодекс Солона; иногда они могли присутствовать в качестве зрителей в судах, чтобы получить представление о судопроизводстве. Те, кто намеревался стать составителями судебных речей, несомненно,

узнавали больше: они также посещали какого-нибудь известного писателя, например Лузиаса или Исайоса, и учились искусству судебной риторики.

Следует четко понимать, что все это среднее образование было сугубо добровольным. Родителям не нужно было посылать своего ребенка слушать какие-либо уроки: бедные слои населения, конечно же, этого не делали. Более богатые родители могли выбирать, какие предметы предпочитают они сами или их сыновья: риторику или литературу, географию или математику - все было едино для государства. Учителя приезжали и уезжали: мало кто оставался в Афинах надолго. Их ученики должны были либо следовать за ними за границу, как Исократ отправился в Горгиас в Фессалии, либо ждать их следующего визита. Только школы Исократа, великих философов и нескольких писателей, таких как Лузиас и Исайос, оставались в Афинах надолго. Сам Исократ некоторое время преподавал на Хиосе: Платон не раз бывал в Сицилии, и его школе приходилось обходиться без него в его отсутствие. Среднее образование в Элладе отличается особой текучестью: учителя всегда в разъездах. Специальных зданий для них не было: они преподавали в собственных домах и садах, или в домах богатых хозяев, или в школьных комнатах, позаимствованных на время, или в общественных местах, таких как гимнасии, или даже на улицах. Последовательное или непрерывное обучение было исключением: собственно софисты давали его лишь немногим. Средний юноша в это время, естественно, приобретал широкие и поверхностные знания по множеству предметов - именно те знания, которые так опасны. Парни становились универсалами: Платон, пораженный ошибкой образования в виде широкой поверхностности, написал "Республику" в качестве контрпротеста, проповедуя "Один человек - одно ремесло". Этот протест в значительной степени направлен против умозрительной поверхностности учения софистов.

Таким образом, среднее образование разделилось на две половины: текучее обучение странствующих софистов и непрерывное обучение более стационарных школ Платона и Исократа. Удобно будет принять это деление и рассмотреть сначала текучую половину. По предметам они должны пересекаться: софисты учили логике так же, как Платон, риторике так же, как Исократ, и универсальным сведениям почти того же диапазона, что и Аристотель. Но метод был разным, просто потому, что, как правило, софист был здесь сегодня и ушел завтра, в то время как стационарные учителя учили одних и тех же учеников несколько лет подряд и могли изучать их особенности, а ценность образования во многом зависит от понимания и сочувствия учителя к отдельным мальчикам, которых он обучает.

Интересно проследить развитие термина "София" и софистов, которые его исповедовали.

Самые ранние мысли эллинских народов были закреплены в гекзаметровом стихе. Гомер и Гесиод представляют науку и философию, а также религию своей эпохи. Поэтическая традиция сохранилась в философии вплоть до Парменида и Эмпедокла: последний ее след, возможно, можно найти в мифах Платона. Религиозные и ритуальные мыслители и составители оракулов также использовали стих. Поэтому "мудрость" в ранней эллинской литературе в основном ассоциируется с поэзией и музыкой, а слова *σοφοί* и *σοφισταί* без разбора применяются к поэтам.^[505] Этот смысл *σοφιστής* сохранился и в более поздние времена, и Протагор мог называть этим именем и Гомера, и Гесиода, и Мусайоса, и Орфея, и Симонида. Орфей так назван в "Резосе". Фрунихос называл музыканта Лампроса "гиперсофистом", а Афиней утверждает, что софист был общим титулом для всех изучающих музыку.

С древнейших времен существовало и второе употребление слова "мудрец", которое применялось к тем, кто был искусен в каком-либо ремесле, например, в плотничестве,[506] медицине,[507] или вождении колесниц.[508]

Семь мудрецов" также получили имя софистов,[509] а в их эпоху однокоренные слова σοφός и σοφία стали ассоциироваться с практической и политической мудростью.[510]

Затем подъем образования в Элладе, в котором в значительной степени были заняты эти старые поэты и мыслители, и аналогия с другими образовательными титулами с похожими окончаниями, γραμματιστής и κιθαριστής, привели к тому, что слово σοφιστής стало ассоциироваться с профессией учителя. Научные знания начинали накапливаться. Было известно достаточно истории, чтобы служить основой для политической теории и наставлений. Риторика становилась необходимой предварительной частью политической жизни, поскольку с развитием демократии убеждение стало доминирующим фактором в судах и собраниях. Стремление к знаниям никогда не было таким острым, как во второй половине V века в Элладе. Вместе со спросом появились и люди. По всему эллинскому миру появились профессиональные учителя, которые несли знания, полученные друг от друга или открытые ими самими, из города в город. Повсюду их лекции собирали большие и восторженные толпы. Среди предметов, которые они изучали и преподавали, можно назвать математику (включая арифметику, геометрию и астрономию), грамматику, этимологию, географию, естественную историю, законы метра и ритма, историю (под которую попадали также мифология и генеалогии), политику, этику, критику религии, мнемонику, логику, тактику и стратегию, музыку, рисунок и живопись, научную атлетику и, прежде всего, риторику. Такому разнородному собранию какое название можно дать, кроме как "мудрость", σοφία? Название "софист" применялось без разбора ко всем этим второстепенным учителям.

В современной литературе есть несколько интересных рассказов об этих софистах, но авторы всегда являются предубежденными противниками.

В "Облаках" Аристофана софисты и их ученики представлены как живущие в подпольном цехе мыслителей. Они бледны и убоги, занимаются всевозможными исследованиями. Естественная история представлена важным вопросом: "Во сколько раз длиннее собственной ноги прыгает блоха?" - проблема, которая решается путем реального эксперимента. Позже в пьесе спрашивают, почему море не переполняется, ведь в него постоянно впадают реки. Даются научные, а не мифологические объяснения грома и молнии. Есть и религиозная критика, подобная той, что задолго до этого произнес Ксенофан: "Если Зевс заключил в темницу собственного отца, почему он не был наказан?". Есть и астрономия, "пути и орбита солнца", а в качестве обсерватории представлена подвесная корзина. Упоминаются геометрия и компасы. Посетителю показывают карту мира, на которой изображены Эвбея, Лакедаимон и Аттика в достаточно крупном масштабе, кажется, для обозначения дема Кикунна; возможно, поскольку Стрепсиадес рассчитывает найти на ней дикастай в Афинах, на ней были изображены слоны и чудовища в неизвестных районах. Студентов интересуют метры и ритмы. Поэт смеется над грамматикой, образуя "sockess" как логический женский род от sock, и заставляя главного софиста возражать против существительных женского рода с мужскими окончаниями. Высказывается предположение, что ученики "Мастерской размышлений" - грязные, полуголодные вегетарианцы, слишком экономные, чтобы ходить к парикмахеру или в баню, воздерживающиеся от вина и гимназии. Но главное, на что нападает Аристофан, - это обучение аргументации. По его словам, вся цель обучения у софистов заключается в том, чтобы уметь обманывать дикастея и безнаказанно мошенничать, а также иметь аргументы для оправдания чего угодно.

Успешные ученые бьют своих отцов и матерей, приводя логические обоснования своего поведения; они отказываются ходить в школу и слишком умны, чтобы поверить или принять что-либо. Но их интеллектуальное возбуждение носит спазматический характер: их научили, если они дошли до сложной проблемы, переходить к чему-то другому.

Яркая зарисовка жизни софистов дана в "Протагоре" Платона. Молодой Гиппократ, вернувшись вечером в Афины после преследования беглого раба на границе, слышит, что в город прибыл великий софист Протагор. Только поздний час удерживает его от того, чтобы броситься на поиски Сократа, который познакомит его с учителем. На следующее утро он приходит к дому Сократа задолго до рассвета, в волнении стучит и кричит в дверь и объявляет, что готов потратить все деньги, которыми располагает он и все его друзья, на плату.

Они отправляются в дом Каллиаса, где остановились Протагор и другие софисты. Носильщик настолько измотан количеством посетителей, что явно грубит. Протагор расхаживает взад-вперед по клуатрам дома, по обе стороны от него стоят три или четыре слушателя, один из которых сам учится быть софистом. За ним следует толпа, состоящая в основном из иностранцев, которых он, подобно Орфею, привлекает из города в город своим волшебным голосом. Другой софист, Гиппиас, сидит на своего рода троне в противоположной части клуатра; вокруг него на скамьях сидят несколько любознательных людей, которые задают ему вопросы о естественных науках и астрономии. Третий софист, Продикос, находится в боковом здании, все еще в постели, укрытый одеялами.^[511] Его слушатели сидели на соседних кроватях. Наконец все собравшиеся собирают кушетки и скамьи в большой круг, чтобы послушать дискуссию между Сократом и Протагором. Каллиас, хозяин дома в этот раз, часто принимал софистов: в другой раз у него в гостях были Горгий и Полос. Его монастыри, должно быть, служили излюбленным местом для лекций. Софисты также посещали гимназии. Дискуссия в "Эвтидеме" происходит в раздевалке Лукиона: два софиста гуляли в монастыре. В одном случае Гиппиас читает лекцию в школьном зале, в другом - в общественном месте в Олимпии.

Протагор был первым из этих учителей, который начал получать зарплату. Его система была очень справедливой. По окончании курса обучения его ученики, если хотели, платили ту плату, которую он просил; в противном случае они шли в храм и, дав клятву, платили столько, сколько, по их мнению, стоило его обучение.^[512] За очень короткое время пребывания на Сицилии Гиппиас заработал около 600 фунтов стерлингов, получив около 80 фунтов стерлингов из крошечного городка Инукос, хотя в то время на острове читал лекции и Протагор. Продикос брал 2 фунта за конкретную лекцию о правильной речи,^[513] но была и менее полная ее форма, которая стоила всего 10 д.; похоже, он был отмечен за градации в своей оплате, поскольку были также лекции по 5 д., 1с. 8д., and 3с. 4д.^[514] Сумма, которую Эвенос из Пароса запросил за обучение всем обязанностям человека и гражданина, составляла 20 фунтов стерлингов.^[515] Вероятно, однако, что расходы этих софистов и деньги, которые они зарабатывали, были сильно преувеличены их современниками. Исократ, ученик Горгия, дает гораздо более низкую оценку. "Ни один из так называемых софистов, - говорит он, - не был признан собравшим много денег. Напротив, некоторые из них прожили свою жизнь в бедности, а остальные - во вполне обычных обстоятельствах. Самым богатым софистом на моей памяти был Горгий. Большую часть времени он проводил в Фессалии, самой процветающей части Эллады. Он дожил до глубокой старости и много лет занимался своей профессией. Он не взвалил на себя никакого общественного бремени, поселившись в каком-то одном городе. Он не женился и не имел детей, которых нужно было воспитывать. И все же, имея все эти возможности разбогатеть, он оставил после своей

смерти всего 800 фунтов стерлингов".[516] Следует помнить, что софисты получали деньги только от тех, кто определенно записывался в ученики или приходил на несколько разрекламированных лекций. Гиппиас часто читал лекции в Спарте, но никогда не получал ни копейки. Любой человек мог подойти и задать софисту вопрос, и почти всегда получал объемный ответ. Красноречие и практические навыки этих людей также всегда были в распоряжении их собственного города. Как и ученые эпохи Возрождения, Гиппиас, Горгий и Продикос много ездили в посольства. За большую часть своей жизни они не получали никакой платы; то, что они получали на самом деле, возможно, было меньше того, что их философские оппоненты получали в виде пожертвований от дружественных тиранов.

Во всяком случае, их гонорары были недостаточно велики, чтобы умерить пыл их учеников. Молодые люди оставляли своих родственников и друзей, чтобы следовать за софистами из города в город. Эти восторженные ученики почти готовы были нести своих учителей на плечах, так велика была их привязанность к ним. Почему такой энтузиазм? Отчасти потому, что софисты были людьми большого личного обаяния. Отчасти потому, что в ту эпоху жажда знаний была беспредельной. Отчасти из желания научиться пути добродетели, которому, как утверждали софисты, они учили. Но самой сильной причиной было честолюбие. Молодые люди хотели блистать в беседе, великом занятии эпохи, и уметь с умом обсуждать все мыслимые темы. Но образование было также путем к политическому успеху. Софисты преподавали систематическую риторику и своеобразную логику. Они также давали материал для ораций, на практике разбирая политические науки, историю, этические обыденности; ведь от публичной ораторской речи ожидали кладезя эрудиции. Риторика была необходима не только для власти, но и для безопасности, ведь в судах она имела большее влияние, чем простые аргументы и факты.

Об отдельных софистах известно немного. Они предстают перед нами только на страницах тех, кто их порочил. Платон в основном занят различными выводами, которые он делает из их философских теорий, не являвшихся частью их учения. Старший из них, Протагор, достойнейший человек, поставил перед собой задачу воспитать хороших граждан: он утверждал, что позволяет своим ученикам вести домашнее хозяйство и управлять государством. Он передавал им всю житейскую мудрость, которую приобрел долгими годами личного опыта. Он специально изучал политическую науку, несомненно, с этой целью, и оставил трактат на эту тему, который был достаточно превосходным, чтобы некий Аристоксен мог сказать, что Платон спланировал из него большую часть "Республики".[517] Будучи деловитым, он предпочитал ясность мысли и изучал грамматику: он первым разделил существительные на три рода.[518]

Продикос принадлежал к той же практической школе. Он начинал с того, что учил своих учеников правильно использовать слова.[519] Так, он сказал Сократу не употреблять δεινός в значении "умный"; ведь его правильное значение - "ужасный", применимое к войне, болезни или чему-то подобному.[520] В Платоне есть забавная сценка на его любимую тему.[521] "Аудитория во время философского диспута должна уделять беспристрастное, но не равное внимание обоим ораторам, ибо это не одно и то же. Ибо правильно слушать беспристрастно, но склоняться следует не одинаково к обоим, а скорее к более мудрому оратору. Я также прошу вас соглашаться и обсуждать, а не спорить. Ведь друзья обсуждают с друзьями ради дружбы, а враги спорят. Таким образом, наша встреча пройдет наилучшим образом. Ибо вы, ораторы, тем самым завоюете у слушателей наибольшую известность, а не похвалу (ибо известность - это отсутствие обмана в сознании слушателей, а похвала - внешнее выражение того, что часто не чувствуется); а мы, слушатели, тем самым получим наибольшее счастье, а

не удовольствие; ибо счастье порождается мысленным восприятием знаний и мудрости, а удовольствие - едой или каким-либо другим приятным физическим состоянием". Легко было бы посмеяться, но, как показывает сам Платон, такие смысловые различия были чрезвычайно полезны при решении логических вопросов и очень нужны современной логике. Кроме того, Продикос был учителем нравственности и написал знаменитое "Избрание Геракла", в котором он внушал, что упорный труд должен быть противопоставлен лени и удовольствиям. Он был инвалидом, но продолжал работать, несмотря на нездоровье; результатом этого, возможно, стал определенный пессимизм.

Гиппиас был удивительно разносторонним гением. Однажды он пришел на олимпийский праздник со всем, что носил или носил, сделанным им самим: кольцо, бутылка с маслом, обувь, одежда, прекрасный персидский пояс; он также принес эпические поэмы, трагедии, дифирамбы и всевозможные прозаические произведения.^[522] Он знал астрономию, геометрию, арифметику, грамматику. В Спарте он преподавал историю и археологию. У него была замечательная система мнемоники, благодаря которой, услышав однажды цепочку из пятидесяти имен, он мог запомнить их все.^[523] Он читал лекции о Гомере и других поэтах. Он также сочинил нравоучительную речь, которая вызвала бурные аплодисменты в Спарте, где колкости и дурная мораль сурово пресекались; впоследствии она была прочитана в афинском школьном классе. Гиппиас всегда был готов ответить на любой вопрос, который ему задавали, и редко бывал в растерянности.

Менее известным софистом был Антифон, которого следует тщательно отличать от его однофамильца, аттического оратора. Он опубликовал работы по физике, согласно (*ὁμόνοια*) и политической науке. Интересны фрагменты, которые свидетельствуют о популярной трактовке этического учения. Следующие выдержки^[524] дадут некоторое представление об этом человеке:-.

"Первым среди человеческих вещей я считаю образование. Ибо если вы начинаете что бы то ни было правильным образом, то и конец, вероятно, будет правильным. Характер урожая зависит от того, какое семя вы посеяли. Если вы посеете хорошее образование в молодом теле, оно будет приносить листья и плоды всю жизнь, и ни дождь, ни засуха не смогут его уничтожить".

"Жизнь подобна дневному часовому, а продолжительность жизни сравнима с одним днем. Пока длится наш день, мы смотрим на солнечный свет, а затем передаем свой долг преемникам".

"Один скупец хранил деньги в тайнике, не давал в долг и не пользовался ими. Потом их украли. Человек, которому он отказался дать их в долг, посоветовал ему положить в тайник камень и представить, что это деньги; это было бы так же полезно".

Среди софистов были и такие, которые, по-видимому, были просто шутами и использовали свои мозги исключительно для того, чтобы вызывать смех. Можно сомневаться, что рассказ Платона об Эвтудемосе и Дионусодоре соответствует действительности, но, вероятно, они представляют собой некий тип. Как учителей, ни один здравомыслящий человек не мог воспринимать их всерьез. Они были гладиаторами и преподавали судебную риторику, а потом обнаружили гений к перепалкам. Они были готовы подтвердить истинность или ложность любого утверждения. Респондент мог ответить только "да" или "нет", и ни одно предыдущее утверждение не могло быть приведено против них, поскольку они не претендовали на то, чтобы учить чему-то последовательному. Пример^[525] их аргументов сделает их методы более понятными. "А. Твой отец - собака. Б. И ваш тоже. А. Если вы ответите на мои вопросы, то признаете это. У вас есть собака? Б. Да, очень плохая. А. У нее

есть щенки? Б. Дворяжки, как и она сама. А. Значит, собака - отец? Б. Да. А. Разве собака не ваша? Б. Конечно. А. Тогда, будучи твоей и отцом, она - твой отец, а ты - брат щенков". Как бы абсурдно это ни было, подобные дискуссии - хорошее средство обучения логике, поскольку они делают поиск правил интеллектуально обязательным.

Несомненно, среди младших софистов были "черные овцы", к которым вполне применимы горькие определения Платона в "Софисте", которые "охотились за молодыми людьми с богатством и положением, с фиктивным образованием в качестве приманки и платой за свой предмет, делая деньги путем научного использования вопросов в частной беседе, при этом прекрасно понимая, что то, чему они учат, неправильно". Но они не фигурируют в дошедшей до нас литературе, которая зафиксировала лишь очень немногих, и тех самых избранных, из сотен софистов, которые должны были существовать в эпоху Сократа.[\[526\]](#)

* * * * *

Упомянутые до сих пор софисты мало занимались риторикой: они образуют скорее школу логики, противопоставленную риторической школе Горгия и его последователей.

ПЛАТА VIII.

В ПАЛАИСТРЕ: флейтисты (с φορβεία), явелинщик, дискетоносец и боксер
Auserlesene Vasenbilder Герхарда, cclxxii. Рис. 1.

С куликса, находящегося в Берлине, подписанного Эпиктетом (№ 2262).

О возникновении риторики в Элладе мне нет нужды говорить: эта тема прекрасно рассмотрена в других источниках.[\[527\]](#) Для образовательных целей эллинская риторика имела несколько фатальных недостатков и несколько уравнивающих их преимуществ. Южный характер эллинов предпочитал чувственное очарование звука логической точности фактов; их риторика, возникшая на основе поэзии и по образцу своего литературного родителя, слишком легко подчинялась их вкусу. С истиной она имела дело не больше, чем Гомер; ее целью было усладить слух любопытными ритмами, уравновешенными положениями, паремиями и всеми другими возможными приемами. Лишь бы форма была превосходной, неважно, насколько тривиальна тема:[\[528\]](#) мышей или соли было достаточно для темы. Оратор, конечно, должен быть полон страсти, но это можно было смоделировать: риторика унаследовала актерское мастерство от своего родителя, лирической поэзии. Таким образом, риторика стала просто вопросом стиля, а не аргументов; а поскольку аргументы не

требовались, сила или слабость аргументов не имела значения: риторика могла сделать любую причину привлекательной для чувственного эллинского уха с помощью уловок стиля, и таким образом сделать "слабую причину более сильной". Метод, с помощью которого профессора учили своих учеников, наглядно демонстрировал это отношение. Они имели обыкновение брать воображаемый случай, а затем учить своих учеников, как написать речь по обе стороны от него: сохранившиеся "Тетралогии" Антифона являются примерами этого метода, который был превосходен в образовательном отношении; ведь полезно видеть аргументы с обеих сторон дела. Именно небрежность к фактам, равнодушие к истине и элемент актерства были так опасны для учеников. Эти элементы, безусловно, разрушали справедливость афинских судов; их влияние на эллинский характер было, вероятно, столь же неудовлетворительным.

Риторика также унаследовала "гном", или общее место, - общее высказывание об этике, политике или еще о чем-нибудь, которое можно превратить в небольшое сентиментальное эссе. Начинающие ораторы учились составлять небольшой запас таких эссе и держать их наготове, чтобы вставлять в речь при каждом удобном случае. Для написания таких эссе требовалось определенное количество самостоятельных размышлений о политике и этике; и размышления, и написание эссе, несомненно, были полезны для ребят.

Цветистый и поэтический стиль, который был главной характеристикой ранней эллинской риторики, - творение Горгия. Фрагмент похоронной оратории, в которой, несомненно, приложил все свои силы, можно привести в качестве образца того, что его ученики научились писать: - "Как свидетели деяний этих, эти люди.

"В подтверждение своих деяний эти мертвецы воздвигали над врагом трофеи, подношения Зевсу, принесенные ими самими. Они не были неумелыми ни в природном Аресе, ни в законной любви, ни в вооруженной борьбе, ни в прекрасном Мире; почитали богов по справедливости, почитали родителей по служению, были справедливы к своим соотечественникам по равенству, верны друзьям по преданности. Поэтому, когда они умерли, любовь к ним не умерла вместе с ними, но, не имея смерти в телах, она живет, когда они уже не живут". В Энкомии о Елене мы имеем "страх, превосходящий страх, и жалость, превосходящую слезы, и тоску, превосходящую боль", и "производящую удовольствие, уничтожающую боль". В "Паламеде" Горгий даже использует каламбуры.

Его поэтические соединения и соединения его ученика Алкидамаса были знамениты. Короче говоря, в это время не существовало никакой границы между поэзией и прозой: проза, если и была, то более поэтичной из двух.

Этот странный тепличный эвфуистический стиль Горгия захватил Элладу, и его влияние было огромным: он даже наполовину покорил строгий ум Фукидида. Переработанный его учеником Исократом, обладавшим большими критическими способностями, он стал родителем Цицероновской латыни, а затем и всей многовековой прозаической литературы.

Другие риторические софисты того времени менее интересны. Ликумниос и Полос, учитель и ученик, похоже, посвятили себя вопросам ритма: они использовали причудливые приемы и жеманство, как Горгий. Теодорос и Эвенос делили и подразделяли части оратории на "подтверждение" и "дополнительное подтверждение", "порицания" и "панегирики": , в работе над которыми к ним присоединился Полос. Фрасумахос Халкидонский, который, кажется, был более крупным человеком, начал атаковать психологическую сторону

риторики, изучая вопросы пафоса и возмущения; эти исследования он воплотил в памфлетах, и, несомненно, его результаты были переданы его ученикам.

Одна из прелестей старого эллинского образования заключалась в том, что оно не превращало богатых в отдельный класс от бедных, давая совершенно разные формы культуры. Возникновение софистов изменило все это: их плата исключала бедных. Одиум возникшего классового разделения пал на учителей. Их ученики, богатые, аристократичные и культурные, склонялись к олигархии. Эллинские настроения возлагали на учителя ответственность за всю карьеру его учеников. Поэтому демократы опять же относились к софистам с подозрением, как к воспитателям олигархов и тиранов. Именно за то, что он был учителем Крития и Алкивиада, Сократ был предан смерти восстановленной демократией. Убедительные способности, которыми риторы наделяли своих учеников, могли быть, и часто были, использованы не по назначению; ученики могли своим красноречием вводить в заблуждение экклесию, склоняя ее к плохой политике, или суды - к несправедливости. Как бы ни протестовали софисты, что они преподают только риторику, а не этику, они несли ответственность как за нечестность, так и за красноречие таких учеников. Кроме того, риторика давала богатому человеку, который только и мог ее купить, самое недемократическое влияние в государстве. Одиум против софистов усиливался их религиозными и политическими взглядами. Они были свободными мыслителями во всем. Протагор был откровенным агностиком, Горгий считал, что ничего не существует. Их политические теории были столь же революционны, полны идей общественных договоров и права сильного человека. Все это было крайне неприятно большинству, которое было демократичным и ортодоксальным. Но не стоит забывать, что подобные взгляды не появлялись в лекциях: они ограничивались случайными книгами или частными беседами. Внешне софисты были законопослушными и добропорядочными служителями конституции, а их лекции, если и были, то довольно банальными.

Таким образом, предубеждение против них было вызвано отчасти их свободомыслием, а отчасти их гонорами. Первая из этих двух причин в большей степени относилась к Сократу и философским школам. Но Сократ не просил и не получал платы: Платон и Аристотель принимали только подарки. Поэтому, когда философская партия попыталась отмежеваться в народном сознании от софистов, с которыми их путали, они попытались возродить старое эллинское предубеждение против получения платы за "мудрость", которое доставляло неприятности лирическим поэтам, и подчеркнуть денежные аспекты профессии софистов. Это довольно абсурдное обращение к галерее оказало влияние на потомков; но оно не получило всеобщего признания в Элладе. Эсхинес до сих пор называет Сократа софистом. В Римской империи "софист" стал отличительным титулом для художественных стилистов и учителей, таких как Либаний.

[495] Сам учитель Платона, Diog. Laertius iii. 5.

[496] [Платон] Любовники, 132.

[497] Предполагаемый изобретатель Евклида i. 12 и 23, и великий астроном.

[498] Так, отрок Теагес, обучившийся письму, игре на лире и борьбе, смутно ищет софиста, чтобы тот сделал его "мудрым" ([Платон] Теагес, 121 D, 122 E).

[499] Plato, Theait. 147 D.

[500] Aristoph. Birds, 1005.

[501] Plato, Hipp. Maj. 303 B.

[502] Stob. 98, p. 535.

[503] И учиться ездить верхом. Он думает об аристократическом мальчике, который впоследствии поступит в эксклюзивный эфебский колледж.

[504] Среди распространенных развлечений на афинских званных обедах была географическая игра, в которой А называл, скажем, название города в Азии, начинающееся на К, а Б должен был ответить, что город в Европе начинается на ту же букву (Athen. 457).

[505] Pind. Isthm. 5 (4) 36. σοφισταί; σοφός, Pind. Ol. i. 15; Pyth. i. 42. σοφία, Гимн Гермесу, и Pind. Ol. i. 187.

[506] Hom. Il. 15. 412.

[507] Pind. Pyth. 3. 96.

[508] Ibid. 5. 154.

[509] In Isokrates, Antid. 235.

[510] Как в Theog. 1074.

[511] Он был инвалидом.

[512] Plato, Protag. 328 C.

[513] Plato, Krat. 384 E.

[514] [Платон] Аксиох. 366 C.

[515] Plato, Apol. iv. 20 B.

[516] Isok. Antid. 156.

[517] Diog. Laertius iii. 25.

[518] Aristot. Rhet. iii. 3. 5.

[519] Plato, Euthud. 277 E.

[520] Plato, Protag. 341 A.

[521] Ibid. 337 A-C.

[522] Plato, Hipp. Min. 368.

[523] Plato, Hipp. Maj. and Protag. 318.

[524] Цитируется в Антифоне Теубнера из Stobaeus. Flor. 98. 533. Флор. Appendix, 16. 36. Этот антифон приводится в Xen. Mem. i. 6. 1.

[525] Plato, Euthud. 298 D.

[526] Несправедливо осуждать Полоса и Фрасумаха на основании мнений, которые Платон вкладывает в их уста.

[527] Jebb, Attic Orators.

[528] Сравните поэзию эпохи Возрождения в Италии.

ГЛАВА VI

СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: II. ПОСТОЯННЫЕ ШКОЛЫ

Афины были тем местом, где естественным образом начала выкристаллизовываться изменчивая система образования софистов. Афиняне были не только самыми острыми и интеллектуальными из эллинов: благодаря обширной торговле их город наполняли купцы, астрономы, изобретатели, поэты, мыслители всех мастей, в нем собирались люди всех профессий и всех языков. Многие останавливались там лишь на несколько дней, мимоходом, ведь Афины в те времена были чем-то вроде Клэпхемского перекрестка. Все это приносило в город постоянный приток новых идей, которые жители быстро усваивали.

Но, обладая всеми преимуществами торгового центра, Афины были свободны и от недостатков. Шум и вульгарность торговли ограничивались Пейреем: в гимназиях, на улицах или колоннадах Афин философ и мыслитель мог спокойно преподавать и размышлять в атмосфере, облагороженной сокровищами архитектуры, искусства и скульптуры, которые умирляли самых грубых посетителей, среди литературных кружков, которые привлекали и поощряли драматические конкурсы. Здесь было идеальное место для встречи лучших умов Эллады и развития великой системы образования. Город сам по себе был образованием. Перикл назвал Афины школой Эллады; теперь это название должно было оправдаться в самом буквальном смысле.

В начале четвертого века в Афинах возникли средние школы. Платон стал преподавать логику и философию, Исократ - риторику, причем не по несколько недель, а постоянно: их курсы длились три-четыре года. Характерно, что не было никакой государственной организации или вмешательства; Исократ преподавал в своем собственном доме, недалеко от Лукиона, Платон - в своем саду около Колоноса и в Академее. Их ученики приезжали со всех концов цивилизованного мира и оставались в Афинах на время обучения. Платон вводил для своих учеников предварительный экзамен по математике, а Исократ лишь одобрял знание таких предметов. Ученики этих двух школ стали признанными представителями афинской жизни.

Платон вел своих учеников к интеллектуальным исследованиям и жизни в отшельничестве; тенденция школы была явно аристократической, и некоторые из ребят стали тиранами в последующей жизни. Исократ прививал практическую жизнь: его учение должно было подготовить к успеху в обществе и политике. Но поскольку его школа, естественно, предназначалась только для сравнительно богатых и обеспеченных слоев населения, она также имела тенденцию к аристократизму; тем не менее, в ней учились некоторые из ведущих демократических государственных деятелей того времени.

Помимо этих двух великих школ выросли и другие. Трудно провести четкое различие между мальчиками, которые ходили к Исократу, чтобы научиться политической речи, и теми, кто ходил к "логографу" вроде Лузиаса или Демосфена, чтобы научиться судебному ораторскому искусству. Логографы, похоже, не претендовали на то, чтобы передавать культуру, а только техническое обучение: они, таким образом, находятся на границе образования. Но Демосфен отправился к "логографу" Исайосу, чтобы получить именно то обучение, в котором ему отказал Исократ: поэтому трудно провести четкое различие. Поэтому я дам краткий очерк и о "логографах".[\[529\]](#)

К тому времени, когда эти школы начали утверждаться, софисты уже начали вымирать. В четвертом веке времена были тяжелее, и у меньшего числа людей были деньги, чтобы тратить их на этих дорогих учителей. Интеллектуальное движение эпохи Перикла исчерпало себя, и стремление к универсальному знанию уже не было таким острым. Более того, вполне вероятно, что во многих крупных центрах формировались оседлые школы, подобные афинской школе Исократу: известно, что сам Исократ некоторое время преподавал на Хиосе. Большой недостаток обучения софистов, а именно то, что оно было слишком торопливым и не давало времени для личных усилий ученика, был признан: в результате софисты обосновались в одном месте и проводили непрерывные курсы обучения.

Но многие софисты старого типа остались, чтобы досаждал Исократу своей критикой и соперничеством. Они по-прежнему приезжали в Афины на большие праздники и читали торопливые лекции.^[530] Но они не отличались оригинальностью своих предшественников, и люди предпочитали сами читать работы Протагора или Горгия, чем слушать, как их повторяет в оригинале лектор. Книги уже составляли серьезную конкуренцию лекциям и были причиной душевных терзаний Платона: Исократ, однако, предпочитал писать сам и таким образом рекламировал свою школу.

Помимо бродячих софистов, в Афинах, вероятно, было много постоянных учителей как философии, так и риторики. Исократ вскользь упоминает, что все школы^[531] выпускают только двух или трех первоклассных ораторов. В своем образовательном проспекте "Против софистов" он свободно критикует этих соперников. "Они просто пытаются привлечь учеников низкой платой и большими обещаниями. Речи, которые они пишут сами, хуже, чем импровизации совершенно необученных людей, но при этом они обещают сделать полноценного оратора из любого, кто к ним придет; ведь они не делают никаких скидок на природный талант или опыт, а считают красноречие точной наукой, такой же, как А В С, и одинаково передаваемой; тогда как на самом деле это прогрессивное искусство, где одно и то же никогда не должно быть сказано дважды, а его правила должны соответствовать случаю и обстоятельствам".^[532] Очевидно, что эти конкуренты совершили серьезное преступление, занизив цену Исократу, а также выпустив более привлекательные проспекты; возможно, они и есть те придирические критики, на которых он постоянно ссылается.

Исократ еще более суров к различным философским учителям; он не может иметь в виду только Платона, поскольку упоминает их плату, а Платон не взимал никакой платы. Должно быть, существовало большое количество философских профессоров, из которых Платон был лишь самым выдающимся. Но во многих вопросах Исократ, несомненно, хотел, чтобы его обличения относились и к Платону. Его нападки сводятся к следующему: "Они делают невозможные предложения, обещая передать своим ученикам точную науку поведения, с помощью которой они всегда будут знать, что делать. Однако за эту науку они берут всего 3 или 4 μναί (12 или 16 фунтов стерлингов) - смехотворно малую сумму. Они пытаются привлечь учеников нелепыми названиями предметов, которые, как они утверждают, преподают, например, "Справедливость" и "Благоразумие". Но Справедливость и Благоразумие, которым они обучают, очень своеобразны, и они придают этим словам совсем не тот смысл, который придают им обычные люди; на самом деле они сами не могут быть уверены в смысле, а могут только спорить о нем. Хотя они утверждают, что учат справедливости, они отказываются доверять своим ученикам, но заставляют их вносить плату за обучение третьему лицу до начала курса".^[533] Перед нами картина отдельной группы преподавателей этики, которые пытаются разобраться в сократовском парадоксе, что добродетель - это знание, и передают свои результаты ученикам за низкую плату.

Все эти профессора этики, похоже, сделали математику и астрономию частью своего курса, как это делал Платон. "К старому афинскому образованию, состоявшему из букв, музыки и гимнастики, они добавили более продвинутый курс, состоявший из геометрии, астрономии и подобных предметов, вместе с эристическими диалогами", то есть диалектикой.[534] Этот курс, по-видимому, много критиковали, считая его пустой тратой времени, поскольку он не приносил никакой практической пользы, а полученные знания быстро забывались в последующей жизни. Но Исократ, хотя эти предметы и не играли никакой роли в его собственной школе, был достаточно хорошим педагогом, чтобы увидеть их достоинства: изучение таких тонких и сложных предметов, как астрономия и геометрия, "приучает мальчика держать свое внимание пристально приковано к делу и не позволять своему уму блуждать; таким образом, практикуясь в этом и оттачивая свой ум, он будет способен изучать более важные вещи с большей легкостью и быстротой".[535] Но от всех этих непрактичных, хотя и приносящих пользу занятий следует отказаться до девятнадцати лет: они иссушают человеческую природу и делают людей недееспособными. "Некоторые из тех, кто настолько преуспел в этих предметах, что обучает им других, в практическом ведении жизни оказываются менее мудрыми, чем их ученики, не говоря уже о том, что они слуги".[536] Следовательно, те, кто хочет изучать математику и эристику, должны ограничиться годами от четырнадцати до восемнадцати, а затем перейти к изучению риторики у Исократа; остальные могут приходить в его школу юношами, как это делали многие.

Но, хотя он так тщательно отделял себя от тех, кого современные люди называли бы философскими школами, Исократ называл себя учителем философии в той же мере, что и они. Для него, как и для римлян, философия была искусством жить практической жизнью. "То, что не имеет непосредственной пользы ни для речи, ни для действия, не заслуживает названия философии".[537] Истинный философ - это не мечтатель, пренебрегающий тем, что практично и необходимо, а человек мира, который учится и изучает предметы, позволяющие ему хорошо вести хозяйство и управлять государством, ибо в этом цель всякого труда и всякой философии".[537] С этой практической целью он высмеивает метафизические изыскания "старых софистов, из которых Демокрит говорил, что число реальностей бесконечно, Эмпедокл - что четыре, Ион - что не более трех, Алкмайон - что только две, Парменид и Мелиссос - что одна, а Горгий утверждал, что вообще ничего не существует".[538]

В своих обещаниях передать ученикам эту практическую мудрость, которую он называет философией, Исократ проявляет характерную осторожность. Точная наука, которая охватывала бы все возможные вопросы и обстоятельства, которые могут возникнуть во внутренних и политических делах, невозможна; люди должны довольствоваться общей способностью формировать правильное суждение с учетом каждого конкретного случая, когда он возникает. Поэтому он называет "мудрыми людьми" *σοφοί*, "тех, чьи суждения обычно приводят к правильному ходу действий", и "искателями мудрости" или философами *φιλόσοφοι*, "тех, кто занимается теми исследованиями и занятиями, от которых они быстрее всего получают эту практическую мудрость",[539] или способность формировать правильные суждения. Но суждение может быть сформировано правильно только после правильного обдумывания: поэтому работа философии заключается в том, чтобы упражнять своих учеников в этом обдумывании.[540]

Такая практика, конечно, была предусмотрена в школе Исократа; ведь его школа была, по сути, обществом дебатов или обсуждений, в котором ученики писали и декламировали тщательно составленные речи на заданные темы или слушали речи своего учителя. Иногда они обсуждали события дня и вопросы, представляющие общий интерес[541] данный

момент; в другое время их темой был какой-нибудь конституционный или исторический вопрос или сравнительные достоинства различных наций и правительств.^[542] В другой раз, как видно на примере ораций самого Исократа, они касались тех мифических персонажей, которые были историческими реалиями, а также священными личностями для среднего эллина, - Тесея, Елены и Бусириса: в их глазах это было почти равносильно религиозному обучению, и они практически писали теологические эссе. Несомненно, ученики также писали и декламировали те "общие места" или короткие эссе на общие темы, написанные в самом изощренном стиле, которые древние ораторы держали в запасе, готовые вставить в речь, когда представится подходящий момент. Собственные работы Исократа особенно полны этих высоко законченных маленьких эссе:^[543] поэтому, по крайней мере, очень вероятно, что он настаивал на их написании в своей школе. Перед своими учениками Исократ также читал свои прекрасные проповеди, такие как "Демоникос"; и, должно быть, это были эффективные произведения морального увещания.

Таким образом, исократовская школа претендовала на звание школы нравственности и была ею: она также была школой хорошего стиля и композиции. Эссе мальчиков должны были быть написаны в определенном стиле, величественном и витиеватом, соответствующем их темам. "Ибо абсурдно полагать, что материя и манера обычного разговора или судебного ораторского искусства подходят для общегреческих тем; напротив, в такой речи мысли должны быть более оригинальными и более возвышенными, стиль - более ярким, а дикция - более поэтичной и продуманной".^[544] Стиль, дикция и материя, по сути, должны быть такими, какие Исократ выработал в своих собственных речах. Этот стиль^[545] я не собираюсь здесь обсуждать. Тот факт, что он писал в кабинете и никогда не выступал перед публикой, заставляет преувеличивать достоинства художественного прозаического стиля, первым действительно великим выразителем которого он был; но в его популярности среди эллинской аудитории сомневаться не приходится. Ученики Исократа стали самыми выдающимися политиками и самыми выдающимися прозаиками того времени; его дом, по выражению Цицерона, был школой Эллады и мануфактурой красноречия.

Чтобы овладеть ораторским искусством такого рода, требовались как природные способности, так и усердное обучение. Исократ утверждает, что сначала он дает точную науку обо всех риторических приемах и различных формах, которые может принимать речь, а затем практикуется в правильном использовании и расположении этих нескольких частей. Научиться технике риторики сравнительно легко, если желающий обратится к нужному человеку; но правильное использование техники никогда не может быть подведено под какой-либо свод правил или преподано одним человеком другому: этому можно научиться только на собственном опыте. Будущий оратор должен попробовать, как каждое расположение и сочетание приемов влияет на аудиторию, и таким образом составить свою собственную систему.^[546] Необходимую аудиторию для этих экспериментов предоставят другие ученики школы, а мастер выступит в роли главного критика. Хороший мастер крайне важен. Своим личным влиянием он сможет передать те тонкие элементы стиля, которые невозможно передать при формальном обучении. Если он достоин своей соли, все его ученики будут нести на себе печать его собственной манеры, и их легко будет отличить от всех остальных по сходству их стиля с его и друг с другом.^[547] Обучение риторике в школе Исократа, похоже, начиналось с изучения его собственных работ. В "Панафинях" он описывает, как читает речь вместе с двумя или тремя своими постоянными учениками; они пересматривают и критикуют ее по ходу дела. Это дало бы Исократу возможность изложить свои собственные взгляды на технику, имея перед собой собственные работы в качестве иллюстраций. Из начала "Бусириса" можно сделать вывод, что письменные речи других софистов также изучались, и их недостатки или отклонения от исократовских канонов

указывались, чтобы избежать их в будущем. Во всяком случае, Исократ жалуется, что другие профессора риторики в Афинах использовали его труды для обучения своих учеников, хотя, конечно, по его словам, они делали это для того, чтобы показать мальчикам, чем следует восхищаться, а не чего следует избегать. Когда эта техника была полностью освоена, Исократ поручал своим ученикам писать речи самостоятельно, выбирая для них какую-нибудь великую и совершенную тему: в этих речах они должны были применять правила, которые усвоили, и более тонкие влияния, которые впитали от своего учителя. Но они также должны были придумать тему, и в этом заключается большая часть достоинств всей системы. Ведь, как замечает Исократ, эссеист, пишущий на подобные темы, должен будет думать о благородных мыслях и выбирать благородные поступки в качестве примеров и иллюстраций. Это созерцание благородного будет большим стимулом к добродетели, чем любая так называемая наука этики:[548], ибо нет науки, которая могла бы создать добро в злых натурах, но увещевание и убеждение могут творить чудеса. Более того, поскольку лучший аргумент оратора - это, в конце концов, хорошая репутация, молодой оратор будет следить за тем, чтобы его поведение и характер были как можно лучше.[548] А практика взвешивания того, какие мысли и действия подходят для речи, задействует тот навык здравого размышления, который необходим для формирования правильных суждений. На самом деле, исократовская "Философия" больше способствует формированию характера, чем красноречию.[549]

Ученики, как мы видели, практиковались, выступая с речами перед Исократом и своими товарищами. В школе сформировалась избранная группа подготовленных критиков риторики; поощрение критики с помощью этого средства должно было быть ценным. Для этого совета Исократ представлял свои собственные оратории перед публикацией; бывшие ученики также приглашались на эти мероприятия. В конце "Панафиней" есть интересный рассказ о таком собрании. "Я пересматривал речь в том виде, в каком она дошла до наших дней, - рассказывает Исократ, - с тремя или четырьмя ребятами, которые привыкли учиться вместе со мной. Прочитав ее до конца, мы остались довольны и решили, что она нуждается только в прологе. Я решил, однако, послать за одним из моих учеников, воспитанных в олигархии и поставивших себе целью восхвалять Лакедаймонов, чтобы он заметил какое-нибудь ложное обвинение, которое мы невольно возвели на спартанцев". Приходит ученик и, восторженно восхваляя речь, высказывает неосторожную критику по поводу ее сути, что приводит к долгой дискуссии, в ходе которой он и Исократ произносят длинные речи. В конце концов, ученик терпит поражение. Юноши, присутствовавшие при обсуждении, были полностью убеждены в правоте Исократа и горячо ему аплодировали. Но сам учитель не был удовлетворен. Через три-четыре дня он созвал всех своих старых учеников, которые были в Афинах, и речь была представлена на их суд, который был встречен восторженными аплодисментами. Затем бывший критик произнес блестящую речь, пытаясь разгадать скрытый смысл выступления. "Толпа учеников, которая обычно готова аплодировать, закричала, обступила его и стала поздравлять, полностью соглашаясь с его хвалебными отзывами обо мне", - рассказывает Исократ. "Я тоже похвалил его, но не стал раскрывать, понял ли он мой тайный смысл или нет".

Весь тон этого отрывка говорит о том, что подобное обращение к ученикам за критикой и советом было обычным делом, единственной необычной особенностью которого было присутствие "старых мальчиков". Эту точку зрения подтверждают и другие отрывки. В "Арейопагитиках"[550] Исократ говорит своей воображаемой аудитории: "Некоторые, кто слышал, как я в прошлом описывал эту конституцию, которой когда-то пользовались Афины, восторженно восхваляя ее и называя наших предков счастливыми,... говорили мне, что я вряд ли смогу убедить вас принять ее". В другой раз его речь произвела такое впечатление на

предварительную аудиторию, что "никто не похвалил красоту стиля, как это обычно делают, но все восхитились истинностью аргументов". Когда он впервые сказал своим ученикам, что собирается послать консультативную речь Филиппу, "они все подумали, что он сошел с ума, и имели дерзость упрекнуть его, чего они никогда не делали прежде.... Но когда они услышали речь, они полностью изменили свое мнение и решили, что Филипп, Афины и вся Эллада будут одинаково благодарны ему".[551]

Большие политические памфлеты Исократ с их великолепно отточенным стилем и яркими темами, естественно, служили ему отличной рекламой, как он наивно признает в "Антидосисе". Те, кому требовалась дополнительная информация о его образовательных методах и целях, обращались к проспекту "Против софистов", который он опубликовал в самом начале своей карьеры. Благодаря этой привлекательности ученики приезжали к нему со всех концов эллинского мира, из Понтоса, Сицилии и Кипра;[552] у него было "больше, чем у всех остальных учителей философии вместе взятых".[553] Это были не просто частные лица, а государственные деятели, полководцы, цари и тираны.[554] Вероятно, возраст, в котором они приходили, сильно варьировался, но большинство его реальных учеников, вероятно, находились в возрасте от пятнадцати до двадцати одного года. Он часто говорит о *μετράκι* как об одном из них. Более того, он говорит о родителях, приводящих к нему своих сыновей,[555] чего они, конечно, не стали бы делать, если бы мальчикам было больше восемнадцати. Общественная жизнь в среднем эллинском государстве начиналась в двадцать лет, поэтому мальчики должны были быть готовы к ней к этому возрасту. Курс обучения в школе Исократ длился три или четыре года.[556] Афинский юноша был более или менее занят своими военными обязанностями с восемнадцати до двадцати лет, поэтому он, скорее всего, проходил курс с четырнадцати до восемнадцати; уроженцы других государств вписывали его в свои местные обычаи. Плата за весь курс составляла 10 мнаи, или 40 фунтов стерлингов.[557] История[558] гласит, что Демосфен, имея всего 8 фунтов, предложил заплатить эту сумму за пятую часть курса. Но Исократ ответил, что не может продавать свою философию по кусочкам; покупатель должен взять всю рыбу или вообще ничего. Однако, скорее всего, эта история - вымысел: Сам Исократ утверждает, что не зарабатывал на своих соотечественниках, а брал плату только с иностранных учеников.

Поскольку вскоре после открытия школы у него было уже сто учеников, рассказы о его огромном богатстве, которые он с таким негодованием отвергал, не могли быть далеко ошибочными, тем более что за свой панегирик на Евагора он получил 20 талантов (почти 5000 фунтов стерлингов). Его собственное сравнение своего богатства с богатством Горгия, который оставил после своей смерти всего 800 фунтов стерлингов, любопытно, если вышеприведенные утверждения верны.

Но его ученики, взятые из класса, который имел достаточно средств для жизни на досуге,[559] , похоже, были вполне удовлетворены тем, что они получили за свои деньги. "В конце своего времени, когда они уже собирались отплыть домой к своим друзьям, им так понравилась их жизнь в Афинах, что они расставались с ней со слезами и вздохами". Исократ и впоследствии поддерживал с ними дружеские отношения. Так, он пишет Тимофею, тирану Гераклеи и своему старому ученику, чтобы поздравить его с восшествием на престол и похвалить другого старого ученика, Автократора. Далее следует очаровательное письмо, в котором он знакомит Диодотоса, еще одного своего ученика, с македонцем Антипатером, рискуя собственной жизнью, поскольку в то время шла война между Афинами и Македонией. "У меня было много учеников, - говорится в письме, - некоторые из них стали великими ораторами, некоторые людьми действия, некоторые

великими мыслителями, некоторые, не обладая особыми талантами, во всяком случае, стали благородными и культурными джентльменами: Диодотос сочетает в себе все эти качества".

Главной гордостью школы Исократа было то, что она выпускала джентльменов. Исократ определяет образованность не как знание метафизики и созерцание Блага, не как технические способности в какой-либо профессии, искусстве или ремесле, а как некую культуру и лоск. "Вот мое определение образованного человека", - говорит он. "Во-первых, он способен справляться с обычными событиями жизни, обладая счастливым чувством соответствия и способностью всегда находить правильное направление действий.

"Во-вторых, его поведение в любом обществе всегда корректно и правильно. Если он попадает в обидную или неприятную компанию, он может встретить ее с легким добродушием; и он относится к каждому с максимальной справедливостью и мягкостью.

"В-третьих, он всегда владеет своими удовольствиями, не уступает чрезмерно при несчастье и боли, но ведет себя в таких случаях мужественно и достойно данной нам природы.

"В-четвертых (самый важный момент), он не избалован и не надулся, не вскружил голову успехом, но продолжает вести себя как мудрый человек, получая меньше удовольствия от благ, которые случай подарил ему при рождении, чем от продуктов собственных талантов и ума".

"Тех, чья душа хорошо настроена на то, чтобы играть свою роль на всех этих путях, я называю мудрыми и совершенными людьми и объявляю обладателями всех добродетелей; их я считаю истинно образованными".[\[560\]](#)

Таким образом, целью Исократа было скорее привить своим ученикам культуру и отточенность, чем научить их риторике; именно в этом он отличается от других профессоров, которые преподавали в Афинах риторику в том же духе, что и он, но теперь забыты, а также от логографов, которые учили ораторскому искусству, соответствующему афинским судам, не претендуя на то, чтобы дать что-то, кроме технических знаний по своему предмету.

В афинском суде обвинитель и подсудимый должны были произносить речь каждый сам за себя; после этого в некоторых случаях штатные адвокаты могли обратиться к присяжным, но это случалось редко. Поэтому обязанностью афинского адвоката было просто писать речи для своих клиентов, а не выступать самому. Так, метис Лузиас, не имевший права выступать в суде, был знаменитым адвокатом, или логографом, сочинителем речей, как называли его эллины.

Мантитей, скажем, оказывается вовлеченным в судебную тяжбу. Он приходит к Лузиасу и объясняет обстоятельства. Лузиас выясняет подробности, изучает законы по вопросу, изучает возраст, характер и т.д. своего клиента. Затем он пишет речь, достаточно драматизированную, чтобы она естественно прозвучала из уст Мантитея. Сочиняя ее, он имитирует возмущение, которое, по его мнению, должен испытывать его клиент, принимает бесстрастный вид оскорбленной невинности, который Мантитей демонстрировал, рассказывая историю, и так далее, пока речь не станет настоящей драматургией, подобной речам в трагедии. Когда речь была сочинена, Мантитей унес бы ее с собой, выучил наизусть и должным образом продекламировал. Со стороны Лузиаса все это - актерская игра. Привычка симулировать чувства при написании речей была опасна, когда логограф выступал по какому-либо вопросу от своего лица. Демосфен никогда не избежал подозрений в актерстве и позерстве, даже в самые впечатляющие моменты своей речи.

Помимо этих клиентов, у афинских юристов были постоянные ученики, которые либо сами собирались стать юристами, либо считали, что учеба поможет им в политической жизни. Их методы обучения, как видно на примере платоновского Файдроса, напоминали методы Исократа. В диалоге, названном его именем, Фидрос выходит на улицу, чтобы сбросить с себя последствия долгого сидения в помещении.[561] Он слушал, как Лузиас, "умнейший оратор века", произносит одну из своих речей, на которую потратил много труда. Файдрос заставил его повторить ее несколько раз, и теперь он взял книгу, чтобы выучить ее наизусть во время прогулки. Сократ уговаривает его прочитать речь вслух, и тот увлекается ее красноречием.[562] Затем Сократ критикует стиль и содержание речи[563] и сочиняет свою на ту же тему, чтобы показать, как к ней следует относиться.

В этом проявляется метод обучения. Учитель, как здесь и в случае с Исократом, произносит собственную речь, объясняя, как это было сделано, и спрашивая критики от учеников. Затем ученик заучивает ее наизусть и произносит в каком-нибудь уединенном месте. В других случаях, как это делает Сократ, мастер брал речь какого-нибудь профессора-соперника, подвергал ее суровой критике и сам сочинял лучшую речь. Этот метод демонстрируют "Бусириис" и "Елена" Исократа. Или же ученик отвечал учителю, или учитель писал две речи с противоположных сторон вопроса. Сохранившаяся работа Антифона и утраченная работа Горгия[564] относятся к этому типу.

Большинство аттических ораторов, похоже, брали себе учеников. Исайос учил Демосфена. Демосфен, в свою очередь, похоже, пользовался большой популярностью как учитель. Он "обещает научить юношей ораторскому искусству";[565] "он наполнил Аристарха пустыми надеждами стать князем ораторов в одно мгновение";[566] "он пригласил некоторых из своих учеников прийти послушать речь "О ложном посольстве", обещая показать им, как обманывать и вводить в заблуждение аудиторию";[567] "позже он будет хвастаться перед своими мальчиками своими трюками". Эти отрывки дают интересное представление о Демосфене и его учениках, увиденных сквозь зеленые очки его противника.

* * * * *

В противовес риторическим школам существовали философские школы, которые вели своих учеников к жизни в уединении и созерцании и удаляли от напряженной жизни политической и общественной деятельности.[568] Мы видели, что во времена Исократа в Афинах было много профессоров философии, которые брали плату за свой курс в размере трех или четырех мнаев. Но только один из них известен потомкам, и он давал уроки безвозмездно. В остальном Платона следует воспринимать как члена класса, пусть и самого блестящего. Преподавание Платона, как известно, сосредоточилось вокруг Академии. Между гимнасием и Колоносом у Платона был дом и сад, которые он завещал своей школе. Когда он и его ученики хотели уединиться, они уходили в сад; в остальное время они часто посещали Академию, от которой их школа получила свое название. Попасть в школу мог не каждый, поскольку, поскольку Платон преподавал безвозмездно, он мог выбирать учеников. Он ожидал, что будущие ученики должны быть хорошо знакомы с геометрией: должно быть, существовал какой-то вступительный экзамен. Его преемник Ксенократ, обнаружив, что абитуриент не знает музыки, геометрии и астрономии, велел ему убраться: "ибо ты не даешь философии шанса завладеть тобой".[569] Внутренний круг школы питался совместно: банкеты были очень простыми. Привыкший к богатой жизни афинский полководец Тимофей, побывав на одном из таких обедов, заметил при встрече с Платоном на следующий день: "Твои обеды на следующий день приятнее, чем в то время".[570] После трапезы, вероятно, приходило большее число друзей; так, во всяком случае, было принято на подобных собраниях, проводившихся философом Менедемом поколение спустя.[571] Дискуссия часто

продолжалась всю ночь. Существовал фиксированный кодекс правил, регулирующих эти посиделки,[572] который наводит на мысль о платоновских любезностях в "Законах" по поводу воспитательной ценности строго регламентированных приступов опьянения. Но пьянство, конечно, не допускалось: Платон особенно возражал против него и говорил пьяницам, чтобы они посмотрели в зазеркалье и больше никогда так не ошибались.[573] Это противоречило его строгим канонам физической красоты и приличия. Интересно отметить, что автор "Республики" допускал женщин на равных условиях в этот внутренний круг Академии, вопреки афинским предрассудкам. Ластинея из Мантинеи и Аксиотия из Флиуса, одетые в мужские одежды, - первые в истории поборницы прав женщин на университетское образование.[574] Дискуссии этой клики, вероятно, велись по образцу платоновского диалога и, несомненно, были на уме у Платона, когда в "Законах" он создал свое любопытное этическое и политическое общество для старших и мудрейших членов своего государства.

Но допуск к этим тайнам должен был быть закрыт для сравнительно немногих, личных друзей и зрелых мыслителей: члены общества составляли скорее частный клуб, чем систему образования. Молодой афинянин, желавший по окончании начального образования изучать философию под руководством Платона, имел в своем распоряжении два средства: лекции в различных общественных местах; кроме того, в Академии существовала школа для юношей.

Единственная лекция,[575] которой сохранился хоть какой-то определенный след, не имела большого успеха с образовательной точки зрения. Платон заранее объявил, что его темой будет "Благо". Собралась огромная толпа, ожидая услышать аккуратное исократовское обсуждение таких вещей, как здоровье, богатство, дружба, которые, по общему мнению, были претендентами на звание блага. Но Платон начал говорить об арифметике, геометрии и астрономии и рассуждать о Едином как о Благе. Вся лекция была написана загадочным языком. Большинство слушателей ушли в отчаянии.[576] Только опытные платоники, такие как Аристотель, Гераклid и Гестий, делали все возможное, чтобы понять лекцию, и вели записи. Вся идея "популярной лекции", должно быть, была противна Платону. По его мнению, знания были уделом немногих, кто, обладая большими природными способностями, мог годами посвящать себя непрерывному изучению и исследованиям. Ученик должен быть талантлив с самого начала: он должен пройти долгий курс подготовительных занятий по логике и математике: только в среднем возрасте он может приблизиться к внутренним тайнам философии. Придерживаясь подобных образовательных идей, Платон, естественно, делал свои лекции непонятными для всех, кроме немногих: главным предметом его публичных изложений, по-видимому, была та любопытная математическая метафизика, которую Аристотель называет платоновской, хотя она нигде не встречается в сохранившихся диалогах. Прочитав "Метафизику" Аристотеля, современный исследователь, возможно, поймет, насколько трудными должны были быть лекции Платона.[577]

В школе при Академии Платон, по-видимому, обучал своих учеников главным образом логике и математике. Логика состояла в основном из определений, таких, за которыми постоянно охотился Сократ, и того любопытного процесса "деления", который так подробно показан в "Софисте" и "Политике". Диоген Лаэртский[578] приводит длинный каталог таких делений, из которых только несколько можно найти в дошедших до нас произведениях: остальные, должно быть, фигурировали в школе и сохранились в виде традиций в комментариях. Один комический поэт оставил изображение школы логики за работой[579] :-

"А. Что же Платон, Спевсипп и Менедем? Над чем они сейчас работают? О чем они думают? Какой спор ведется между ними? Скажи мне, молю, если знаешь.

"Б. Я могу сказать тебе ясно. Ибо в Панафинейх я видел стадо (ἀγέλη: обратите внимание на спартанское слово) юношей в гимнасии Академии и слушал странные, грозные споры. Они составляли определения по естественной истории. Они разделяли жизнь животных, природу деревьев и племена овощей: затем, среди этих последних, они спросили, к какому племени принадлежит огурец.... Сначала они стояли безмолвные и, опустив головы, долго думали. И вдруг, пока парни еще опускали головы и размышляли, один из них сказал, что это круглый овощ, другой заявил, что это трава, третий предположил, что дерево. Присутствовавший при этом сицилийский доктор высмеял их самым грубым образом. Но ребята не обратили на это внимания, и Платон, очень мягко, ничуть не теряя самообладания, велел им снова попытаться определить вид, к которому оно принадлежит. И они снова принялись за свои деления".

В "Софисте" таинственный незнакомец делит искусство на (1) творческое или продуктивное, (2) приобретательское. Затем приобретательское искусство на (1) приобретение путем обмена, (2) приобретение путем захвата. Затем искусство, которое приобретает свой объект путем захвата, делится на публичное, или соревновательное, и тайное, или охотничье. Затем, когда охота была должным образом разделена и подразделена, получается определение рыбалки. В пародии Эпикрата тот же процесс используется для определения "огурца", хотя этапы, конечно, перепутаны. Огурец - это форма жизни. Жизнь делится на животных и растительность: растительность - на деревья и овощи. Тогда возникает вопрос, к какой половине относится огурец. Кто-то из учеников говорит, что это овощ, кто-то - дерево. И урок начинается снова.

Похоже, от учеников Платона ожидали, что они будут тщательно следить за своим внешним видом: их опрятность часто становится предметом насмешек современных комиков[580] :-.

Затем из Академии поднялся умный молодой человек.

из Платоновской академии.

Волосы его были аккуратно приглажены, нога аккуратно зашнурована сандалиями, связанными ровными отрезками шнурками, закрученными вокруг лодыжек:
И аккуратен корсет его увесистого плаща.

И снова:

А. Кто этот старик вон там, не знаете ли вы?

В. Он похож на эллина, одет в белую мантию,
серую тунику, маленькую мягкую фетровую шляпу,

Хорошо отточенный посох[581] , короче говоря,

Как будто мельком взглянул на "Академию".[582]

В литературе сохранилось несколько изображений самого Платона, когда он ходил взад-вперед среди своих учеников, борясь с интеллектуальными трудностями. Один из персонажей романа "Алексис"[583] говорит другу, который пришел его навестить:

Ты пришел как раз вовремя. Я в затруднительном положении.

Хотя я хожу вверх и вниз, как Платон, я

Ничего толкового не нашел, а ноги устали.[584]

Амфис в своем "Дексидемиде" сказал:

Платон, все, что ты можешь делать, - это хмуриться, сурово вскидывая брови, как моллюск.[585]

Психологическая тоска Фидона, постоянно прерываемая холодными потоками скептицизма, должна была найти отклик в школьном обучении Платона, о чем свидетельствуют следующие диалоги из "Комедии"[585]:-

А. Моя смертная рама иссохла:

Моя бессмертная часть устремилась в воздух.

В. Почему, благословите нас, мы в школе Платона?

И

А. Ты человек, очевидно, и у тебя есть душа.

В. Как у Платона, не знаю, но подозреваю[585].

О дисциплине в Академии при Платоне ничего не известно: следующая история[586] относится к школе спустя некоторое время после его смерти. Некий Полемон договорился со своими молодыми друзьями, посещавшими школу, что он ворвется в комнату во время урока, пьяный и увешанный гирляндами. Так он и поступил. Но учитель, Ксенократ, спокойно продолжил свою лекцию, которая, как оказалось, была посвящена трезвости. Такое поведение совершенно покорило Полемона, и он стал самым прилежным учеником, а в конце концов сменил Ксенократа на посту учителя.

О том, как Платон любил своих учеников, достаточно свидетельствуют его собственные стихи. Одного из них звали Астер, или Звезда. Однажды, когда мальчик изучал небеса, его учитель написал о нем следующую эпиграмму: "Звезда души моей, ты взираешь на небо.

Звезда души моей, ты смотришь
На звездные небеса;
Я завидую Небу, что следит
Твой лик бесчисленными очами.

А когда он умер, Платон написал ему эпитафию:
Ты был утренней звездой среди живых,
Пока не угас твой свет:
Теперь, будучи мертвым, ты, как Геспер, даришь
Новое великолепие мертвым.[\[587\]](#)

Дополнительным доказательством служат его усилия по защите Дионуса и Диона, которые привели его к стольким опасностям на Сицилии.

Платон преподавал в Афинах почти непрерывно с 388 по 347 год. Среди его учеников, несомненно, были многие выдающиеся люди того времени: Упоминаются Хабрий, Ификрат, Гуперейд, Фокион, Лукурт и Демосфен, а также философы Спевсипп, Ксенократ, Гераклид Понтийский и Аристотель. Но потомки опрометчиво приписывали учеников всем великим учителям древности, поэтому каталог не имеет большого веса. Интересно отметить, что школа в целом подвергалась нападкам за то, что производила тиранов: горькое описание бедствий тирании в "Республике" - это одновременно печальное размышление о бывших учениках и предупреждение тем, кого он обучал в то время. Но царь-философ, воплощавший идеальную форму правления Платона, вполне мог оказать развращающее влияние на учеников. Дион, философ и патриот, ставший тираном, является интересным комментарием к "Республике".

Преподавание в Академии велось безвозмездно, но желающие могли делать подарки своему учителю. Дионусий подарил Платону более 80 талантов.[\[588\]](#)

Школа Аристотеля в Лукионе мало чем отличалась по своим методам от школы Платона в Академии. Он был учеником Платона в течение двадцати лет, прежде чем начал преподавать самостоятельно. Он давал уроки, прогуливаясь вверх и вниз по аллеям Лукиона. В ранний период, во всяком случае, он, похоже, преподавал риторику, причем преподавал ее в изократовской манере: мы слышим, как он задает тему, на которую он и ученики произносят речи "в риторической манере". Позже школа стала домом универсальных знаний и исследований; в этом отношении Аристотель - наследник изрядно поизносившихся софистов. Он перенял обычай Ксенократа назначать одного из учеников архонтом школы на десять дней, а затем другого: эта система, должно быть, освобождала его от многих мелких дел.[\[589\]](#) Ежедневно он читал два курса лекций: утром - на заумные темы для избранных

учеников, а после обеда - открытые для всех желающих и более понятные по содержанию и манере изложения.^[590] Его слава как учителя была достаточной, чтобы удостоиться чести быть избранным воспитателем Александра, и он, похоже, сохранил уважение своего ученика, если не сказать, его привязанность. Аристотель, мечтавший о крошечном городе-государстве, и Александр, мечтавший о мировой империи и осуществивший свою мечту, представляют собой неудачную пару. Что бы отдал Платон за возможность воспитать такого царя-философа?

То, что в Афинах существовала ожесточенная вражда между различными лидерами образования, само собой разумеется. Эллин не мог терпеть конкурентов, как и итальянец эпохи Возрождения. Исократ нападает на Платона,^[591] Платон на Исократа, а затем их ученики передают эту ссору следующему поколению. Оба с одинаковой враждебностью нападают на странствующих софистов и эристов, которые энергично отвечают им взаимностью. Будущему ученику, должно быть, нелегко было выбрать профессора, у которого он хотел бы учиться, когда о каждом из них было сказано так много плохого.^[592]

* * * * *

Риторические и философские школы предназначались только для богатых и обеспеченных людей: у бедняков не было ни времени, ни денег, необходимых для их посещения. Но они не были полностью лишены доступа к высшим знаниям. Софисты по-прежнему читали лекции для рекламы в общественных местах. Кроме того, существовали книги, которые становились все более многочисленными и дешевыми: каждый афинянин мог читать. Насколько важную роль в национальном образовании стали играть книги, можно судить по работам Исократа и Платона, которые оба чрезмерно возмущены вторжением такого конкурента.

"Я знаю, что прочитанное обладает меньшей силой убеждения, чем услышанное. Принято считать, что речь, если она произнесена, затрагивает серьезные и важные темы; если же она только написана, но никогда не произносилась, предполагается, что она направлена лишь на достижение эффекта и выполнение договора. Это мнение вполне обоснованно. Ведь письменная речь лишена престижа присутствия автора, его голоса и правильной риторической подачи: ее читают, когда повод, вызвавший ее, уже прошел, а вопросы, которые в ней обсуждаются, соответственно, менее интересны. Раб, который читает ее вслух, не вкладывает в нее никакого характера, а произносит ее так, словно пересчитывает пункты счета". Таков взгляд Исократа, несколько вольно переведенный, на "письменное слово", которое его застенчивость заставляла его использовать вместо устного, и он умоляет Филиппа Македонского, к которому он обращается, отбросить обычное предубеждение против письменности.

Платон относился к письменному слову с еще большим презрением. Для него оно - причина забывчивости; те, кто пользуется письмом, учатся полагаться на свои записи, а не на память, и привыкают регистрировать свои впечатления на восковых таблицах, а не в уме.^[593] Кроме того, автор не может контролировать распространение своих произведений; они могут попасть к тем, кому они не предназначены.^[594] Ведь Платон ожидает, что и оратор, и писатель будут выражать только то, что подходит их аудитории; учитель должен, изучая психологию, знать, какие аргументы принесут пользу, а какие - вред каждому конкретному ученику. Но книга вообще не может передавать знания в платоновском смысле этого слова, ибо она не способна ответить на вопросы или объяснить смысл своего автора, если читатель не понимает его.^[595] Понимание факта или утверждения, сделанного по авторитету автора, без понимания смысла и объяснения не является знанием.^[596] Следовательно, даже лекция^[597] или проповедь, а тем более книга, автор которой отсутствует или умер, не могут

дать знания; чтобы получить его, необходимы долгая учеба и суровый курс диалектики. Обладатель истинного знания должен уметь защищать свою точку зрения от любых противоположных аргументов и сам поддерживать ее в дискуссии:[598] ни книга, ни лекция не могут дать такого близкого знакомства с каждой точкой зрения. Кроме того, преподавание похоже на сельское хозяйство. Есть разные почвы и разные умы. Семя знания принесет разные плоды на разных почвах, и есть такие типы ума, в которых некоторые конкретные семена вообще нельзя сеять. Таким образом, один и тот же учитель будет давать совершенно разные философские результаты в разных умах, как это делал Сократ со своими разными учениками. Именно развитие индивидуального интеллекта и способностей каждого ученика, а не насаждение его собственных теорий, является истинной целью учителя.[599] Следовательно, даже последовательная схема догм неверна для образовательных целей; ведь она может подходить интеллекту самого учителя, но не может подходить всем его ученикам.

Поэтому, чтобы соответствовать своим собственным образовательным идеалам, Платон делает свои произведения непоследовательными: они не являются сводом жестких догм. Кроме того, он обеспечивает в них именно ту дискуссию, которой, как он отмечает, не хватает в большинстве книг; в его книгах можно задавать определенное количество вопросов, поскольку он сам предвосхищает их и отвечает на них в диалоге. Таким образом, он заставляет свои слова проходить через алембик[600] мозга каждого ученика и выходить в соответствии с типом ума, через который они прошли. В истинном платонизме нет принуждения к авторитету.

Платон отказывался публиковать философию от своего имени. Говоря устами других, он мог менять свои взгляды по своему усмотрению. Письменное слово, заявляет он, обязательно должно содержать много пустяков. Его сочинение - хорошее развлечение в часы досуга.[601] Его единственная польза заключается в том, что оно служит напоминанием писателю о том, что он уже знает, когда на него наваливается забывчивость старости. Но писатель ничего не стоит, если у него в голове нет ничего лучше, чем то, что он написал на бумаге,[602] "крутя слова вверх и вниз, склеивая их вместе и раздвигая".[603]

Книги, однако, уже были серьезными конкурентами личному общению как средство образования. Библиотеки, основанные Писистратом в Афинах и Полукратом на Самосе, были, правда, почти наверняка сказочными; ведь Еврипида сатириковали за обладание коллекцией книг, так что в его время это, должно быть, было в новинку. Вероятно, до эпохи Перикла книги были большой редкостью, но затем они быстро размножились. Дети пользовались ими в школах. Школьные учителя должны были обладать ими: Алкивиад побил одного за отсутствие экземпляра Гомера. Комический поэт Алексис заставляет хозяина Геракла, Линоса, иметь копии Орфея, Гесиода, трагиков, Хорилоса, Гомера, Эпихарма и всевозможных прозаических произведений, включая кулинарную книгу. Груз книг потерпел крушение в Салмудессосе,[604] что указывает на большую книжную торговлю в эллинских водах. Эвтудемос, спутник Сократа, обладал прекрасной коллекцией самых известных поэтов и софистов, включая произведения Гомера.[605] Сократ предполагает, что он собирал свои книги, чтобы изучать медицину, по которой было много трактатов, или архитектуру, или геометрию, или астрономию. Это показывает, как множились справочники, посвященные самым разным предметам.

Трактату Ксенофонта "О лошади" предшествовала аналогичная работа Симона;[606], помимо более определенных исторических и философских работ, он также написал "Об охоте", "Об обязанностях офицера кавалерии", "Об управлении хозяйством" и "О конституции Спарты". Его "Воспитание Куроса" скрывает в себе трактат об обязанностях полководца.

Тематика трактата характерна для нового движения; ведь ранее эллины полагали, что Гомер и Гесиод обучают всему искусству земледелия и полководчества. В ходу были и другие сельскохозяйственные трактаты, содержащие много теории, но очень мало практических знаний.^[607] Позднее, в четвертом веке, Айней Тактик написал руководство для полководцев. Медицинские трактаты в большом количестве выходили из школы Гиппократ и, вероятно, из других мест. Харес и Аполлодор опубликовали труды по земледелию,^[608] Митайкос - сицилийскую поваренную книгу,^[609] Метродорос - книгу гомеровских аллегорий. Книги о путешествиях и географии также упоминаются Аристотелем.^[610] Руководства по "Риторике" впервые были составлены Кораксом и Тисием: они касались темы "аргументов от вероятности". Показательные выступления были написаны Антифоном и Горгием. Трактат Полоса о систематическом построении речи был прочитан Сократом. Фрасумахос опубликовал работу "Призывы к состраданию".

Цены, вероятно, были невысокими, так как труд по копированию мог быть дешево выполнен с помощью рабов. Сократ в "Апологии Платона"^[611] упоминает, что копию Анаксагора с сайта иногда можно было купить за драхму; и нет оснований полагать, что Анаксагор был особенно дешев. Если это была средняя цена, то книги должны были быть по карману большинству афинян.

^[529] Исократ явно считал их своими образовательными конкурентами. См. Antid. 310 A, и конец Панег.

^[530] Очерк о них есть в Isok. Panath. 236 C; к лекции о Гомере трое или четверо из них приложили нападки на Исократа.

^[531] Isok. Antid. 99.

^[532] Isok. Soph. 10. 293 A.

^[533] Isok. Soph. 4. 291 D. Ср. современные "деньги осторожности".

^[534] Isok. Pan. 26. 238 A.

^[535] Isok. Антид. 118. 265.

^[536] Isok. Panath. 238 D.

^[537] Isok. Антид. 118. 266.

^[538] Ibid. 118. 268.

^[539] Isok. Антид. 118. 268.

^[540] Ibid. 91.

^[541] Исок. письмо к Александру.

^[542] Isok. Панат. 275. Примечательно, как много его учеников стали историками - Эфорос, Феопомп, Андриотон, Асклепиад.

^[543] См. например, "О клевете" (Antid. 313 E), "О речи" (115. 255).

^[544] Isok. Антид. 48.

^[545] Полный его анализ см. в Jebb's Attic Orators.

^[546] Isok. ag. Soph. 294 C; Antid. 91-93 и т. д.

- [547] Ibid. 294 E.
- [548] Isok. Антид. 121.
- [549] Isok. ag. Soph. 295 D.
- [550] Isok. Areiop. 151 B.
- [551] Isok. Филипп, 85, 86.
- [552] Isok. Антид. 106.
- [553] Ibid. 318 C.
- [554] Ibid. 316 C.
- [555] Isok. Антид. 110.
- [556] Ibid. 62.
- [557] [Демос.] Лакритос, 15 и 42.
- [558] [Плутарх] Десять ораторов, 837.
- [559] Isok. Antid. 129.
- [560] Isok. Panath. 239.
- [561] Plato, Phaedr. 227-228.
- [562] Ibid. 234 D.
- [563] Критика не подходит Лузию; она гораздо лучше подходит Исократу.
- [564] Цицерон, Брут, xii. 46-47.
- [565] Aischines, Timarch. 171, 173.
- [566] Ibid. 171.
- [567] Ibid. 175.
- [568] Plato, Gorg. 484-486; конец Эвтида; Theait. 172-177; Rep. 496.
- [569] Diog. Laertius iv. 2. 6.
- [570] Athen. 419 d.
- [571] Ibid. 419 e и 55 d.
- [572] Атен. 186 b.
- [573] Diog. Laertius iii. 26.
- [574] Ibid. iii. 31.
- [575] См. об этой лекции Симпликия (о физике Аристотеля, р. 202 В, 36), а также Аристоксена, Хармон, нач. кн. ii. По крайней мере, один раз она была прочитана в Пейрее (Themist. Orat. 21. 245).

[576] Народное отношение можно увидеть в обращении Амфиса к Амфрикату (Diog. Laertius iii. 25): "Я не больше знаю, какое благо ты получишь, чем я знаю, что такое благо Платона".

[577] Платон, похоже, также читал свои диалоги публично. Фавоний утверждал, что только Аристотель из всех присутствующих остался до конца, когда Платон таким образом читал "Фидон" (Diog. Laertius iii. 25).

[578] Diog. Laertius iii. 45, etc.

[579] Эпикрат (в Athen. 59 d, e).

[580] Эфиппос, потерпевший кораблекрушение (Афин. 509).

[581] εὔρυθμος, вероятно, удар по требованию Платона о "ритме".

[582] Антифан, Антарос (Athen. 545 a).

[583] Алексий, Меропис (Diog. Laertius iii. 22).

[584] Это хождение вверх-вниз было характерно для эллинского учения. Сравните перипатетиков и Архута в храме-саду в Тарентуме (Athen. 545 b).

[585] Diog. Laertius iii. 22.

[586] Ibid. iv. 3. 1.

[587] Первый перевод - мой собственный, второй - Шелли.

[588] Saturos and Onetor in Diog. Laertius iii. 11.

[589] Приведенные выше подробности взяты в основном из Diog. Laertius v.

[590] Aul. Gell. xx. 5. 4.

[591] Платон также враждовал с Антисфеном, который написал против него диалог, назвав его Сато, с Аристиппом и с Аистином Сократиком (Diog. Laertius iii. 24).

[592] Критон чувствует эту трудность в Евтуде. 306 D, E.

[593] Plato, Phaedr. 275 A.

[594] Ibid. 275 E.

[595] Plato, Phaedr. 275 D; Theait. 164; Protag. 329 A, и 347 E.

[596] Таким образом, книжное знание - это тепличное растение, выросшее неестественным образом в одно мгновение, и очень хрупкое, когда его выставляют на открытый воздух критики (Phaedr. 276-7).

[597] Платон, Софист, 230 A.

[598] Plato, Menon, 97; Rep. 534 B, C.

[599] Plato, Rep. 518.

[600] Plato, Phaidr. 277 A.

[601] Plato, Phaidr. 276 D, E.

[602] Платон, очевидно, считал свои диалоги мелочью по сравнению с тем, чему он учил свой внутренний круг.

[603] Plato, Phaedr. 278 D.

[604] Xen. Anab. vii. 5. 14.

[605] Xen. Mem. iv. 2.

[606] Xen. Horsemanship, i.

[607] Xen. Econ. xvi.

[608] Aristot. Pol. i. 11. 7.

[609] Plato, Gorg. 518 B.

[610] Aristot. Pol. ii. 3. 9.

[611] Plato, Apol. 26 D.

ГЛАВА VII

ТРЕТИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

По достижении восемнадцати лет молодой афинянин частично достигал совершеннолетия. Его имущество переходило в его собственность, если он был подопечным, и он мог теперь судиться со своими опекунами, если они его обманули. Но до двадцати лет он не мог выступать ни в каком другом судебном процессе, ни участвовать в народном собрании, ни платить налоги.

Прежде всего, его дэма или приход должен был проверить его, чтобы убедиться в том, что он имеет надлежащее происхождение и достиг необходимого возраста.[612] Если его отвергали, дело передавалось в обычный Афинский суд. В случае повторного отказа, если он был отвергнут по возрасту, он возвращался в ряды мальчиков, чтобы дожидаться нового испытания, а если по возрасту, то его могли продать в рабство, а его цену внести в казну. Если же его принимала дэма, он снова проходил проверку в афинском Буле 500, который мог отменить свое решение.[613]

Пройдя все эти предварительные экзамены, мальчик заносился в список своего дэма, ληξιαρχικὸν ὑπαρχατῆϊον, и становился в глазах закона эфебом. Тогда он должен был принести торжественную клятву в храме Аглароса в следующих выражениях[614] :- "Я не опозорю свою святыню".

"Я не опозорю свое священное оружие и не брошу товарища, который находится рядом со мной. Я буду сражаться за святое и не святое, будь я один или с другими. Я передам свое отечество большим и лучшим, чем я его нашел. Я буду слушаться магистратов и повиноваться существующим законам и тем, которые будут установлены в будущем[615] народом. Я не соглашусь ни с кем, кто разрушает или нарушает конституцию, но буду препятствовать ему, будь я один или с другими. Я буду чтить храмы и религию, которую установили мои предки. Да помогут мне Аглаурос, Энуалий, Арес, Зевс, Талло, Авксо, Гегемон".

Эта клятва и церемония должны быть древними. Оратор Лукуркос[616] относит их к "древним законам и обычаям первооснователей" и утверждает, что клятва эллинской армии при Платее в 479 году была подражанием клятве афинских эфебов. Этим торжественным актом эфебы принимали на себя обязанности и ответственность афинского гражданина. Так, в диалоге Платона "Критон"[617], где афинские законоучители выступают в защиту своих интересов, они говорят: "Когда кто-либо прошел экзамен и ознакомился с конституцией города и с нами, афинскими законоучителями, мы предлагаем ему, если он недоволен нами, взять то, что ему принадлежит, и идти, куда ему угодно. Если же он останется, мы считаем, что он обещал нам повиноваться". Ибо есть веские доказательства, помимо тех, что приведены в вышеприведенном отрывке, свидетельствующие о том, что афинских мальчиков учили законам их города, прежде чем они обещали им подчиняться. Так, Айсхинес говорит: "Если кто-либо записан в мустьерский вал своего дема и знает законы города".[618] Платон выражается еще более определенно: "Когда дети покидают школу,[619] город заставляет их изучать законы".[620] Так что эфеб знал, что делал, когда клялся подчиняться законам страны.

Тем временем племена собрались и выбрали по три мужчины старше сорока лет, из которых собравшиеся избрали одного, чтобы он присматривал за эфебами каждого племени.[621] Этих надзирателей называли софронистами или модераторами. О том, что эти Учителя, вероятно, восходят к солонским временам и осуществляли общий, но редкий надзор за всем образованием, я постарался показать в главе II. В их компетенцию входила мораль и дисциплина эфебов, чья военная подготовка, естественно, контролировалась военными офицерами, генералами и таксиархами; позже, однако, когда эфебы перестали быть военным органом, эти последние функционеры перестали иметь к ним какое-либо отношение. Ближе к концу четвертого века народ избрал одного Косметеса или канцлера для эфебов; впервые он упоминается, если отвергнуть вероятно поддельный отрывок из Аксиоха, в надписи, в которой он вместе с эфебами и модераторами года награждает короной Феофана при архонстве Никострата (333-332 гг. до н.э.).[622] Но в 280 году до н. э. в списке должностных лиц и магистров эфебов упоминается Космет, но нет Софрониста:[623] в то время эфебы были слишком малочисленны, чтобы нуждаться в офицере для каждого племени.

Вновь назначенные магистраты сразу же брали в управление эфебов своего года. Молодых новобранцев сначала водили по храмам, а затем отправляли в гарнизоны в Мунухии и Пейрее. Софронистай назначал для них мастеров и помощников, которые обучали их владению тяжелым оружием, а также луком, копьем и катапульты. Также было два пайдотрибая для занятий гимнастикой. Эти мастера, а также более поздние, такие как учителя литературы, капелланы, врачи и т.д., регулярно появляются в надписях после 300 г. до н.э.[624] За свои услуги софронистай получали драхму в день. Они также получали по четыре оболы за каждого эфеба в своем племени, из которых они должны были обеспечить паек и т.д.; эфеб не распоряжался деньгами сам. Каждое племя сообща управлялось.[625]

Кроме софронистаев и косметов, за эфебами следил совет Арейопагоса. Дисциплина, по-видимому, была довольно строгой: в "Аксиохосе"[626] говорится о "прутьях и безмерном зле". Зато было много развлечений и, судя по всему, много отдыха. Было очень много специальных праздников, в которых принимали участие эфебы. На праздниках Гефеста и Прометея устраивались факельные гонки, в которых участвовали команды эфебов из каждого племени, обученные за счет гумнасиарха. Для эфебов также была отведена специальная часть театра.[627]

Несомненно, значительную часть времени эфебои проводили в тяжелых физических упражнениях в гимнасиях. Аналогия с эфебоями в "Республике" и "Законах" Платона наводит на эту мысль. В "Аксиохосе" упоминаются, как следствие зачисления в эфебои, "Лукион и Академия", то есть практика в этих гимназиях. Ксенофонт,[628] непосредственно перед упоминанием "периполоев" или эфебоев на втором году обучения, говорит о "тех, кому приказано заниматься гимнастическими упражнениями", явно имея в виду этот период. Он предполагает, что их обязанности выполнялись бы лучше и веселее, если бы они получали большой паек, чем те, кто тренировался для факельных забегов; для этих последних, несомненно, либеральный гумнасиархос мог подавать еду стоимостью гораздо больше, чем четыре обола в день. Вероятно, для этих обязательных занятий гимнастикой отбирали только тех, кто был физически слабее: Фраза Ксенофонта, по-видимому, отличает их от эфебоев, отобранных для факельного бега, которые, естественно, были самыми физически крепкими в племенном контингенте.

В конце первого года обучения эфебои появлялись в театре у великой Дионусии, чтобы продемонстрировать свои военные упражнения и выученные приемы. После смотра они получали от государства копье и щит.[629] Сыновья павших в бою, будучи подопечными государства,[630] получали полный комплект доспехов. Это оружие, полученное эфебоями от государства, считалось священным: поэтому выбросить щит в бегстве считалось серьезным проступком, почти святотатством.[631]

ПЛАТА IX.

УРОК ЕЗДЫ - МОУНТИНГ Archaeologische Zeitung, 1885, Plate 11.
Из Куликса в Мюнхене, приписываемого Евфронию.

Получив от государства оружие, эфебои были выведены из Афин и провели большую часть следующего года, патрулируя страну и границы, а также гарнизируя крепости.[632] Аттика была усеяна этими περὶ πόλιν, или патрульными пунктами, от Ойноз и Фуле на северо-западной границе до Анафлустоса и Торикоса на юге. Эфебои, как и κρυπτοί в "Законах" Платона и в Спарте, перемещались из района в район, чтобы приобрести глубокие знания о географических особенностях своей страны. Племенные компании, на которые они были разделены, помогали друг другу на различных участках. Так, в 334-333 годах мы знаем, что в

Элевсисе последовательно размещались племена Гиппотонтидов и Кекропидов, поскольку жители этого района дважды выражали им благодарность за отличную дисциплину, которую они поддерживали.^[633] Возможно, существовали и лагеря под открытым небом: в Элевсинских надписях говорится о *ὑπαίθριοι*.

В патрулировании эфебоям, по-видимому, помогали наемники из иностранцев. Фукидид^[634] утверждает, что Фрунихос был убит периполом: афинский народ, по словам Лузиаса, наградил Трасубулоса из Калудона как убийцу и запечатлел его имя на столбе.^[635] Если историк хотел оспорить эту награду, он должен был сослаться на нее, поскольку она явно была общепринятой версией. Он также сообщает, что заговор был устроен в доме капитана периполоев, и упоминает аргивянина в качестве одного из сообщников: Лузиас упоминает мегарца. Оба эти иностранца, вероятно, были периполоями. Но иностранные юноши не могли в этот период быть допущены к службе в племенных ротах эфебоев. Легенда, правда, утверждает, что эта привилегия была предоставлена юношам Коса в честь великого врача Гиппократу; но даже это лишь показывает, что все остальные государства были исключены. Действительно, иностранцы не зачислялись в афинские эфебои до гораздо более поздней эпохи, когда система уже не была военной.

Что же тогда представлял собой этот "Иностранный легион"? М. Жирар отождествляет его с конными лучниками, опираясь на отрывок из "Птиц" Аристофана. Неизвестное божество вторглось на территорию города Облака-кукушки. Пейстхетайрос восклицает: "Почему ты сразу не послал за ним периполои?". На что гонец отвечает: "Мы послали 30 000 конных лучников". В надписях в Элевсисе также говорится о том, что под началом капитана периполои служат войска, не принадлежащие гражданам. Эти наемные войска, не имеющие никаких гражданских обязанностей, естественно, использовались в качестве патруля. Более того, для афинянина слово "лучник" означало "полицейский". Афины охраняли иностранные "лучники": вполне естественно, что Аттика охранялась таким же образом, только конным отрядом, поскольку нужно было преодолевать большее расстояние.^[636] Но возможно также, что неафинские периполои были сыновьями *μέτοικοι ἰσοτελεῖς*, которые, будучи вынуждены служить гоплитами, когда вырастут, должны были пройти предварительную подготовку; этих чужеземных гоплитов Фукидид^[637] объединяет с рекрутами и ветеранами, которые гарнизонировали афинские стены и крепости: они, по-видимому, служили вечным патрулем.

Первые три класса состоятельных афинских граждан должны были пройти эту подготовку, так как, хотя два первых были предназначены для службы в кавалерии, они также могли быть призваны на службу в качестве гоплитов. ^[638] Богатые молодые эфебои, у которых было много свободного времени, естественно, обучались как кавалерийскому, так и пехотному строю. Более бедные дзеугитаи должны были учиться только как тяжелая пехота, и им, вероятно, разрешалось проводить значительную часть времени на своих фермах в Афинах. А что же четвертый класс, теты? Они не подлежали призыву в качестве гоплитов, но должны были служить на суше в качестве легковооруженных войск или на море в качестве гребцов. Проходили ли они также рекрутский курс? Теперь гарнизоны афинских крепостей и стен состояли из гоплитов:^[639] здесь нет никаких следов тетов. Но дозорные функции в горах вряд ли выполнялись тяжелыми войсками: заметно, что у Ксенофонта для этой цели предлагаются легкие войска, когда Сократ разрабатывает продуманную схему удержания границ Аттики от всех захватчиков.^[640] В следующем веке, во всяком случае, легкие войска использовались для этой цели. В более поздней работе Ксенофонт говорит о "тех, кому приказано занимать крепости, и тех, кто должен служить пельтастами и патрулировать страну",^[641] в отрывке, где он явно имеет в виду эфебоев. Таким образом, есть два класса:

гарнизоны, которые, естественно, должны быть гоплитами, и патрули, которые являются пельтастами, подходящими для альпинизма. Но пельтасты стали появляться только к концу Пелопоннесской войны: первое упоминание о них содержится в рассказе Фукидида об армии Брасида. До этого времени легкие войска состояли из лучников и некоторых пращников; так, в памятнике павшим в 459 году эрехтеидам после гоплитов упоминаются четыре лучника.[642] Но они были малочисленны: в 431 году до н. э. их было всего 1600. Большинство фетисов служили на кораблях. В "Птицах" Аристофана, появившихся в 414 году, когда речь шла об отражении внезапного набега, сразу после упоминания периполои, Пейстетайрос приказывает своим приближенным вооружиться пращами и луками: это явно оружие для летучей колонны, отправленной в погоню за налетчиками.[643]

Отрывок Ксенофонта дает понять, что в четвертом веке в составе эфебских войск были пельтасты; отрывок Аристофана говорит о вероятности наличия среди них лучников и пращников в пятом веке. Но состояли ли эти легковооруженные отряды из предприимчивых зевгитов, которые добавили эту подготовку к гоплитским тренировкам, или это был небольшой отряд фетесов, установить невозможно. Во всяком случае, феты не должны были быть многочисленными в эфебских войсках, так как они не могли выделить время, необходимое для столь длительных тренировок.[644]

Как правило, от эфебов не ожидали большего, чем охрана границы и отражение случайных набегов: однако даже это должно было дать им много работы в военное время. Но они участвовали в великой победе Муронида при Мегаридах в 458 году, когда Афинам пришлось использовать свои резервы.[645] Либо они, либо "иностраннный легион" присоединились к более позднему вторжению в Мегару.[646] Но, как правило, они служили только для обороны дома. Их рекрутский курс заканчивался на двадцатом году жизни: отныне они были обычными афинскими гражданами и солдатами.

Примерно в 332 году до н. э., когда Лукуркос произнес свою речь против Леократа, старая эфебская система, похоже, еще действовала. Предположение о том, что Леократ мог уклониться от эфебической клятвы, является лишь риторическим, поскольку оратор сразу же переходит к предположению, что он ее давал.[647] В 328 году, вероятной дате написания афинской конституции Аристотеля, она, по-видимому, еще существовала, поскольку философ записывает ее как часть современного режима. Надписи подтверждают эти авторитеты. Список эфебов из племени кекропидов, зачисленных в 334 году, приводится под благодарственным голосом: верхняя часть списка исчезла, но число их было, очевидно, велико.[648] По фрагментам можно судить о сорока четырех именах, принадлежащих к шести или семи демам из двенадцати, составлявших племя; но, очевидно, самые маленькие контингенты находятся в нижней части, так что в племени вполне могло быть сто имен, а всего эфебов - 1000. Учитывая обнищание Аттики и последующее сокращение гоплитского сословия, это, вероятно, справедливая доля эфебов.[649] Племенной контингент все еще достаточно велик, чтобы служить гарнизоном Элевсиса и действовать самостоятельно.

Но в следующем столетии численность падает до двадцати девяти и двадцати трех человек. Должно быть, служба была добровольной. Более того, встречаются братья, служившие вместе, из чего можно сделать вывод, что точный возрастной ценз больше не учитывался.[650] Философия и литература становятся предметами изучения; собирается библиотека, разбухшая от даров старых эфебов. Во втором веке в ученики начинают зачисляться иностранцы, и со временем их число превосходит число коренных афинян. Хотя старая военная служба сохраняется, несомненно, в мумифицированном состоянии, система эфебов перерастает в афинский университет, куда молодые римляне, такие как сын Цицерона, приходили учиться философии, хотя им было нечему учиться у Афин в военных

вопросах. Софронистаи и Косметы становятся прокторами и канцлерами, специальными празднествами и обязательными службами нового университета. Забеги с факелами, военные сборы и морские гонки[651] становятся его атлетикой. Именно старая афинская система воинской повинности, а не школы Платона или Исократы, дает начало первому университету.

В Спарте система эфебеев была представлена *κρυπτοί* [криптой]. Мы слышим об архефебее в Аргосе и о *γυμνασιархе*, управляющем эфебеями в Тройзене.[652] В Мегариде и Бойотии эфебеи обучались как кавалерия, гоплиты или пелтасты.[653] Эфебархос можно проследить в Теосе. На территории Сиракуз существовали дозорные дома, а значит, возможно, и патрули эфебеев.[654] Этот период специальной подготовки к военным обязанностям, по-видимому, был общим для всей Эллады. Платон без возражений принимает его в "Республике" и "Законах".

[612] Aristot. *Αθ. Πολ.* 42 для этих экзаменов.

[613] Luk. ag. Leok. 18. 76.

[614] Pollux, viii. 105-106 и т. д.

[615] *κράινοντες*. Обратите внимание на архаичное слово.

[616] Luk. ag. Leok. 18. 75.

[617] Plato, Krit. 51 D, E.

[618] Aischin. ag. Timarch. 18.

[619] Я уже предположил, что метрические версии могли преподаваться в музыкальных школах.

[620] Платон, Протаг. 326 D. Мальчики обычно слушали дела в судах. Это давало им некоторое представление о судопроизводстве. (Сравните с обычаем некоторых английских публичных школ, когда мальчиков отпускают послушать местные судебные заседания). Так Демосфен отправился со своим пайдагосом послушать суд над Каллистратом.

[621] Aristot. *Αθ. Πολ.* 42. 2.

[622] C.I.A. IV. ii. 1571 B.

[623] C.I.A. II. 316.

[624] например, C.I.A. ii. 316. 338.

[625] Aristot. *Αθ. Πολ.* 42. 3.

[626] [Платон] Axiochos, 367 A.

[627] Schol. on Aristoph. Птицы, 794.

[628] Xen. Revenues, iv. 52.

[629] Aristot. *Αθ. Πολ.* 42. 4.

[630] Thuc. ii. 46.

[631] Lucias, x. 1, и Aristophanes anent Kleonumos, passim.

[632] Правильно говоря, эфебос был периполом или патрулем только во время своего второго года. Однако Айсхинес утверждает, что служил в качестве периполоса два года. Возможно, этот термин использовался свободно, или же в кризисные времена эфебои могли спешно отправляться на границу, как только их зачисляли.

[633] C.I.A. IV. ii. 574 D, и 563 B.

[634] Thuc. viii. 92.

[635] Lusias, xiii. 71.

[636] В состав войска могли входить и граждане, так как младший Алкивиад однажды служил в нем (Lus. xv. 6). Но это был особый случай, когда обычная кавалерия отказалась его принять.

[637] Thuc. ii. 13. 6-7.

[638] Lus. xvi. 13, xiv. 10.

[639] Thuc. ii. 13. 6-7.

[640] Xen. Mem. iii. 5. 27.

[641] Xen. Revenues, iv. 52.

[642] C.I.A. I. 143. Ср. C.I.A. I. 79 о гражданах-лучниках.

[643] Примечательно, что во времена Аристотеля эфебои обучались у "учителя стрельбы из лука". Возможно, он выжил.

[644] В Бойотии и Мегариде эфебои служили в качестве конницы, гоплитов или пельтастов (C.I.G. Boiot. and Meg. 2715, 2717-21, 1747-48 и т.д.).

[645] Thuc. i. 105.

[646] Ibid. iv. 67.

[647] Luk. ag. Leok. 76.

[648] C.I.A. IV. ii. 563 b.

[649] В 431 г. до н. э. в Афинах было 13 000 гоплитов в возрасте от двадцати до сорока лет. В среднем это около 1000 эфебоев в год, или 2000 - столько же, сколько здесь. 16 000 резервистов в 431 г. включают ветеранов и метисов, а также эфебоев.

[650] Изменения, по-видимому, произошли незадолго до 305 г., поскольку в надписи этого года численность значительно сократилась, а братья служат вместе.

[651] C.I.A. ii. 466, 470.

[652] C.I.G. Pelop. 589, 749, 753.

[653] См. прим. 2 на с. 218.

[654] Thuc. vi. 45, vii. 48.

ЭФЕБСКИЕ НАДПИСИ ЧЕТВЕРТОГО ВЕКА

(касается только Аттики)

I. C.I.A. IV. ii. 574 d.

"Эфебои из племени Гиппотонтидов, которые были зачислены, когда Ктесикл был архонтом (334-333 гг. до н. э.), будучи коронован Булом и Демосом, принесли это подношение".

Затем следует искаженное благодарственное письмо жителей Элевсиса эфебоям за дисциплину, которую они поддерживали во время гарнизона города, и их софронисту, который должен получить корону и место на местных праздниках.

II. C.I.A. IV. ii. 563 b.

Постановления в честь эфебоев из племени кекропидов.

(a) От племени Кекропидов.

"Калликрат из Айксоне предложил. Так как эфебои племени Кекропидов, которые были зачислены в племя Ктесикла в бытность его архонтом (334-333 гг. до н. э.), соблюдают порядок и делают все, что предписывают им законы, и послушны софронистам, назначенным народом, мы выражаем им благодарность и увенчиваем их золотой короной в 500 драхм за их отличную дисциплину и поведение. Мы также благодарим софрониста Адеиста, сына Антимаха, и награждаем его золотой короной вышеуказанного веса за то, что он хорошо и усердно руководил эфебоями племени кекропидов. Этот голос должен быть записан на каменном столбе и установлен в святилище Кекропса".

(b) Голосование афинского народа.

"Гегемах, сын Харемона, предложил. Поскольку эфебои из племени Кекропидов, размещенные в Элевсисе, хорошо и прилежно исполняют приказы Була и Демоса и ведут себя прилично, мы благодарим их за хорошую дисциплину и поведение и постановляем, чтобы каждый из них был увенчан оливковым венцом. Мы также благодарим их софрониста, Адеиста, сына Антимаха, и постановляем, чтобы он получил оливковый венец, когда пройдет проверку. Это голосование должно быть записано на подношении, которое приносят эфебои из племени Кекропидов".

(c) Голосование элевсинцев.

"Протий предложил. Поскольку эфебои из племени Кекропидов и их софронист Адеист, сын Антимаха, хорошо и усердно гарнизонят Элевсис, жители дема выражают им благодарность и венчают каждого из них оливковым венцом".

Голосование должно быть зарегистрировано, как и прежде.

(d) Аналогичное голосование атмонийского дема в честь их товарища по дему, Адеиста.

К нему прилагается список эфебоев, сильно изуродованный.

III. C.I.A. IV. ii. 1571 b.

"Феофан, сын Иерофона, принес это в дар Гермесу, будучи увенчан эфебоями и Софронистаем и Косметаем".

Это подписано эфебоями за 333-332, 332-331 и 331-330 годы.

IV. C.I.A. IV. ii. 251 b.

Благодарственный голос Буле и Демоса эфебоям в целом за их примерное поведение, а также их Косметесу, Софронистаю и учителям. Далее следует изуродованный список эфебоев. Он относится к 305-304 гг. до н.э.

V. C.I.A. IV. ii. 565 b.

Благодарственный голос племени Пандионидов в адрес Филонида, который был избран народом софронистом своих эфебоев и хорошо исполнял свои обязанности.

VI. Böckh, 214 (относится к 320 г. до н. э.).

(Раскопано в Эйксоне.)

Отрывок: "Мы выражаем благодарность софронистам и венчаем каждого из них оливковой короной, а именно Кимона, сына Мегаклеса, и Путодороса, сына Путеаса... за усердие, которое они проявили в отношении всенощного пира".

Эфебои принимали участие в жертвоприношении и празднике в честь Гебы. Как правило, они вели себя шумно и доставляли беспокойство жителям окрестностей. Но в этом году за порядком следили софронистаи. Отсюда и голосование.

ЧАСТЬ II

ТЕОРИЯ ВОСПИТАНИЯ

ГЛАВА VIII

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ В ЭЛЛАДЕ

Большая часть религиозного образования в Элладе давалась вне школы, дома и в общественной жизни. Ребенок знакомился с текущими ритуальными обрядами, приличествующими каждому конкретному божеству или случаю, сам участвуя в них. Его религиозная преданность практиковалась и стимулировалась праздниками, священными песнями и танцами, которые составляли столь значительную часть эллинской жизни. В такой религии, как эллинская, которая в значительной степени состояла из форм и церемоний, было мало догм, которые должны были усваивать дети; не было необходимости в катехизисе, сектантском учении. Та догма, которая была, заключалась в мифах о различных божествах и героях; и этих мифов было так много, что гетеродоксия в отношении них стала почти невозможной.

Как бы то ни было, эта догма, состоящая из многообразных и часто противоречивых мифов, была закреплена в поэзии расы, так что большинство поэм стали священными книгами, которые ортодоксы считали вдохновенными. Эта священная литература, как мы уже видели,

была главным предметом изучения в начальных школах Афин, где ее читали, писали и учили наизусть. В Спарте почти все литературное и интеллектуальное образование состояло из священных песен в честь богов и героев. Мифы были самой сутью начального образования в Элладе.

Чтобы понять отношение теоретиков образования к этим мифам, пронизывающим большую часть эллинской поэзии, необходимо осознать тот необычайный авторитет, которым пользовались поэты, и особенно Гомер и Гесиод. Каждое их слово считалось вдохновенным и строго истинным: их авторитет был непререкаем. В начале VI века интерполированная строка в "Илиаде" стала главным аргументом в пользу притязаний афинян на остров Саламин. Гелон, тиран Сиракуз, согласно существующей легенде, получил отказ в командовании эллинскими войсками против Персии, потому что, как сказал спартанский посланник, Агамемнон застонал бы, услышав о таком, и потому что Гомер сказал, что афинянин лучше всех умеет собирать и объединять войска, и именно поэты афиняне теперь претендовали на командование.^[655] То, что такие аргументы могли быть использованы, показывает, с каким почтением относились к Гомеру. Его считали особенно вдохновенным.^[656] Его поклонники утверждали, что он воспитал Элладу и что в его произведениях содержатся подходящие наставления для всего жизненного пути.^[657] В частности, говорилось, что "божественный Гомер снискал себе славу и известность тем, что учил добру, учению, доблести и вооружению войск".^[658] Его неправильно цитировали, чтобы поддержать особые взгляды, как, например, Платона.^[659] У людей были свои любимые тексты: У Сократа это было "В меру своих средств воздавай почести богам". Знать наизусть всю "Илиаду" и "Одиссею" было неслыханным достижением. Из них извлекались нравственные уроки. Так, история о Кирке была предостережением от самообольщения. Кирке превратил спутников Одисея в свиней из-за их чрезмерного увлечения застольными удовольствиями; сам Одисей, благодаря совету Гермеса и собственной сдержанности в таких делах, избежал этой участи.^[660]

Со временем, однако, высшая мораль ведущих эллинских мыслителей восстала против низкой морали, если не сказать больше, большей части мифологии, воплощенной в поэтах. Атаку начал Ксенофан. "Гомер и Гесиод, - восклицает он, - приписывают богам все то, что считается позорным среди людей". Гераклитос заявил, что Гомер заслуживает порки. Даже благочестивый Пиндар пытался изменить некоторые мифы в соответствии со своей моралью, а Эсхил упорно борется за основополагающий монотеизм. В следующем поколении буря разразилась: пробуждающийся интеллект, воспитанный софистами и философами, отшатнулся от ужасов "Теогонии". Трагедия, поставив мифологию перед глазами, сделала ее невозможность более очевидной. Исследования ранних историков в области сравнительной мифологии подорвали основы веры. Геродот обнаружил, что бог по имени Геракл был признан в Египте за 17 000 лет до его времени; следовательно, эллинский Геракл, появившийся всего за шесть веков до эпохи историка, должен быть всего лишь человеком с тем же именем.^[661] Рационализм начал овладевать мифологией: Фукидид попытался применить научные методы к Троянской войне, сделав, например, ее продолжительность обусловленной сложностью получения припасов для такого большого войска. Рационализм Еврипида хорошо известен. Метродор, ученик Анаксагора, сделал богов природными силами и разновидностями материи - прием, уже использованный Эмпедоклом для поэтического удобства. Таким образом Сократ рационализирует миф о Борее в "Файдросе",^[662] где Платон утверждает, что мудрые не верят в такие сказки; но Сократ был слишком занят изучением собственной личности, чтобы поднимать все эти многочисленные вопросы, поэтому он принимает общепринятую веру. Защитники Гомера во главе с Метродором и Стесимбротом^[663] пытались аллегоризировать его, заявляя, что

самые страшные мифы имеют моральный смысл. Аллегии часто были смехотворны: Платон полностью отвергает их в воспитательных целях, поскольку дети всегда воспринимают буквальное толкование.

Но общественное мнение все еще было яростно привязано к старым божествам, как показал инцидент с Гермаем и осуждение Анаксагора, Протагора и Сократа. Божествам нельзя было приносить жертвы, поэтому пришлось отказаться от мифов. В мифах говорилось, что Зевс сверг своего собственного отца и совершил прелюбодеяние: если миф правдив, то, поскольку Зевс - верховный бог, эти преступления можно оправдать.^[664] Поэтому миф должен быть неправдивым. Гомер и Гесиод лгали: их произведения в основном являются богохульным вымыслом.^[665] Исократ^[666] подводит итог этой новой позиции. "Поэты, - заявляет он, - кощунственно представляли сыновей бессмертных как совершивших и претерпевших худшие поступки, чем самые нечестивые из людей: они говорили о богах такие вещи, которые никто не решился бы сказать о своем злейшем враге; они не только заставляли их красть, прелюбодействовать и попадать в рабство к смертным, но даже представляли их поедающими своих детей, калечащими своих отцов и заковывающими своих матерей в цепи.... За это поэты не остались безнаказанными, но некоторые из них стали странниками и просили хлеба, некоторые ослепли, другой всю жизнь был изгнанником, а Орфей, который особенно посвятил себя таким историям, был разорван на части".^[667]

Самым большим возражением против этих безнравственных легенд было то, что их преподавали в яслях и начальной школе, в самом впечатлительном возрасте.^[668] Поэтому Платон хочет установить строгие каноны для мифов, легенд и басен, которые должны преподаваться детям. "Ведь начало всего - это половина успеха, особенно в том, что молодо и нежно. Маленькие дети подобны мягкому воску, готовому принять ясное и глубокое впечатление от любой печати, которую на них накладывают. Отсюда огромная важность самых ранних этапов воспитания, мифов и историй, изучаемых в яслях и в школе.... сочинения Гомера и Гесиода - вымысел, и притом нелюбовный вымысел; даже если они правдивы, их лучше не рассказывать молодым и ничего не понимающим.... мифы должны совершенствоваться на поверхности, а не путем аллегорий".^[669]

Платон не готов переписывать эллинскую Библию: он лишь устанавливает каноны, которым должны следовать поэты. Следует отметить, что эти каноны своеобразны и исключают не только большую часть Гомера и Гесиода, но и большую часть Ветхого и часть Нового Завета. Первый канон заключается в том, что Бог, будучи благим, не может быть причиной или инициатором какого-либо вреда или зла для человечества; для этих вещей должна быть найдена какая-то другая причина. Большая часть человеческого жребия - зло, поэтому Бог не является причиной большинства человеческих событий.

Это исключает гомеровские строки:

Два окурка человеческих судеб у врат рая стояли,

Один полон всего злого, другой - всего доброго.

Кому Бог дает смесь, тому жизнь - благо и горе,

А кому он дает одно лишь зло, тот живет, как нищий внизу.

И

Зевс - домоправитель мира, подающий благо и горе.

А у Эсхила

Бог сеет семя греха среди людей,
когда хочет свести род на нет.

Если Бог представлен как причина несчастий, поэт должен сказать, что эти несчастья пошли на пользу страдальцам, сделав их лучше и счастливее.[\[670\]](#)

Второй канон заключается в том, что Бог - не волшебник, появляющийся то в одном облике, то в другом. Почему Он должен меняться? Внешние силы вряд ли смогут изменить Его: Он и сам не изменится, поскольку это неизбежно будет переход к менее хорошему и менее прекрасному, ведь Он совершенен. Поэтому строки...

Переодетые в человеческих чужаков, в разных обличьях,
Боги бродят по городам, чтобы шпионить за беззакониями,

и сказки о Протее и других метаморфозах - ложь. Поэтому матери не должны говорить своим детям, что бог всегда может присутствовать в замаскированном виде, так как это ложь и, кроме того, может сделать детей трусливыми. Ложь полезна только в общении с врагами, для управления сумасшедшими и для получения удовлетворительного объяснения там, где уверенность невозможна. У Бога нет таких причин для лжи или обмана.

Очистив таким образом характер божества от мифологических напластований, Платон переходит к рассмотрению будущего состояния. Оно не должно быть описано как нечто ужасное, иначе дети научатся предпочитать бесчестную жизнь почетной смерти. Поэтому отвергаем...

Лучше быть холопом бедняка и делить его скудный хлеб,
Чем быть коронованным царем всех народов мертвых.

И

От него его душа, оплакивая свою несчастную судьбу, бежала,
Ее молодость и красота ушли в царства мертвых!

Все подобные отрывки должны быть исключены из школьных изданий; не стоит также допускать страшные пейзажи Ада, реки Ненависти (Стикс) и Плача (Кокутос), призраков, баньши и другие ужасные слова, опасаясь, что они заставят детей нервничать.

Далее следует рассуждение об идеальном мужчине, в котором Ахилл падает с пьедестала, который он до этого занимал как идеал эллинской мужественности. Великие люди не должны предаваться неумеренным причитаниям по погибшим друзьям. Плач Ахилла по Патроклу и Приама по Гектору, когда он катался в пыли и навозной куче, должен быть отвергнут. "Ибо если бы молодые люди воспринимали такие истории всерьез, а не высмеивали их как презрительно неправдоподобные, они вряд ли считали бы такие причитания унижительными или сдерживали бы себя, когда чувствовали бы порыв поступить подобным образом, но, не стыдясь и не сдерживаясь, они бы выводили множество причитаний по поводу крошечных несчастий".[\[671\]](#)

Не следует также слишком увлекать героев смехом. Ведь неумеренный смех приводит к неумеренному горю. Поэтому отвергаем.

Тогда среди благословенных богов поднялся неугасимый смех.

Мифы должны воспитывать самоконтроль, послушание правителям, старшим и лучшим инстинктам. Это заставляет Платона изгонять

Ты, пьяница, бесстыдный, как пес, и страшный, как олень:

но похвалил -

Добрый отец, сиди в тишине и слушай, что я скажу".

Затем Гомер учит обжорству, заставляя Одуса, мудрейшего из людей, сказать.

Лучшее в жизни, что я считаю, - это тяжелая доска,

Пока в кубки беспрестанно льется доброе крепкое вино.

Еще хуже рассказы о похоти Зевса или Ареса и Афродиты, о любостяжании богов.

Дары завоевывают сердце богов, дары завоевывают сердце царей.

Героям также не должно быть позволено богохульствовать. "Мое уважение к Гомеру заставляет меня сдержаться, но нечестиво утверждать или верить, что Ахилл был готов сразиться с рекой, богом, или что он тащил тело Гектора вокруг могилы Патрокла или убивал на ней пленников, или что он отдал мертвому Патроклу волосы, которые тот посвятил речному богу Сперхею".^[672] Поэты также не должны говорить, что нечестивцы вызывают зависть, если их не раскусили, или что справедливость приносит пользу другим, но себе в убыток. Напротив, они должны придумывать мифы, чтобы утверждать обратное, независимо от того, правда это или нет, потому что это выгодно.

Платон мало заботится о буквальной правде в мифологии; он лишь желает, чтобы вымысел был совершенным и соответствовал здоровой этике. По его мнению, невозможно узнать правду о первобытных вещах и богах, поэтому нужно придумывать истории, как можно более близкие к истине и такие, чтобы они улучшались. Большинство людей, как заметил еще Исократ, предпочитают мифы всему остальному, ибо их интеллект способен постичь этические и метафизические истины только тогда, когда они воплощены в историях, притчах и баснях.^[673] Однако эти вымыслы подобны сильнодействующим наркотикам: их приготовление следует доверять только компетентным рукам, иначе результат будет смертельным. Создавать национальную мифологию должны правители государства, философы, а не неумелые и безответственные люди вроде поэтов.^[674] Платон сам дает немало примеров таких выгодных мифов; он закрепляет в них, как в народной форме, многие из своих глубочайших убеждений, свою психологию,^[675] свои взгляды на бессмертие души,^[676] свою политическую теорию о том, что все люди не равны.^[677] По его мнению, мифология была подходящей пищей для непросвещенных людей, неспособных к философской уверенности; философ, опираясь на свои точные знания этики и метафизики, должен был создавать эту пищу.

В соответствии с этой теорией требовался идеальный персонаж, исторический или художественный, чтобы персонифицировать и сделать реальными для толпы развоплощенные идеалы этики.^[678] Ахилл был свергнут со своего пьедестала философией. Кто должен был заменить его? Платон пытается поставить на это место идеализированного Сократа, но он не смог соотнести историческую личность с идеальным человеком, постулированным в "Республике". Ксенофонт, также считая, что образцовый человек - "прекрасное изобретение для изучения морали", предлагает Агесилая.^[679] Продикос пытался сделать Геракла образцом молодого человека. Аристотель сформулировал *μεγαλόψυχος*, но так и не персонифицировал его. Стоицизм искал своего Мудреца или Совершенного Святого, но так и не нашел его; эпикурейство довольствовалось своим основателем. Но поиск олицетворения этического идеала становится центральной чертой эллинской философии и религии со времен Платона и далее.

^[655] Herod. vii. 159-161.

^[656] Plato, Ion, 24 C.

^[657] Rep. 606 E. Так в Isokrates, To Nikokles, 530 B.

^[658] Aristoph. Лягушки, 1034-1036.

^[659] Plato, Rep. 391 B.

[660] Сократ в Ксенофонте, Мем. i. 3, 7. Морализация совершенно не гомеровская.

[661] Herod, ii. 43-46. Кульминацией этой тенденции стал Эвгемерос в конце IV века, который утверждал, что нашел на Крите надписи, рассказывающие о карьере смертных царей по имени Уранос, Кронос и Зевс. Он утверждал, что боги были выдающимися людьми, которых обожествляли восхищенные потомки. Его теория перешла в Рим в переводе Энния и поддерживала императорский культ.

[662] Платон, Phaedr. 229 C.

[663] Plato, Ion, 530. Ср. Xen. Банкет, iii. 6, где упоминается Анаксимандр.

[664] Ср. Аристоф. Облака, 905, 1080, представляющие аргументы "софистов".

[665] Plato, Rep. 377 D.

[666] Исок. Bous. 228 D.

[667] Ср. утверждение Геродота (ii. 53), что Гомер и Гесиод создали все детали эллинской мифологии, даже имена и функции божеств.

[668] Plato, Rep. 377 B.

[669] Ibid. 378.

[670] Plato, Rep. 380.

[671] Plato, Rep. 388 D.

[672] Ibid. 391 B. Платон поносит Ахилла. Он обещал волосы Сперхею только при условии, что тот вернется домой живым, а он знал, что не сможет этого сделать, если убьет Гектора.

[673] Сравните Теннисон, In Memoriam, xxxvi:

Ибо Мудрость имела дело со смертными силами,
где истина в самых близких словах потерпела неудачу,
Когда истина, воплощенная в сказке
Должна войти в скромные двери.

[674] Plato, Rep. 389 C.

[675] In the Phaidros.

[676] В Республике и в других местах.

[677] Rep. 414-417 и т. д. Об использовании Платоном мифов в качестве популярных изложений своих взглядов см. Laws, 663, 664, 713, 714, 716.

[678] Это признавал и Исократ, Antid. 105 C.

[679] Xen. Ag. x. 2.

ГЛАВА IX

ИСКУССТВО, МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ

Поскольку поэзия, музыка, пение и танцы были главными составляющими воспитания эллинского мальчика, эстетические каноны, по которым они регулировались, имели огромное значение для нравственной истории Эллады и были предметом долгих размышлений и исследований теоретиков образования. Современному читателю трудно понять отношение Платона и Аристотеля к поэзии, искусству и музыке, отчасти из-за того, что во многих современных школах этими предметами пренебрегают, а еще больше из-за огромных изменений, произошедших как в самих предметах, так и в их отношениях с государством в целом.

В Древней Элладе искусство, литература и музыка были адресованы не культурному высшему классу, а всем гражданам. Эпосы читались перед многотысячными толпами. Хоровые тексты танцевали и пели большими хорами в присутствии целого города. Трагедии и комедии разыгрывались перед всем афинским населением, на которое стекались толпы со всех концов Эллады. Великие ораторские речи произносились либо перед народным собранием, где мог присутствовать каждый взрослый мужчина, либо перед жюри из нескольких сотен граждан. Так и с эллинским искусством. Статуи и картины создавались не для частных гостиных, а для общественных храмов, колоннад или гимнасий.

Таким образом, именно национальный, а не индивидуальный вкус был эталоном эллинского искусства и литературы: они должны были следовать вкусу города, а не клики. Но в каждом городе Эллады, как и в Италии эпохи Возрождения, была своя ярко выраженная индивидуальность, которая доминировала над поэтами, художниками и музыкантами. Художественные школы на островах, в Аргосе, Афинах отличались друг от друга не меньше, чем в Венеции, Флоренции, Перудже. В крупных центрах музыкальные направления отличались настолько, что для них требовались разные инструменты. Язык, характер и политика в каждой общине выглядели по-своему. Но под этой повсеместной местной индивидуальностью скрывалось фундаментальное различие между дорийцами, с одной стороны, и ионийцами, к которым в эстетических целях можно отнести и эолийцев, с другой. Эллинизм стал развиваться в двух разных направлениях - дорическом и ионическом.^[680]

Дорические черты заключались в жертвовании детали и индивидуума целому и сообществу, в любви к строгости и простоте, в сильном чувстве гармонии, порядка и пропорций, в ненависти к сложности, загадочности, неясности и роскоши, в предпочтении совершенного тела развитому интеллекту. Дорийцы были по сути односторонними, им не хватало воображения, ума и изобретательности; они были сильными консерваторами, и любые новшества были им противны.

Ионцы были совсем другим народом. Индивидуализм был силен в них с самого начала. Они были склонны к пышности, преувеличению деталей и роскоши. Быстро соображающие и изобретательные, они были склонны к постоянным инновациям. Для них была характерна многогранность. Они предпочитали интеллектуальный успех физическому. Их воображение опережало их способности к исполнению. В них не было ни солидности, присущей менее блестящему Дориану, ни его дисциплины, самоограничения, прямоты и настойчивости. Они уступали ему в большинстве физических и этических качеств, превосходя его во всех интеллектуальных занятиях.

Вплоть до пятого века эти два противоречивых типа мало влияют друг на друга. Ионийцы создают чувственную, мечтательную, утонченную и образную скульптуру; дорийцы - серию

физически совершенных, но совершенно неинтеллектуальных статуй атлетов. Эолийцы создают личную лирику любви и вина, дорийцы - хоровую поэзию атлетических триумфов и гимнастических танцев. Дорийцы могут претендовать на этическую и коллективистскую философию Пифагора; ионийцы - на интеллектуальную и индивидуалистическую философию так называемых ионийских школ.

Афины в этот период были чисто ионическими, о чем красноречиво свидетельствуют их статуи, останки которых сейчас извлекают из мусорных куч, куда их бросил Ксеркс. Дополнительным доказательством служит стиль одежды, изображенный на этих статуях и других произведениях искусства того периода: он почти восточный.^[681] Статуи демонстрируют избыток деталей и излишнюю утонченность: наиболее распространенным типом была задрапированная женщина. Дорийцы, напротив, преуспели в обнаженном мужском типе, а великой эгинетской школе совершенно не удалось изобразить богиню Афины.

Тот же принцип дифференциации применялся в музыке, как и в искусстве, в Элладе: дорийский, ионийский, эолийский, а также соседние фригийский и лидийский, каждый создавал свой собственный тип, или "гармонию", как ее называли. Каждая "гармония" несла на себе отпечаток "этоса", или морального характера, племени или расы, которая ее создала, ясно и безошибочно. Музыка в ранней Элладе, должно быть, была примитивного типа, и острый музыкальный слух еще не был развит длительным обучением. Следовательно, средний эллинский слушатель находился в положении совершенно немusического человека современности: сложная музыка современных мастеров была бы для него совершенно непонятна, и единственным смыслом, который он мог извлечь из музыки, были некоторые широкие этические впечатления. Немusического человека будоражит хорошая маршевая мелодия, вгоняет в депрессию заунывный или зауспокойный марш, оживляет и возбуждает раскатистая вакхическая песня, а мелодии большого органа приводят в торжественное и полурелигиозное состояние духа. Так и со средним эллином: он извлекал из своей музыки именно такое количество впечатлений, и не более. Любая идея о музыке как о голосе невыразимого была совершенно чужда его уму; более того, он не любил никакой музыки, не сопровождаемой пением: мелодии без слов были неизвестны в ранней Элладе.

Как создавались эти различные гармонии, каким сочетанием нот и гамм регулировалась каждая из них, можно оставить на усмотрение специалистов: это один из тех вопросов, которые, вероятно, никогда не будут окончательно решены. Факт остается фактом: они существовали, и каждая из них обладала своей собственной несомненной нравственной характеристикой. Но в чем именно заключалась моральная характеристика каждой из них, становится сомнительным из-за противоречивых свидетельств разных авторов; вероятно, по мере изменения и развития музыкального вкуса, одна и та же "гармония" стала вызывать разное впечатление. Ухо Платона, привыкшее к распространенному дорийскому ладу, находило лидийский лад тоскливым и угнетающим; Аристотель и его современники, привыкшие к более мягкой музыке, превозносили его как ценный для образовательных целей.^[682] Ираклид Понтийский,^[683] специально изучавший музыку, дает в одном из фрагментов очерк старых эллинских "гармоний". Дорийский лад, по его словам, был мужественным, величественным, суровым и крепким, не женоподобным и не веселым, не пестрым и не многогранным.^[684] Эолийская, названная впоследствии "гипо-дорийской", была надменной и претенциозной, довольно тщеславной, однако ни в коем случае не низменной, а надутой и самоуверенной. Это была подходящая музыка для "женщин, вина и песен". Ионический, представляющий старый ионический характер до вырождения расы, был страстным, упрямым, спорным, без признаков доброжелательности или веселья, но с

определенной твердостью сердца и темперамента. Он был не пестрым и не веселым, а строгим и суровым, с не благородным достоинством, которое подходило ему для сопровождения трагедии. Позже раса и "гармония", кажется, выродились, и их обвиняют в роскоши и женоподобности. Существовала также локрийская "гармония", которую использовали Пиндар и Симонид, но впоследствии она стала презираться и вымерла.

Кроме этих чисто эллинских типов, есть еще два, пришедшие от варварских рас, - лидийский и фригийский. Лидийский тип имел несколько разновидностей. Смешанный лидийский был тоскливым и подходил для дирхемов: он вызывал у слушателей чувство скорби и могилы. Синтоно-лидийский был очень похож. Чистый лидийский отвергается Платоном как женоподобный;[\[685\]](#), но Аристотель, опираясь на музыкальных экспертов, заявляет, что он предполагает порядок и расположение (*κόσμος*) и хорошо подходит для образования. О фригийском языке мнения еще более разделились. Платон одобряет ее. По его словам, она отражает ноты и акценты самообладающего человека, который "в спокойных и ничем не стесненных обстоятельствах пытается убедить кого-то или обратиться с просьбой, молится богу или советует человеку, или уделяет внимание просьбе, совету или аргументам кого-то другого; и если он достигает своей цели, то не надувается, а во всем действует и принимает последствия своих действий с умеренностью и самообладанием". Далее философ отвергает флейту, считая ее подходящей только для истерического энтузиазма. Но это, как отмечал Аристотель, непоследовательно. Ведь фригийская гармония и флейта шли рука об руку: дикие оргии Дионуса и другие поклонения восторженного характера обычно сопровождалась флейтой и могли исполняться только под фригийскую гармонию. Дифирамб, например, мог быть настроен только таким образом; когда Филоксен попытался написать его в дорийском ладу, он соскользнул назад, не сумев предотвратить это во фригийском. Поэтому Аристотель, считая ее восторженной гармонией, оставляет ее в качестве "очистительного средства" (*κάθαρσις*), которое, предоставляя в хорошо регулируемых условиях случайный выход для истерии, выработает подобные привязанности на длительный период: по окончании которого потребуется очередная доза.[\[686\]](#)

В Элладе музыка считалась эффективным лекарством от болезней тела, души и разума. Даже глубокий и ученый философ Теофраст, ученик Аристотеля, утверждал, что фригийская "гармония" на флейте - верное средство для лечения люмбаго.[\[687\]](#) Пиндар утверждает, что Аполлон "дает мужчинам и женщинам лекарства от тяжких болезней, изобрел арфу и дает Музу, кому пожелает, внося в сердце мир без войны":[\[688\]](#) бог медицины - сын бога арфы. Пифагорейский философ Клейниас, когда был в плохом настроении, брал в руки арфу, говоря: "Я успокаиваю себя".[\[689\]](#) Он и его школа считали арфу верным средством для достижения того покоя и торжественной упорядоченности души, которых они, как истинные дорийские музыканты, так желали. Лукурго достиг в Спарте душевного равновесия, необходимого для проведения его реформ, прислав с Крита лирического поэта по имени Фалес, чьи песни, благодаря спокойной и упорядоченной мелодии и ритму, побуждали к дисциплине и согласию: таким образом спартанцы незаметно успокоились характером.[\[690\]](#) Аркадяне, по словам их соотечественника Полубия, с древнейших времен "делали музыку своим приемным братом" с колыбели до тридцати лет, чтобы противостоять огрубляющим тенденциям своей грубой жизни и сурового климата; а жители одного района, Кунаита, пренебрегавшие этим средством профилактики, были печально известны своей порочностью.[\[691\]](#)

Таким образом, музыка стала рассматриваться как лучшее средство формирования характера. Нужно было только применить правильную "гармонию" к молодой и восприимчивой личности, и правильный "этос" был бы создан. Дорийский лад был наиболее

востребован в образовательных целях: его достоинства были признаны всеми. Ибо он "в полной мере отражал ноты и акценты храброго человека в условиях войны или любого другого жестокого действия, идущего навстречу ранам, смерти или другому несчастью, встречая свою судьбу с непоколебимой решимостью".[692] Из остальных, как уже было сказано, Платон предпочитал фригийский, а Аристотель - лидийский.

* * * * *

Считалось, что не только прекрасная музыка, но и прекрасное искусство бессознательным, но непреодолимым влиянием порождает прекрасные характеры у тех, кто с ним соприкасается; с другой стороны, плохое искусство, как и плохая музыка, было причиной порока и низких моральных идеалов.[693] Естественно, считали они, это особенно верно в отношении детей, которые так чувствительны ко всем внешним влияниям; кроме того, именно ранние впечатления имеют наибольшее значение в жизни человека. Чтобы служить этой воспитательной цели, эллины ожидали, что каждая статуя и картина, а также каждое стихотворение и мелодия должны иметь *ἦθος*, то есть, согласно определению Аристотеля,[694] быть такими, чтобы их моральная цель была очевидна для среднего человека. Для этого эллинское искусство должно было стать безличным: великие статуи представляют одну черту характера. Мелкие индивидуализирующие черты опускаются: выбранная единственная черта идеализируется и доводится до максимально возможного развития. Это создает единый и легко объяснимый эффект. Фриз на Парфеноне изображал идеального рыцаря в различных позах, а не "такого-то" и "такого-то". Те же идеализированные абстракции можно проследить в "Тезее" на Педименте и в большинстве драм Софокла.

Реализация этого художественного идеала стала возможной благодаря слиянию двух течений - дорического и ионического. В конце VI века волна доризма проходит через Афины, и там появляются первые грамотные атлеты-скульпторы. Вторая волна пришла в середине следующего века, в период правления Перикла. Теперь дорийские черты доминируют над аттическими художниками и в поэзии, и в скульптуре, и в вазописи. Эсхил обладал лучшими чертами ионического темперамента, остывшего после великого кризиса персидских войн: его воображение наполовину восточное, и его часто сравнивали с древнееврейским пророком. Но каноны Софокла чисто дорические, как и каноны Фидия. Смешение дорической этики с ионическим воображением порождает великий век эллинского искусства и литературы. При таком воспитательном состоянии искусства влияние великих общественных зданий и храмов, украшавших даже скромные деревушки, и славных статуй, которые в каждом храме, агоре и гимнасии были идеальной сокровищницей, должно быть, было очень велико на эллинов, которые, вероятно, были наиболее восприимчивы к художественному влиянию из всех народов. Современные люди смутно осознают, что великий готический собор довольно ощутимо направляет эмоции. На более восприимчивых афинян Парфенон и Пропилеи, должно быть, оказали гораздо более сильное влияние. Рассказывают, что Эпаминондас заявил, что его соотечественники никогда не смогут стать великими, если не перенесут эти здания в Фивы. Незнакомцы, посещавшие Афины, были настолько поражены их архитектурным великолепием, что считали их естественной столицей мира - эффект, на который, возможно, и рассчитывал Перикл. Великие произведения искусства производят великие эффекты: неестественно предположить, что и меньшие произведения производят немалый, пусть и меньший, эффект. Современные теоретики часто заявляют, что картины и обои в детской должны быть в лучшем вкусе. Платон и Аристотель считали, что все, пусть даже самое скромное, что окружает растущего ребенка, должно соответствовать лучшим канонам искусства, ведь искусство так сильно влияет на

нравственность. "Не должны ли мы следить, - говорит Платон,^[695] - и за ремесленниками, не допуская, чтобы они представляли нравственное зло, или беспорядок, или дурной вкус, или отсутствие изящества, или отсутствие гармонии в своих подражаниях животным, или в своих зданиях, или в любом другом предмете своего ремесла? Если же они не в состоянии выполнить наши указания в этом вопросе, не следует ли нам изгнать их из общины, чтобы мальчики, выросшие на дурном пастбище этих дурных представлений, ежедневно черпали яд из всего, что их окружает, и мало-помалу незаметно накопили в своей душе большое количество зла? Не лучше ли нам искать таких мастеров, которые в силу своего природного гения способны открывать прекрасное и изящное? Ведь таким образом наши дети, живущие в краю здоровья, будут испытывать благотворное влияние каждого звука и каждого вида этих произведений красоты, вдыхая как бы здоровый ветерок, дующий к ним из благодатной страны". Каждый предмет мебели, каждая деталь архитектуры должны вносить свою лепту в воспитание горожан. Но если искусство и музыка являются столь мощным фактором воспитания, их необходимо тщательно регулировать: развращение народного вкуса, которое повлечет за собой развращение зависимых художников, своим воспитательным влиянием увеличит национальный упадок как вкуса, так и нравов, во все более широкой степени.

* * * * *

Поэзия оказала не менее сильное влияние на современную этику. Произведения великих поэтов были главным средством обучения, и их в большом количестве заучивали наизусть во всех начальных школах.^[696] То, что мальчики заучивали, они затем декламировали, причем настолько драматично, насколько были способны: рапсоды служили им образцами. Таким образом, мальчики действительно *играли* поэтов, насколько это было в их силах. Во времена Солона актерское мастерство было новым явлением в Элладе, и его принимали с опаской. Когда Феспис впервые сыграл одну из своих пьес, Солон спросил его, не стыдно ли ему говорить такую ложь на публике, выставляя себя тем, кем он не является. Феспис ответил, что это только забава. Тогда Солон ударил палкой по земле и сказал: "Скоро мы увидим, что эта твоя забава вторгается в наши торговые дела". Позже, когда Писистрат получил телохранителя, которому он был обязан своей тиранией, притворившись раненым своими врагами, Солон сказал, что эта уловка была актерской.^[697] Это возражение было поддержано Платоном и не вполне оправдано ходом истории. Ведь великим пороком эллинской жизни была ее неискренность: невозможно определить, насколько эллин серьезен. Именно этот порок разрушает их ораторское искусство; именно он в более поздние времена сделал "маленького голодного грека" типом лживого лжеца в римском представлении. Актерское мастерство играло большую роль не только в декламациях. Танцы по своей сути были драматическими: именно это качество позволило им породить драму. В военном танце были представлены все жесты и позы нападения и защиты в реальном сражении. Дионисийские танцы изначально были действиями верующих, пытавшихся приобщиться к богу в его страданиях и триумфах.

Насколько ярко эллин входил в драматический спектакль, можно судить по рапсоду Иону. Когда он декламировал Гомера, его глаза наполнялись водой, а волосы вставали дыбом; в таком же состоянии находились и его слушатели. Эффект от "миметических" танцев, где музыка, жесты, ритм и поэзия соединялись в единое впечатление, должен был быть еще сильнее; зрители, как и исполнители, часто бывали увлечены. Такие представления были очень частыми. Разве неестественно предположить, что такая частая ассимиляция имела важное влияние на эллинов, с их художественным темпераментом и большой восприимчивостью? Во всяком случае, Платон, Аристотель и Аристофан, не говоря уже о менее известных именах, считали, что это так.

Среди этих мощных поэтических влияний нельзя забывать и о драме. Сократ считал "Облака" Аристофана гораздо более смертоносным нападением на свою карьеру, чем все, что могли сказать Анутос и Мелетос. Для Платона театр играет роль "Великого софиста", воспитательного влияния, формирующего мнение и характер молодых.

Следует помнить, что в эллинской поэзии была заложена религия расы: этот факт придавал ей огромное влияние. Персонажи Эсхила и Софокла божественны или полубожественны; многие зрители в театре почитали Агамемнона или Тесея; все поклонялись Афине и Аполлону. Афинская драма была священна для эллина, как и пьеса в Обераммергау для христианина. Если бы Шекспир драматизировал Библию, современные дети могли бы декламировать его речи и играть в его пьесах с чувствами, сходными с теми, с которыми эллинские мальчики декламировали Гомера или Эсхила. Предположим, что Шекспир таким образом драматизировал историю Исава и Иакова, и воображаемый ребенок должен был выучить речи Иакова и повторить их; предположим, что он также имел привычку слушать их в исполнении первоклассного актера, который знал, как подчеркнуть мельчайшие черты характера.^[698] Разве, во всяком случае, не рационально утверждать, что ребенок постепенно впитывает некоторые из этих черт характера, подобно тому как дети часто перенимают особенности нянь и других людей, с которыми у них нет наследственной связи? Разве не могут привычки к рукоприкладству быть обоснованно отнесены к частому исполнению роли Иакова? Однако в древней Элладе влияние было гораздо сильнее, поскольку люди были более восприимчивы, а персонажи считались полубожественными.

* * * * *

Таким образом, в Древней Элладе музыка, искусство и поэзия оказывали огромное влияние на характеры и нравы людей. Это влияние вполне могло быть преувеличено эллинскими мыслителями. Музыкант Дамон заявил, что каждое изменение художественных стандартов влечет за собой изменение тона и конституции государства; с ним согласился и Платон.^[699] Опасность таких нововведений составляет большую часть темы "Законов" и, в меньшей степени, "Республики". Спарта приняла эту позицию и запретила любые изменения. Это мнение, безусловно, было широко распространено и, должно быть, основывалось на опыте.

Как раз в то время, когда мыслители начали осознавать этот принцип, произошло очень большое изменение в художественных канонах. Софокла сменяет Еврипид, Фидия - Пракситель: музыка претерпевает аналогичную трансформацию. Идеализм уступает место реализму: Софокл и Фидий представляли людей такими, какими они должны быть, Еврипид и Пракситель изображают их такими, какие они есть. Поэты и скульпторы все еще делают вид, что изображают божества, но на самом деле они изображают современную жизнь.^[700] Их творения не только перестают быть идеализированными, они перестают обладать лишь одной чертой. Гермес" Праксителя - мечтательный, но энергичный молодой афинянин, которого можно было встретить в Академии или Лукионе; "Геракл" Еврипида - то маньяк-убийца, то безрассудный наемник.^[701] Персонажи становятся людьми, теряя свою божественность. В следующем поколении божественные имена отменяются, и Менандр может изображать современную жизнь без необходимости называть своих героев Орестом или Фаидрой. Музыка также перестала быть столь строго разделенной на типы. Появляются всевозможные музыкальные новшества, которые современному человеку очень трудно понять. Но результат достаточно ясен. Стало невозможно уловить этический смысл мелодии: музыка становилась сложной, как становятся сложными персонажи в драме и скульптуре. Кроме того, она стала более домашней по тематике. Она стала смело "миметической", подражая всем звукам природы. Это был век смелых экспериментов, и музыканты разделяли общее движение.

Консервативной партии в Эллад и теоретикам просвещения эти перемены, естественно, казались губительными. По их мнению, Еврипид практически пародировал Библию, заставляя божественных персонажей разделять все глупости и слабости, а также пользоваться обычным человеческим языком. Мальчики, заучивая такую поэзию наизусть, перестанут иметь идеалы: все для них станет обыденным. Они будут декламировать самый домашний язык и играть самые домашние роли, думая, что они наполовину божественны. Более того, с нападением новой школы на старую религию, более аморальные части эллинской мифологии были выдвинуты на первый план. Еврипид, кажется, выбрал несколько сомнительных сюжетов; дифирамбические поэты были еще хуже и выбирали темы, совершенно неподходящие для того, чтобы дети играли или слушали их. А музыка перестала иметь какое-либо этическое значение; она превратилась в трели и ономаптою. Такие перемены означали революцию в результатах воспитания.

Поэт Аристофан первым возвысил свой голос против перемен. За несколько месяцев до полного разорения Афин он создает "Лягушек", в которой повторяет нападки "Облаков", но вместо Сократа в качестве обвиняемого выступает Еврипид. Поэт подвергается нападкам как одновременно пророк новой культуры софистов и новых художественных стандартов. Ниже перечислены основные недостатки, которые Аристофан находит в новой школе, представленной Еврипидом: [702] (1) недостойный стиль музыки, достойный лишь костей в качестве аккомпанемента; (2) привычка смешивать вместе всевозможный несочетаемый музыкальный мусор: "развратные любовные песни, питьевые ловушки Мелетоса, карийскую флейтовую музыку, причитания и танцы"; (3) его трели или тряски, как в *εἰ εἰεἰεἰλίσσεται*; (4) его смесь несочетаемых картин, "дельфинов, пауков, галкионов, пророческих палат и скаковых дорожек", пафоса и батоса, обыденности и торжественности; (5) плохой метр, всевозможные лицензии и частые "разрешенные" стопы. В качестве пародии на привычное несоответствие Аристофан приводит:

"О бог моря, вот что это такое. О соседи, посмотрите на чудовищный поступок: Глюк удрал с моим петухом. Нимфы, дочери холмов! Мэри Энн, протяни руку помощи".

Голос Аристофана звучит с определенным пафосом, ведь пьеса - это последнее слово периклеанских Афин, находящихся на грани падения и пытающихся найти козла отпущения, на которого можно переложить ответственность за свою гибель: и козлом отпущения становится новый художественный и музыкальный стандарт. Ионический темперамент, по сути, порвал со всеми ограничениями. Дорические каноны порядка, симметрии, регулярности и солидности были отброшены. Ко всему античному относились с презрением, все авторитеты отвергались с презрением. Никакие стандарты, ни этические, ни художественные, не допускались. Вечные перемены, ежедневная новизна стали единственным желанием Афин. Основы веры, основы морального кодекса были разрушены. Казалось, весь мир рушится, и на его месте не возникает ничего. У зрителей кружилась голова от вечных колебаний. Что же удивляться, если они обратили свой взор к единственному центру притяжения в Эллад, к единственному месту, где политика, искусство и этика сохраняли прежнюю стабильность, - к Спарте? Так Спарта становится идеалом философа, и именно спартанский канон Платон пытается навязать бунтующему ионизму. [703] Он находит недостаток современного искусства и музыки в том, что они просто пытаются угодить и развлечь публику, а не воспитать и улучшить ее. [704] Они похожи на родителей, которые пытаются успокоить капризного ребенка сладостями, когда его здоровье требует касторового масла. Но поэты и художники - рабы толпы, которая им платит. Их нужно освободить от этого контроля и сделать слугами правительства. Необходимо разработать строгие каноны, которым они должны следовать под страхом изгнания из государства.

Каноны должны быть разработаны избранной группой экспертов; толпа не способна судить в таких вопросах; критик должен направлять свой вкус, а не следовать ему.[705] Хорошая музыка и искусство должны нести на себе печать хорошего "этоса", и, поскольку люди больше всего ценят тот характер, который больше всего похож на их собственный, именно хороший человек больше всего оценит хорошую музыку:[706] таким образом, хороший человек становится стандартом. Чтобы донести свою мораль, Платон излагает историю афинской драмы, показывая, как зависимость от народного мнения погубила ее[707] :- "Во времена персов и персидского царства, когда они были в опасности, они были в опасности.

"Во время персидских войн Афины были ограниченной демократией, магистратуры располагались в соответствии с имущественным цензом. Дух послушания и дисциплины преобладал в те дни и был усилен страхом перед Персией. Население охотно подчинялось законам, устанавливавшим художественные и музыкальные нормы. По этим правилам различные виды песен и аккомпанемента, гимны или молитвы богам, причитания, пеаны, дифирамбы и так далее, держались совершенно отдельно, никому не разрешалось смешивать их вместе; стандарт также не фиксировался, как сейчас, криками, топотом и беспорядочными аплодисментами толпы, но все слушали в тишине до конца пьесы, образованные классы с предпочтением, а мальчики и их пайдагоги, и толпа в целом, под руководством жезла. Таким образом, масса горожан была готова повиноваться в организованном порядке, не осмеливаясь высказывать шумные критические замечания. Со временем некоторые поэты, которым следовало бы знать, что лучше, пошли по пути разрушения этих законов. Охваченные жадой наслаждений, они смешивали плачи с гимнами, пеаны с дифирамбами, подражали флейте и лире, путали все со всем остальным. Слепленные невежеством, они лгали и говорили, что в музыке не существует вопроса о точности передачи: единственным стандартом является удовольствие слушателя, каким бы человеком он ни был. С таким стилем поэзии и соответствующими аргументами они внушили многим презрение к законам искусства и дали им понять, что они способны критиковать его. Таким образом, публика уже не молчала, а шумела, поскольку полагала, что знает, что хорошо, а что плохо. Искусство больше не подчинялось хорошему вкусу, а подчинялось дурному вкусу толпы. И это было еще не самое худшее. Из искусства зараза перекинулась на другие сферы, и каждый стал думать, что знает все, а значит, нарушать законы. Ибо, считая себя мудрее законов, они перестали их бояться.... Далее следует отказ повиноваться архонтам, затем презрение к приказам родителей и старших, затем желание быть свободным от ограничений конституции. В итоге - полное презрение к клятвам, заветам и богам".

Именно отсутствие порядка и системы в современной музыке не нравится Платону.[708] В современных танцах, жалуется он, мужественные слова накладываются на развратные мелодии или жесты, а голоса людей, зверей и инструментов смешиваются в неразборчивую мешанину.[709] Музыка без слов столь же отвратительна. Музыка, которая несется без положенных пауз и любит лишь скорость и бессмысленный шум, используя флейты и арфы без слов, - это музыка худшего вкуса. Смысл должен быть совершенно ясен.

Музыка также должна быть хорошей. Поэты говорят много хорошего и много плохого: они безответственные существа.[710] Государство должно назначить цензоров, которые будут отсеивать все неподходящие стихи, мелодии и танцы. Те, что уже существуют, должны быть отобраны и изгнаны. Если это испортит поэзию, неважно: моральный тон гораздо важнее поэтического мастерства. По сути, стихи должны писать нравственные граждане, не обращая внимания на их поэтические таланты: было бы хорошо, если бы они не сочиняли до

пятидесяти лет! [711] Зарисовка платоновского цензора, пересматривающего Гомера, дана в книгах ii и iii "Республики": его методы радикальны.

Но главное осуждение Платона относится к "миметическому" или подражательному аспекту поэзии. Поэт учит "позировать". Гомер, описывая осаду Трои, выдает себя за искусного тактика (как часто утверждали его поклонники), хотя на самом деле молчание истории доказывает, что он не был ничем подобным. Так и художник, изображающий плуг, выдает себя за авторитета в области сельского хозяйства: спросите его, и он окажется совершенно невежественным в этом вопросе. И поэзия, и живопись - это мошенничество и обман; выдавая себя за знатока, они поощряют привычку ума, к которой он так склонен, принимать смутные мнения за несомненные, не проверяя их истинности. [712] Они способствуют той вере в чувственные восприятия, которую платоновское образование призвано уничтожить.

Но поэт не только позирует сам: он заставляет позировать свою аудиторию, своего читателя, своего исполнителя. Мальчик, произносящий предсмертную речь Айаса в пьесе Софокла, позирует как Айас, притворяется Айасом, перенимает тон и черты Айаса. Мальчик, танцующий в дифирамбе Семеле, пытается проникнуть в чувства и настроения Семеле, в чем ему помогают и музыка, и жесты, и слова. [713] Такое позирование, начатое в раннем возрасте, вторгается в характер и меняет его: мальчик становится похожим на тех, кого он привык изображать. Поэтому Платон устанавливает строгие законы, касающиеся декламации и танцев молодых. [714] "Если они говорят в образе, то это должно быть только в образе тех, кем они сами должны быть, когда вырастут, - храбрыми, умеренными, благочестивыми господами. Они не должны обладать умением брать неподходящих персонажей, чтобы не заразиться реальностью пошлости и подлости от их драматического изображения. Ибо подражание, начатое в раннем возрасте и далеко зашедшее, проникает в привычки и характер мальчика, влияет на его голос, жесты и идеи.... Поэтому мальчикам нельзя позволять принимать образ женщины, молодой или старой, оскорбляющей своего мужа, хулящей богов или произносящей причитания, - конечно, не женщины в болезни, любви или муках; не характер рабов, выполняющих рабские обязанности; не плохих людей, трусов, оскорбляющих или насмехающихся друг над другом, употребляющих нецензурные выражения, пьяных или трезвых; и тем более не сумасшедших". [715] Как видно, это исключает большую часть эллинской драмы, особенно пьесы Еврипида и Аристофана. Комедия, по мнению Платона, должна исполняться только иностранцами и служить грозным предупреждением обо всем, чего не должен делать джентльмен. Новая музыка подчиняется аналогичным правилам. "Мальчики не должны подражать ни кузнецам в кузнице, ни ремесленникам, занятым каким-либо ремеслом, ни морякам, гребущим, ни боцманам, отдающим им приказы, ни чему-либо подобному; ни ржанию лошадей, ни реву быков, ни шуму рек или моря, ни грому, ни ветру, ни граду, ни колесницам, ни шкивам, ни трубам, ни флейтам, ни трубам...; ни звукам, издаваемым собаками, овцами и птицами". Поэтому правильным стилем поэзии для образовательных целей будет в основном повествование, а иногда и драматизация добродетельных людей. Для сопровождения этой упрощенной и очищенной поэзии потребуются только дорийская и фригийская "гармонии": все остальные могут быть отвергнуты. Нужны только простые инструменты: многострунные лиры и флейта могут быть изгнаны. Семиструнная лира и пастушья труба будут оставлены.

Платону слишком трудно перенести эти принципы на ритм, поскольку он не специалист в этом вопросе. Но он считает, что метры можно было бы регулировать в соответствии с его канонами; эксперт Дамон заявил, что некоторые из них имеют деморализующую тенденцию.

В целом, цель Платона - восстановить дорические стандарты, бороться с дилетантизмом и баловством, благодаря которым мальчики превращались в мастеров на все руки, и, прежде

всего, настаивать на том, что утонченные немногие должны задавать стандарты вкуса в музыкальных, литературных и художественных вопросах, а не утонченные многие. С его мнением можно сравнить хвастовство Перикла перед афинским народом: "Мы все можем адекватно критиковать, если не можем все изобретать", и веру Аристотеля в то, что толпа судит лучше, чем отдельный человек, потому что ее суждения складываются из многих суждений.

Но когда мы переходим к Аристотелю, творческий инстинкт эллинской нации, за исключением нескольких одаренных личностей, оказывается мертвым. Для него и его современников музыка и живопись больше не являются необходимыми частями образования из-за непреодолимой тяги художественного темперамента к самовыражению. Послушайте его теорию. Живопись дает мальчикам способность видеть красоту и предохраняет их от обмана при торговле произведениями искусства: нет никакого внутреннего принуждения к рисованию. Мальчикам лучше учиться петь и играть, ведь дети должны шуметь. Все, что им действительно нужно, - это способность критиковать профессиональную музыку. Эту способность, к сожалению, невозможно приобрести без личного обучения. Но пусть они бросят свою музыку как можно скорее, иначе их могут принять за вульгарных профессионалов". Такие слова вряд ли могли быть адресованы народу, который все еще был музыкален и артистичен. Таким образом, эстетическая критика Аристотеля - это исследование прошлого, рассуждения о мертвой эпохе. Сам он не испытывает естественного влечения к подобным вещам: он предпочитает суммировать мнения экспертов. Поэтому его замечания на эту тему научны, но не более того; чтобы по-настоящему оценить эллинский художественный и музыкальный дух, нужно обратиться к Платону, который так яростно боролся с ним только потому, что больше сочувствовал ему, чем это соответствовало его философским желаниям.

ПЛАТА Х. А.

В ШКОЛЕ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

С кулича Евфрония, хранящегося в Лувре. Мейстершалены Хартвига, лист 53.

ПЛАТА Х. В.

В ШКОЛЕ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

С кулича Евфрония, хранящегося в Лувре. Мастершалены Хартвига, пластина 53.

[680] Характерные черты описаны в Thuc. i. 70. См. разницу между Флоренцией и Венецией в Италии эпохи Возрождения.

[681] См. также Thuc. i. 6; Athen. 512 Г. ДО Н.Э.

[682] Несомненно, у всех теоретиков был смертельный соблазн судить о гармонии по тому мнению, которое они имели о расе, которая ее произвела. Возможно, в IV веке лидийцы восстановили свой престиж, поскольку в их состав входил Кариан, а Кария стала великой державой при Мавсоле.

[683] Афины. 624 С.

[684] Это единственная истинно эллинская гармония (Платон, Lach. 188 D).

[685] Мнение Платона о гармониях содержится в Rep. 398-399. Аристотель, который исповедует лишь обобщение мнений специалистов, обсуждает их в Pol. viii. 7.

[686] Платон, по-видимому, принимает этот принцип в отношении корубантских танцев (Законы, 790 D).

[687] Athen. 624 b.

[688] Pind. P. 5. 60-63. Ср. историю Саула и Давида.

[689] Athen. 624 a.

[690] Plut. Luk. 4.

[691] Pol. iv. 20. 2.

[692] Plato, Rep. 399 A.

[693] Лондонцы должны искренне надеяться, что эллинская теория ложна.

[694] Aristot. Rhet. ii. 21. 16.

[695] Plato, Rep. 401 B.

[696] Поэтическое образование, вероятно, развивает воображение в ущерб логическому уму. Платон является хорошим примером этого: его воображение, против его воли, перевешивает его разум. Возможно, именно этот личный опыт придает столько горечи его нападка на поэзию.

[697] Plut. Solon, 29. 30.

[698] Дети имеют естественную склонность к действию и не нуждаются в побуждениях или наставлениях.

[699] Plato, Rep. 424 C.

[700] Так в позднем Ренессансе "Мадонна" - это жена художника.

[701] Согласно д-ру Верраллу.

[702] Aristoph. Лягушки, 1301, 1340.

[703] Ионицизм = Гераклитеизм, πάντα ῥεῖ. Дорицизм = парменидеанство, τὸ πᾶν μένει.

[704] Plato, Gorg. 501-502; Polit. 288 C.

[705] Платон, Законы, 657-659.

[706] Ibid. 656.

[707] Ibid. 698-701 C.

[708] Сущность танца в том, что он есть *упорядоченное* движение; пения - в том, что оно есть *упорядоченный* звук (Законы, 654).

[709] Платон, Законы, 669-70.

[710] Ibid. 800-802.

[711] Ibid. 829 c.

[712] Следовательно, художник и поэт, по мнению Платона, являются союзниками софиста.

[713] В меньшей степени это относится и к зрителям. Ср. рассказ Плутарха о спартамцах (Lac. Inst. 239 A): "Они не слушали ни трагедий, ни комедий, чтобы ни всерьез, ни в шутку не слышать, как люди пререкают законы".

[714] Plato, Rep. 395 ff.

[715] Платон считает, что никто не любит подражать своим низшим; так и хороший человек не будет заботиться о том, чтобы подражать кому-либо, кроме хорошего. Такое отношение он приписывает Божеству.

ГЛАВА X

КСЕНОФОНТ: "ВОСПИТАНИЕ КУРОСА"

Центральной фигурой во многих приходах Англии является отставной генерал-майор или полковник. Он является главной опорой соседней церкви, читает уроки по воскресеньям, преподает в воскресной школе, раздает призы на школьных праздниках, проводимых на его территории, и возглавляет все подписные листы; а свой досуг посвящает составлению пары военных мемуаров и, возможно, если он очень литературный, нескольких коротких рассказов. Именно таким человеком был Ксенофонт. Уйдя с действительной службы, он удалился в маленькую деревушку Скиллус в Элисе, где у него был дом и парк. Вся страна кишела рыбой и дичью, так что он и его сыновья могли охотиться сколько угодно. Гостей было много, ведь мимо его ворот проходила большая дорога из Лакедаймоны в Олимпию. На своей территории он построил часовню Артемиде, расходы на которую покрывались из десятины добычи, захваченной им в сердце Персидской империи. Десятая часть урожая с его земли выплачивалась богине, а раз в год он устраивал в ее честь большой жертвенный пир, на который приглашались все соседи. Так отставной генерал прожил двадцать лет, посвятив себя религии, охоте и написанию книг. Имея двух собственных сыновей, он, естественно, уделял некоторое внимание проблемам образования. Его трактат о конституции Лакедаймоны - это просто набросок спартанской школьной системы, несомненно, предназначенный для его мальчиков, которые воспитывались в Спарте. Любопытный отрывок из его "Экономики"[716] показывает, что он считал наиболее эффективным способом обучения серию обращений, посредством вопросов и ответов, к личным наблюдениям и здравому смыслу. Исомахос спрашивает Сократа, знает ли он, как сажать деревья. Сократ сначала отвечает "нет", но когда его спрашивают по пунктам, заметил ли он во время своих экскурсий в Лукабеттос глубину траншей в садах и другие подобные детали, и когда его здравый смысл показал ему, что растения быстрее растут в мягкой, чем в твердой почве, он обнаруживает, что является опытным садовником, и решает, что вопрос должен быть способом обучения.

Но самое важное из педагогических произведений Ксенофонта - "Воспитание Куроса". В ней он становится классической мисс Эджворт и Хенти вместе взятыми. Книга представляет собой исторический роман, в основном беллетристический, в котором воплощены нравоучительная история для молодежи, идеальная система воспитания и практический трактат о всех обязанностях генерала. Идеальная система идет первой, в качестве своего рода предисловия, и представляет собой любопытную параллель с конкурирующими схемами его современника Платона. Ксенофонт заставляет читателя предположить, что его система практиковалась в Персии во времена детства Куроса, но у него нет никаких оснований для такого утверждения. Персия в данном случае - удобное название для Утопии.

Обычное государство, по словам Ксенофонта, оставляет своих граждан формировать собственные характеры; но персидская система определенно нацелена на воспитание добродетели. В каждом персидском городе есть так называемая "Свободная агора".[717] Это открытая площадь, похожая на обычный рынок, но не похожая на него тем, что здесь нет магазинов и киосков, потому что вульгарная суeta и шум купли-продажи здесь запрещены, как способные нарушить мир и спокойствие образованных людей. Вокруг нее расположены королевский дворец и государственные здания, так что это место имеет некоторые архитектурные претензии и не похоже на четырехугольник колледжа в английском университете. Площадь разделена на четыре части - одна для детей, другая для эфебов, третья для взрослых мужчин и четвертая для стариков; ведь в этом колледже есть место мужчинам всех возрастов. Любой перс имеет право отправить своего сына в школу, но

только богатые могут позволить себе содержать своих сыновей, пока они посещают занятия: дети бедняков в утопической Персии, как и в современной Англии, должны с ранних лет зарабатывать себе на жизнь трудом. Школы, очевидно, предназначены только для мальчиков: Ксенофонту нечего сказать о женском образовании, хотя он одобряет спартанскую систему.

Всех мальчиков до шестнадцати лет объединяют в двенадцать рот, по числу персидских племен; о распределении по классам по возрасту или интеллекту ничего не говорится. Они должны быть в своем квартале Свободной Агоры с рассветом. Их обучение проходит под контролем двенадцати наставников, выбранных из старших мужчин. В школе они изучают *правосудие*, как мальчики в других местах изучают буквы. Система обучения столь же любопытна, как и сам предмет. Создается что-то вроде миниатюрного суда, где хозяева выступают в роли судей, а мальчики обвиняют друг друга перед ними. Обвинения не должны быть выдуманы для случая, так как любой, уличенный в ложных обвинениях против школьного товарища, подвергается суровому наказанию. Смит-Майор украл лук и стрелы Брауна, или Джонс обозвал Робинзона разными нелицеприятными именами; виновных доставляют в трибунал, судят и, если осудят, пороть.^[718] Особенно страшным преступлением считается неблагодарность. Похоже, что перспективным ученикам иногда разрешали выступать в роли судей. Мальчик Курос рассказывает своей матери, как он удостоился такой чести и однажды вынес неверный вердикт, к собственному огорчению. "Дело было так, мама, - рассказывает он. "Большой мальчик в маленьком плаще встретил маленького мальчика в большом плаще и заставил его обменяться. Мне было велено решить дело, и я сказал, что лучше, чтобы каждый получил ту шубу, которая ему подходит. Тогда хозяин выпорол меня. Ведь вопрос был в том, кому принадлежит большая шуба, а не в том, кому она больше подходит. Оно принадлежало тому, кто его купил или сделал, а не тому, кто взял его силой, нарушив закон".

Помимо "Справедливости", детей учили свойствам растений, чтобы они могли избегать вредных и использовать полезные.^[719] Это кажется любопытным предвосхищением "Изучения природы", имеющего строго утилитарную цель, и Ксенофонт заслуживает похвалы за оригинальное предложение.

В формировании хороших привычек мальчикам помогает наблюдение за старшими в соседнем квартале Свободной Агоры, которые подают им пример воздержанности, послушания и самоограничения. Они также учатся не быть жадными, принимая пищу, когда им предписано, в школе, под присмотром, из очень простых продуктов: хлеба, воды и семян, напоминающих современную горчицу, - все, что им разрешено приносить с собой из дома для этой цели. Более того, это, вероятно, была единственная еда, которую дети ели в такие дни. Должно быть, это был довольно жесткий урок воздержания! Как бы они ненавидели хозяина, который слишком часто приказывал им это делать! Из игр и упражнений у них были стрельба из лука и метание копья - то есть военная подготовка.

Остальные три возраста также организованы каждый под началом двенадцати мастеров в своем квартале Агоры образования. Эфебои, к которым в Утопии относятся все от шестнадцати до двадцати шести лет, даже спят там, выступая в качестве постоянной армии и полиции, охраняющей дворец и государственные здания. Ксенофонт считает, что мужчины этого возраста, которые, по его мнению, нуждаются в большем внимании, чем даже мальчики, должны быть всегда под присмотром властей. Они разделены на двенадцать рот, по одной от каждого из персидских племен. Их время в основном занято полицейской работой, например, поимкой разбойников, и охотой. Ксенофонт придает большое значение всевозможным видам охоты как лучшей подготовке к войне.^[720] Ведь она предполагает

воздействие жары и холода и другие тяготы, обучение маршировке и бегу, мастерство владения луком и копьем;^[721] она также требует мужества, чтобы встретить внезапное нападение пантеры, и долгой и терпеливой стратегии, чтобы поймать птиц и зайцев.^[722] Поэтому несколько раз в месяц царь выходит на охоту и берет с собой шесть рот эфебев, вооруженных луком и стрелами, кинжалом, легким щитом и двумя копьями - одним для метания, другим для колющего удара. Когда эфебои не заняты охотой или полицейской работой, они повторяют то, чему научились в детстве, и упражняются в стрельбе, соревнуясь друг с другом; устраиваются также публичные состязания с призами. Призы также вручаются офицеру, возглавляющему роту, которая проявляет себя наиболее умной, смелой и надежной; мастер, обучавший эту роту в школьные годы, также получает благодарность.

Мужчины от двадцати шести до пятидесяти лет занимают третий, а старейшины - четвертый квартал Агоры. Первые выступают в качестве постоянной армии тяжелой пехоты, вторые - в качестве резерва для обороны дома, судей, выборщиков на государственные должности и учителей детей. Остальные должности заполняются к третьему возрасту. Любой свободнорожденный перс может подняться по этой четырехступенчатой лестнице образования на самый верх; но никто не может перейти в более высокий класс, не отслужив полный срок в тех, что находятся ниже. Ксенофону, по-видимому, принадлежит заслуга первого теоретика, признавшего достоинства фессалийского обычая "свободной агоры", центра культуры, предоставляемого государством, который впоследствии был так широко распространен в Александрии, где образованные классы всех возрастов могли встречаться в интеллектуальной атмосфере и среди прекрасной обстановки, обеспечивая обмен и обмен идеями путем личного общения, который Ньюмен считал сущностью университета. В Свободной Агоре утопической Персии все образованные люди проводят свои дни, влияя друг на друга разговорами и примером, обмениваясь и критикуя идеи, соревнуясь в воинственных упражнениях - и все это в атмосфере, незапятнанной пошлостью зарабатывания денег. С другой стороны, культура там не означает праздность; для Ксенофонта, как и для Платона, образование, похоже, влекло за собой большие обязанности, а образованные классы составляют единственную постоянную армию государства и должны приносить пользу своим соотечественникам, выступая в роли правителей и судей.

Но университет Ксенофонта дает только юридическое и военное образование; интеллектуальная культура в его "Персии" не признается. Мальчики изучают принципы национального права, ибо, как тщательно подчеркивает Ксенофонт, справедливость, которой их учат, - это не платоновские изыски, а простое соответствие закону страны.^[723] Другие уроки направлены исключительно на жизнь солдата: это цель их суровой диеты, ботаники и обучения владению оружием. Общая мораль должна быть усвоена из общения на Агоре с их образцовыми старшими, а не путем этического созерцания. Достоинством этой системы является ее практичность, чего и следовало ожидать от человека, принадлежащего к племени Ксенофонта. Мальчики должны быть воинами всю свою жизнь, а в старости - правителями и судьями. Следовательно, их нужно учить только тому, что необходимо для этого призвания. Солдат должен хорошо владеть оружием и уметь переносить трудности; поэтому мальчиков учат пользоваться луком и копьем и вести суровую простую жизнь. Главное, что необходимо правителю и судье, - это глубокое знание национального законодательства: мальчиков учат праву с самого начала, причем с большой практической пользой, и даже учат его применять, выступая в роли судей для своих товарищей по школе. Невозможно придумать лучшего средства для обучения мальчиков юридической процедуре их родной страны, чем это превращение их в миниатюрный суд.^[724] Однако такая схема противоречит всей идее английской публичной школы, где мальчики должны сами бороться

и задавать тон, не прибегая к помощи учителя, за исключением серьезных случаев. Но эллинский мальчик никогда не оставался без присмотра: пайдагос или кто-то из старших всегда был рядом.^[725] Вероятно, главная критика, которую афинянину того времени пришлось бы в голову выдвинуть против системы Ксенофонта, заключалась бы не в том, что она поощряет болтливость или не учит самостоятельности, а в том, что его соотечественники и без всякого обучения достаточно склонны к тяжбам. Отсутствие литературы и музыки также казалось бы фатальным возражением.

Персидские школы, очевидно, открыты бесплатно для любого мальчика, чей отец решит отправить его туда. Единственные расходы, которые несут родители, - это потеря заработной платы, которую сын мог бы получать, если бы занялся ремеслом, а не был отправлен в школу. Таким образом, Ксенофонт вводит бесплатное образование без принуждения. Ученики могут быть отчислены в любом возрасте; если у них или у их семей достаточно личных средств, чтобы всю жизнь жить безбедно, они могут подняться по различным ступеням до самых высоких государственных должностей, при условии, что их не отвергнут как непригодных во время их продвижения вверх. Теоретически образовательная лестница открыта для всех, практически же она закрыта для всех, кроме тех, кто хорошо обеспечен и достаточно способен к этому. Но получаемое образование - это не общая культура, интеллектуально и нравственно полезная для всех детей, и не утилитарные знания, такие как арифметика или письмо, которые послужат полезной или даже необходимой основой для профессии или ремесла: это сугубо техническое образование для работы на войне и в правительстве. Поэтому немногие родители отдали бы своих мальчиков в школы Ксенофонта, во всяком случае, на более длительный срок, чем требуется для изучения лишь зачатков национального права и морали, если только они не предназначали их для государственной карьеры.

Таким образом, Ксенофонт, как и его любимые спартанцы, сделал войну главным предметом воспитания и, подобно римлянам, использует закон в качестве главного инструмента обучения. Но он видел недостатки спартанских "месс-клубов", и его мальчики едят и спят, как правило, дома; только эфебои, как на Крите, обедают и спят всегда на агоре. Главная его заслуга в том, что он признал, что для учебного заведения необходима атмосфера, *εὐκοσμία τῶν περὶ αὐτοὺς*, свободная от ассоциаций, связанных с добыванием денег.

После этого интересного очерка о воспитательных идеалах Ксенофонта "Воспитание Куроса" становится историческим романом с целью, идеализированный Курос выступает в качестве примера на протяжении всего времени. В первой книге он описывается как образцовый мальчик, вежливый со старшими, быстро и охотно обучающийся, храбрый, порывистый, любимый всеми, но довольно придирчивый. Описание изобилует анекдотами и маленькими поучениями. Книга завершается лекцией об обязанностях полководца, посвященной тактике, наилучшим способам обучения армии и снабжения. Ксенофонт вложил в нее весь свой личный опыт, и в ней много приключений, чтобы сделать книгу приятной для юных читателей.

Несколько выдержек помогут понять особенности этого любопытного произведения.

Когда Курос был совсем маленьким, он вместе со своей матерью Мандане отправился погостить к своему деду Астуагесу, царю Медии. Старик, думая, что мальчик будет тосковать по дому, и желая утешить его, в первый же вечер послал за ним за ужином и поставил перед ним всевозможные богатые блюда с мясом и соусами. Тогда Курос сказал: "Дедушка, тебе, наверное, очень неприятно, что приходится угощаться столькими блюдами и пробовать столько разной еды". Дедушка ответил: "А что, разве ты не считаешь, что этот обед гораздо

вкуснее, чем тот, что ты получаешь дома?" "Нет, дедушка, - ответил Курос, - дома мы удовлетворяем свой аппетит коротким путем, просто хлебом и мясом, а здесь, хотя цель одна и та же, ты так много петляешь по дороге, что тебе требуется гораздо больше времени, чтобы достичь ее". "Но, мой мальчик, задержка доставляет только удовольствие, как ты убедишься, если попробуешь". Курос, однако, упорно отказывался от бесполезных лакомств, и дед компенсировал ему это огромным количеством мяса. "Неужели все это предназначено для меня, - спросил Курос, - чтобы я делал с ним все, что захочу?" "Да, мой мальчик". Тогда Курос взял мясо и раздал его слугам, ожидавшим за столом, сказав одному: "Это за то, что ты научил меня ездить верхом"; другому: "Это за то, что ты подарил мне копье"; третьему: "Это за то, что я так хорошо ждал своего деда". Из этого примера юный читатель, несомненно, научился не желать слишком много блюд или слишком богатых сладостей за столом, а также, возможно, быть благодарным всем, даже слугам. После этого Курос остался в Медия, а его мать вернулась домой. "Он скоро завоевал любовь своих школьных товарищей и совершенно очаровал их родителей, когда был приглашен к ним в дом, своей привязанностью, которую он проявлял к их сыновьям". Хорошая мораль для маленьких мальчиков, которые ходят на вечеринки.

Этот примерный мальчик не умирает молодым, а взрослеет. В детстве он был довольно болтливым (предупреждение для юных читателей), но только благодаря своей тяге к знаниям и готовности отвечать на вопросы; кроме того, он так мило болтал, что слушать его было одно удовольствие. Но с возрастом он становился все более застенчивым. "Он всегда краснел, когда встречал старших, и говорил тише. Когда он играл со своими школьными товарищами, он выбирал игры, в которых ожидал быть побежденным, а не те, в которых рассчитывал выиграть; и он всегда был готов посмеяться над собой, когда его побеждали". Образцовый юноша! Конечно, вскоре он стал чемпионом во всех видах спорта, как и в современной книге такого рода, он выиграл бы по меньшей мере пять "Блюз".

Далее Курос предстает в роли могучего охотника, а затем в возрасте пятнадцати лет принимает участие в битве с ассирийцами; по сути, именно его стратегия и доблесть решают исход битвы. Чего еще можно желать от книги для мальчиков? Современный автор дал бы ему медведя гризли, льва и вице-короля: Ксенофонт дает ему персидские эквиваленты.

После этого о детстве Куроса больше ничего не говорится. Далее он предстает перед нами двадцатилетним мужчиной, только что назначенным командиром персидской экспедиции в Медию против ассирийцев.^[726] Отныне целью Ксенофонта становится не мораль, а обучение начинающих полководцев и князей стратегии и управлению государством. Оставшиеся книги представляют собой "Руководство по тактике, с советами по правильному обращению с нижестоящими"; поэтому они вполне уместно начинаются с длинной лекции отца Куроса обо всех обязанностях полководца.^[727] Однако среди тактических приемов есть немало нравоучительных советов и аллегорий. Например, некий Гобруас пришел пообедать в персидскую армию. "Увидев, насколько простой была еда, он счел персов довольно *буржуазными*. Но затем он заметил, какие хорошие манеры были у гостей. Ни один образованный перс не позволит себе смотреть на блюдо, торопливо угощаться, или вести себя за столом без должного размышления. Ведь они считают свинством возбуждаться от присутствия еды или питья. Он также заметил, что они никогда не задавали друг другу вопросов, которые могли бы причинить боль, что их шутки никогда не были злыми или их остроумие грубым, что все, что они делали, было в лучшем вкусе, и что они никогда не выходили из себя друг с другом". И так далее. "Манеры для мужчин", можно сказать, Ксенофонт.

Любопытный случай аллегории, который хорошо показывает, насколько вымышлена большая часть истории, можно найти в третьей книге.[728] Сын царя Армении имел в качестве товарища и воспитателя некоего софиста, мудростью которого очень гордился. Но его отец осудил софиста за то, что тот развратил[729] мальчика. Когда его вели на казнь, тот показал, каким святым и героем он был, позвав мальчика и сказав: "Не гневайся на отца за то, что он предал меня смерти. Ведь он сделал это не по злему умыслу, а по незнанию. Все грехи, которые люди совершают по неведению, я причисляю к невольным ошибкам". Позже отец признается, что предал софиста смерти за то, что тот украл у него привязанность сына, "ибо я боялся, что мой мальчик может полюбить его больше, чем меня". Курос признает, что такая ревность объяснима, и считает ее простительной.

Аналогия с Сократом очевидна для любого. Полуапология за афинский народ очень интересна в устах старого соратника Сократа Ксенофонта.

Но цель обучения Куроса - это, в конце концов, обучение генералитету. Достаточно привести несколько примеров того, как это делается. По одному случаю[730] Курос приказывает пешим кюйрасирам возглавить форсированный марш и любезно объясняет цель такого маневра. "Я отдаю этот приказ, - говорит он, - потому что они - самая тяжелая часть армии. Когда самая тяжелая часть находится в фургоне, очевидно, что другим частям, более легким, легко идти в ногу. Но если в ночном походе самый быстрый отряд идет впереди, неудивительно, что армия отстает, ведь авангард идет быстрее остальных". И снова Курос мог называть всех своих офицеров по имени, к их большому удивлению.[731] "Ибо он считал, что это очень нелепо, что торговцы должны знать имена всех своих инструментов, а генерал должен быть настолько глуп, чтобы не знать имен своих офицеров, которых он должен использовать как свои инструменты в самых серьезных чрезвычайных ситуациях. Солдаты, которые думали, что генерал знает их имена, по его мнению, охотнее совершали бы героические поступки в его присутствии и меньше играли бы в труса. Глупым казался и тот факт, что, когда он хотел что-то сделать, ему приходилось отдавать приказы, как это делают некоторые хозяева в своих домах: "Принесите мне воды, кто-нибудь" или "Нарубите дров, кто-нибудь". Ведь когда приказ адресован никому конкретно, каждый стоит и смотрит на своего соседа, ожидая, что тот его выполнит".

Военная часть выполнена очень хорошо. Ксенофонт был одним из немногих хороших стратегов, которых породила Эллада, и его замечания о тактике, гигиене армии и дисциплине здравы и полезны. Более того, его роман интересен и временами остроумен: это однозначно хорошее чтение. Он замаскировал свой порок в самом аппетитном варенье и с успехом справился с трудной задачей - написать роман с целью. Если бы в то время книги были распространены, его произведение было бы популярно и полезно в библиотеках для мальчиков, а также сослужило бы хорошую службу в качестве школьной премии. Но у Платона она вызвала лишь злобную и не очень глубокую критику, что она неисторична и несостоятельна.[732] "О Куросе, - говорит он, - я предполагаю, что, хотя он был хорошим полководцем и патриотом, он не получил ни малейшего образования и никогда не применял свой ум к искусству ведения домашнего хозяйства.[733] Так как он всю жизнь отсутствовал в походах, он предоставил женщинам воспитывать своих детей. Женщины избаловали мальчиков, не позволяя никому пререкаться с ними, и сделали их безвольными, не обучая их персидским привычкам или профессии отца, а мединской роскоши. Отсюда и крах Персии при Камбузах".

[716] Xen. Econ. 19.

[717] Аристотель (Pol. vii. 12) говорит, что в Фессалии были распространены "свободные агоры". Он перенимает эту систему для своего идеального государства - явный комплимент Ксенофону.

[718] Порка, очевидно, была частым явлением. "Слезы - орудие обучения" (ii. 2. 14).

[719] viii. 8. 14.

[720] Отсюда его трактат об охоте.

[721] i. 2. 10.

[722] i. 6. 39-40.

[723] i. 3. 17.

[724] Например, эксперимент, который, как я полагаю, был опробован в одной американской школе, где мальчики изучали национальную конституцию, сами избирая в установленной форме президента, конгресс и т. д.

[725] "Постоянное присутствие хозяев", по словам Ксенофонта, "лучше всего прививает должную скромность и дисциплину".

[726] i. 5. 5.

[727] i. 6. 1-46.

[728] iii. 1. 38.

[729] διαφθέρειν - слово, использованное в обвинении Сократа.

[730] v. 3. 37.

[731] v. 3. 46. Обратите внимание на сократовское сравнение.

[732] Платон, Законы, 694 C-D.

[733] Удар по "Экономике" Ксенофонта.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА XI

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК: ШКОЛЫ ЭЛЛАДЫ

В предыдущих главах было достаточно доказано, как мне кажется, что эллинское образование, как в Спарте, так и в Афинах, в теории и на практике было направлено на воспитание лучшего гражданина, а не лучшего добытчика денег; оно стремилось к благу общества, а не к благу отдельного человека. Методы и материалы воспитания, естественно, различались в зависимости от того, какой концепции достойной гражданственности придерживались в каждой местности, но идеальная цель всегда была одной и той же.

Спартанец со своим школьным представлением о жизни считал, что весь долг человека - быть храбрым, равнодушным к трудностям и боли, быть хорошим солдатом и всегда находиться в прекрасной физической форме; когда его эллинские инстинкты требовали эстетического удовлетворения, он превращал военные учения в музыкальный танец и пел песни в честь доблести. К длинным речам и долгим размышлениям он относился с презрением, так как предпочитал дела словам или мыслям, а суть ситуации всегда можно было выразить одним предложением. Эта спартанская концепция гражданственности определила цель спартанского воспитания. Ежедневные тяготы, бесконечные физические тренировки, вечные испытания на мужество и выносливость были уделом спартанского мальчика. Он не учился читать, писать или считать; его учили говорить только односложными словами или самыми короткими предложениями, ибо какая нужда спартанцу в письме или болтовне? Его воображение также должно было быть подчинено национальному идеалу: его танцы, его песни, его божества - все было военным.

Представления афинян об идеальном гражданине были гораздо шире и гораздо сложнее в достижении. Его не удовлетворяли удача и гармония физического развития: необходимо было в равной степени развивать ум и воображение, не жертвуя при этом телесным здоровьем. Он требовал от идеального гражданина совершенства тела, широкой умственной деятельности и культуры, безупречного вкуса. "Мы любим и стремимся к мудрости, но избегаем телесной лени; мы любим и стремимся к красоте, но избегаем дурного вкуса и расточительности", - провозглашает Перикл в своем кратком изложении афинских идеалов. Следовательно, афинское образование было тройственным по своим целям; его деятельность была разделена между телом, умом и вкусом. Тело молодого афинянина симметрично развивалось с помощью научно разработанных упражнений палестры. В восемнадцать лет государство навязывало ему два года физической подготовки за государственный счет. В последующей жизни он мог заниматься в общественных гимназиях без всякой платы; не было никакого принуждения, кроме вечной неизбежности военной службы, которая, однако, почти равнялась принуждению.

Что касается умственного образования, то каждый мальчик должен был научиться чтению, письму, арифметике и познакомиться с национальной литературой в той мере, в какой это требовалось. Другое направление начального образования - игра и пение, призванные развить музыкальный слух и вкус, - было необязательным, но им редко пренебрегали. Среднее образование, которое давали софисты, риторы и философы, предназначалось лишь для сравнительно немногих людей, имевших достаток и досуг.

Вкус и воображение воспитывались в музыкальных и художественных школах, но влияние театра, Акрополя, храмов и общественных памятников, танцев, сопровождавших каждый праздник и религиозное событие, было еще более сильным и действовало на всех одинаково. Этот эстетический аспект образования считался особенно важным в Элладе из-за распространенной идеи о том, что искусство и музыка оказывают сильное влияние на характер.

Ведь воспитание характера было прежде всего целью эллинского образования; именно этого эллины особенно требовали от школьного учителя. Они так твердо верили, что добродетели можно научить, что возлагали на учителя ответственность за любой последующий проступок его учеников. Алкивиад и Критий разрушили Афины: они были учениками Сократа, поэтому казните Сократа; афинянину это казалось совершенно логичным. Если софист подавал в суд на неплательщика за неоплаченный счет, его считали смешным, ведь его дело - учить справедливости, и если те, кто учился у него, вели себя несправедливо, то, очевидно, потому, что его учение было бесполезным.

Поскольку главной целью школ Эллады было воспитание и формирование характера молодых людей, естественно предположить, что директора школ и все остальные, кто должен был вступать в контакт с мальчиками, подбирались с особой тщательностью, уделяя особое внимание их репутации в области добродетели и поведения. В Спарте этот принцип, безусловно, соблюдался. Образованием управлял пайдонос, выбранный из граждан с самым высоким положением и репутацией, а преподавали не наемные иностранцы или рабы, а сами граждане под его руководством. Но в Спарте обучение касалось в основном нравов и обычаев государства или телесных и военных упражнений, известных каждому взрослому мужчине, и у граждан было много свободного времени. Афиняне находились в более сложном положении. Мальчику нужно было изучать больше предметов, и на некоторые из них у родителей могло не хватить ни сил, ни времени. Кроме того, из-за системы дневного обучения в Афинах и особенностей эллинских нравов мальчики нуждались в том, чтобы кто-то всегда был под рукой, чтобы отвести их в школу и из палестры. Таким образом, требовались как оплачиваемые учителя, так и помощники. Но также необходимо было не допустить, чтобы образование стало слишком дорогим, чтобы бедняки не смогли его себе позволить. Поэтому пайдагоги часто становились самыми дешевыми и никчемными рабами, а к школьным учителям как к классу относились с презрением. Несомненно, заботливые родители выбирали для своих сыновей отличных пайдагогов, школьных учителей и пайдотрибаев и делали этот выбор очень обдуманно: учителя в лучших школах и палестрах часто были людьми с положением и репутацией. Но в том, что к классу в целом относились с презрением, сомневаться не приходится. Дети шли в школу, как в любой другой магазин, с чувством собственного превосходства, приводили с собой своих питомцев, леопардов, кошек и собак, и играли с ними во время уроков. Бездельники и бездельницы приходили в школы и палестры, как в рыночные лавки, чтобы поболтать и поглазеть, серьезно мешая работе. Директора школ и пайдотрибаи в Афинах, по сути, слишком зависели от своей публики, чтобы занимать твердую позицию, и, несмотря на их право, которое они часто использовали, налагая телесные наказания, они, похоже, были явно во власти учеников и их друзей. Пайдагоги, хотя и следили за порядком среди своих учеников, часто были не теми людьми, которые могли бы контролировать поведение мальчика; они были склонны к злодейскому акценту и еще более злодейским привычкам. Следует признать, что афиняне, стремясь сделать образование дешевым, очень рисковали испортить то, что, по их мнению, было его главной целью - воспитание характера.

В остальном же они стремились к этой цели всей душой. Игры, физические упражнения и тяготы жизни мальчика должны были развивать его мужество, стойкость и выносливость. Ведь, согласно эллинским воззрениям, которыми сейчас многие пренебрегают, состояние тела и обращение с ним оказывали очень важное влияние как на умственную деятельность, так и на характер. Именно по этой причине физическая подготовка составляла не менее половины всех систем образования, которые практиковались в эллинских государствах или рекомендовались эллинскими философами. Национальная школа, которая тренировала бы только ум и пренебрегала телом учеников, была бы немыслима для эллина. Дело было не только в том, что физические недуги мешали свободному развитию мысли или приводили к раздражительности и отсутствию решимости. Для эллинов человек был единым целым, и одна его часть не могла быть здоровой, если не были здоровы другие. Они так сильно придерживались этого мнения, что более чем наполовину верили, что физическая красота является признаком нравственной красоты; именно эта скрытая идея придавала дополнительное значение упражнениям палестры с их симметричным развитием тела и конкурсам мужественной красоты, которые были распространены по всей стране; кроме того, она придавала более благородный аспект той страсти к внешней красоте молодости, которую так удивительно раскрывают вазы, скульптура и литература древней Эллады. Но,

помимо этой туманной и сомнительной связи с характером, телесные упражнения и развитие должны были иметь особый и неоспоримый эффект в укреплении решимости и силы воли. Физические упражнения лишь в малой степени были направлены на поддержание тела в хорошем состоянии; их главной целью было развитие силы характера, решительности, стойкости, выносливости, мужества и энергии. Но в соответствии с эллинским канонem "умеренности во всем", который был так тщательно разработан Аристотелем, всех этих этических качеств может быть как слишком много, так и слишком мало. Поэтому физические упражнения должны быть умеренными и тщательно сбалансированными с художественным и музыкальным образованием, которое действует в противоположном направлении, приводя, если им злоупотреблять, к слабости характера, нерешительности, женственности, трусости, и лени. Научно выверенная симметрия между этими двумя направлениями привела бы к созданию идеального характера.

В литературных и эстетических школах было два элемента преподаваемых предметов, оба с этическим эффектом, материя и форма. Литература, изучаемая в школах, должна была быть полна полезных советов и жизнеописаний героев, достойных подражания, изложенных в форме, наиболее привлекательной для юных умов, чтобы они могли оценить и полюбить ее учение и примеры. Музыка, которую мальчики играли или слышали, песни, которые они пели, танцы, которые они исполняли или смотрели, искусство, которое они копировали или наблюдали, должны были влиять на их характеры в лучшую сторону - формировать их, то есть в соответствии с национальным идеалом. Эллинская мораль была эстетской; они следовали тому, что привлекало их воображение и чувство прекрасного. Поэтому целью воспитания было заставить детей видеть и чувствовать красоту в добродетели, а хорошее искусство - в хорошей этике, чтобы они могли найти удовлетворение своих эстетских стремлений - доминирующего инстинкта эллина - в доброй и честной жизни.

Ибо единодушное чувство Эллады основывало этику не на долге, а на счастье - на удовлетворении, то есть, инстинктов. Но эта эвдемонистическая позиция была обусловлена важным соображением, о котором часто забывают. В силу солидарности эллинской жизни счастье, к которому стремились, было в первую очередь счастьем не отдельного человека, а общины. Готовность среднего эллина в лучший для страны период пожертвовать всем ради своего города весьма примечательна. Таким образом, реальной, пусть и неоформленной, основой его этики стало не личное удовольствие, а долг перед государством. Когда индивидуализм сократовской эпохи ниспроверг эту основу, эллины отступили от счастья государства к счастью самого себя, и от этой перемены пострадали и патриотизм, и личная мораль.

Именно чувство долга перед государством, стремление содействовать счастью всех граждан, заставляло родителей идти на любые жертвы ради того, чтобы их сыновья получили образование, которое наилучшим образом соответствовало бы этому идеалу. Счета мастеров письма и музыки и пайдотрибаев, длительная потеря услуг сына в лавке или на ферме в Аттике, разрыв семейной жизни в Спарте, должно быть, были тяжелым испытанием для родителей и требовали многих жертв. Однако здесь нет и следа недовольства. Эллин считал, что воспитать будущих граждан государства должным образом - такой же долг перед государством, как и быть готовым умереть за него, и он безропотно выполнял и то, и другое. Если законы, по которым обучение письму в Афинах было обязательным, пришли в упадок, то только потому, что граждане не нуждались в принуждении, чтобы заставить их выполнять свой долг. Государство также не должно было оплачивать школьные счета; ведь каждый гражданин, каким бы бедным он ни был, был готов пожертвовать личной роскошью и развлечениями, чтобы выполнить свой долг перед обществом, обеспечив своим детям

надлежащее образование. Государство вмешивалось только для того, чтобы сделать школьное образование как можно более дешевым и легким.

Солидарность эллинской жизни, которая превращала эвдемонизм в патриотизм, тщательно поощрялась системой образования. В Спарте с этой целью изобрели школу-пансион, где мальчики с ранних лет учились топить свою индивидуальность в общности характеров и интересов. Афиняне и большинство других эллинов, напротив, имели дневные школы. Казалось бы, этот факт может свидетельствовать против изложенного мною принципа. Но эллинский обычай квалифицировал систему дневных школ особым образом. В Элладе не было домашнего влияния. Люди жили вне дома. Молодой афинянин или эфесец, начиная с шестого года жизни, проводил весь день вне дома (за исключением, возможно, перерыва на обед в середине дня), в компании своих сверстников, в школе, на палестре или на улице. Когда он возвращался домой, домашней жизни не было. Его отца почти никогда не было в доме. Мать, жившая в женских апартаментах, была нелюдима, и он, вероятно, почти не видел ее. Его настоящим домом была палестра, его главными спутниками - его современники и пайдаго. Он научился отделяться от своей семьи и объединяться с согражданами. Несомненно, он многое терял от такой системы, но солидарность государства приобретала.

Обязанности гражданства внушались мальчикам и другими, более прямыми способами, особенно его высшая обязанность, во всяком случае, в те времена, - воинская служба. Школы Спарты и Крита были одной долгой подготовкой к войне. В других государствах два года жизни юноши, от восемнадцати до двадцати лет, отводились под призыв, в течение которых он находился на службе в своем городе и под командованием военных властей, изучал тактику и владение оружием, практиковался в жизни лагерей и крепостей. Молодой рекрут приносил торжественную присягу на верность своей стране и ее конституции: святость его гражданских обязанностей была внушена ему с самого начала. Первой функцией его новых офицеров было провести с ним, так сказать, личную экскурсию по национальным храмам, чтобы он мог понять что-то из религиозной жизни и истории своей страны. Его оружие было торжественно вручено ему в театре Дионуса, перед собравшимся народом; оно было священным, и потерять его в бою или опозорить трусостью было не только бесчестно, но и нечестиво. Мальчикам также не позволялось расти в неведении относительно конституции своего города: эфебос, достигший восемнадцати лет, должен был ознакомиться с законами, некоторые из которых он, вероятно, выучил в музыкальной школе, поставив на мелодию. Все средства были направлены на то, чтобы мальчики поняли, что они - члены общества, процветанию и счастью которого должны быть подчинены их собственные выгоды и удовольствия. Так воспитывалось сильное эллинское чувство обязанности полного самопожертвования во имя государства.

Но воспитание должно было также заботиться о счастье детей, как и о счастье общества, хотя и в меньшей степени. Это может показаться поразительным заявлением в отношении спартанского образования. Тем не менее я считаю, что оно строго соответствует действительности. Следует помнить, что все наши рассказы о строгости и ужасах спартанских методов исходят от афинских писателей, которые, по всей вероятности, никогда не бывали в Лакедаимоне. Ксенофонт, у которого там учились его сыновья, дает гораздо более мягкий и полностью хвалебный отзыв. Несколько гедонистически настроенный аттический посетитель, должно быть, наблюдал за спартанскими играми и упражнениями с такими же чувствами, как французский посетитель английской государственной школы; ему было трудно осознать, что мальчики подвергались таким тяготам по собственной воле. Тогда мы должны вспомнить, кем были спартанские мальчики. Это была отборная порода, отличавшаяся особой выносливостью, силой и здоровьем; на протяжении веков каждый

инвалид подвергался воздействию при рождении или отбраковывался как неспособный к школьной системе. Поколение за поколением обучалось быть толстокожими и выносливыми; мужество и выносливость передавались по наследству, а аскетизм был национальной чертой. Вся система, с ее вечными драками, грубыми играми, лишениями, походами в лес, - это как раз то, что мальчики такого рода, как можно ожидать, будут развивать в себе, потому что им это нравится. В своем рассказе о спартанских школах я уже отмечал, насколько схожи многие обычаи, которые развивались в старых английских государственных школах, в основном по инициативе самих мальчиков. Если английские мальчики, воспитанные в целом гораздо менее грубо, развивали такие обычаи по собственной воле, то можно с полным основанием предположить, что юные спартанцы с радостью их приняли. До наших дней дошел один важный признак этого. Жестокие и иногда смертельные порки эфебов у алтаря Артемиды Орфии были полностью добровольными со стороны жертв; однако недостатка в кандидатах не было даже во времена Плутарха. Спартанская школьная система была, по сути, точным выражением национальных особенностей, и, соответственно, была полностью приемлема для спартанских мальчиков.

То, что афинская система была разработана с учетом пожеланий афинских детей, установить не так сложно. Достаточно вспомнить, что представляли собой начальные школы. Когда буквы и зачатки чтения и письма были освоены, чему, возможно, способствовали метрические алфавиты и театрализованное правописание, мальчики начинали читать, учить наизусть и записывать увлекательные истории о приключениях и романтические сказания Гомера. Грамматику изучать не нужно было - ее придумали в более позднем возрасте, как добровольный предмет. Не нужно было тратить годы на "Начальное чтение", состоящее из скучных и второсортных историй. Мальчики сразу приступали к самой лучшей и привлекательной литературе на своем языке, и она оставалась предметом их изучения на протяжении многих лет, а в последующей жизни их по-прежнему помнили и любили. Нельзя сомневаться и в том, что музыкальные и художественные школы были привлекательны для афинских мальчиков, сыновей народа, который наполнил весь свой город искусством, а год превратил в круг музыкальных фестивалей. Значительную часть афинского школьного образования составляло то, что сейчас можно назвать игрой; эллин признавал важность физических упражнений в воспитании молодежи и включал их в свою концепцию образования.

То, что эллинская культура сделала образование привлекательным, имело далеко идущие последствия. Вместо того чтобы с отвращением или скучающим безразличием относиться к предметам, которые они изучали в школе, эллины испытывали к ним привязанность и продолжали заниматься и совершенствоваться в них. Всю свою жизнь они с удовольствием слушали чтение Гомера. На пирах они пели песни и играли на лире, которую изучали в школе. Пожилые мужчины возвращались к музыкальному мастеру, чтобы усовершенствовать свой стиль, или спешили послушать лекцию софиста по географии или астрономии. Упражнения палестры продолжались до тех пор, пока старость не делала их невозможными. Взрослые граждане сохраняли привязанность к образованию и продолжали заниматься самообразованием всю жизнь. Таким образом, эллинский город становился центром широко распространенной культуры, домом, где литература, искусство, музыка и научные исследования могли процветать в окружении ценителей и умелых критиков. Дети, видя, насколько их старшие были озабочены образованием, находили его даже более привлекательным, чем его создатели, поскольку они не были скованы логикой детского сада, видя в нем одну из бед молодости, от которой освобождались "взрослые". Несомненно, эллинскому школьному учителю в его стремлении сделать образование привлекательным очень помогало интеллектуальное любопытство, которое было характерно для всех тех

государств, где интеллект систематически тренировался. Молодой афинянин или юный хианец очень хотел учиться. На самом деле, его стремление было чрезмерным, он слишком торопился, хотел получить информацию в готовом виде, не имея терпения думать или проводить исследования самостоятельно. Отсюда феноменальный успех и педагогическая несостоятельность тех прототипов современных "зубрил", софистов, которые снабжали своих учеников поверхностными знаниями по многим предметам в готовом виде, да еще и облеченными в яркую фразеологию. Эта интеллектуальная тяга к накоплению фактов делала среднее образование в Афинах привлекательным без особых усилий со стороны учителей, но ей не позволялось влиять на начальные школы; здоровое и симметричное развитие ума и тела, художественного вкуса и морального облика должно было предшествовать накоплению фактов. Этот последний этап тоже повсеместно рассматривался как необязательный. В неинтеллектуальных районах ему не было места, и даже в Афинах он был только для тех, кто испытывал к нему желание; его не навязывали нежелающим и неспособным. Ведь образование рассматривалось как развитие скрытых способностей личности, это не было тщетной попыткой возбудить или привить несуществующие способности. У каждого человека было тело, которое он должен был сделать как можно более эффективным, чтобы служить государству; у каждого, в эстетском народе, был вкус, который можно было развивать; у каждого было достаточно интеллекта, чтобы выучить буквы; и у каждого, прежде всего, был характер, который нужно было сформировать. Но не каждый мог стать спортсменом международного класса, первоклассным художником или музыкантом, и не каждый обладал достаточными умственными способностями, чтобы сочетать накопление фактов с пользой или удовольствием.

На самом деле, эллинские настроения были явно против большого развития в каком-либо одном направлении: эллины испытывали обоснованный ужас перед излишней специализацией в школе. Целью образования было воспитание симметричных, всесторонне развитых людей, одинаковых телом, умом, характером и вкусом, а не профессиональных атлетов, которые были умственно пустыми и не ценили искусство, не великих мыслителей с чахлым телосложением, не знаменитых музыкантов, которым не хватало мозгов. Противники спартанской системы пытались осудить ее на этом основании, как специализацию, предназначенную только для производства хороших солдат; но сторонники спартанцев, похоже, утверждали в ответ, что она развивает и характер, и хороший вкус в оценке искусства и музыки, даже если она производит небольшие способности к живописи или игре, а лаконическая терпкость предполагает большую глубину умственных упражнений, чем афинская многословность.

Таким образом, эллинское образование не было направлено на получение профессиональных знаний по какому-то одному предмету; такое техническое обучение считалось недостойным названия образования и исключалось из школ. Изучаемые предметы были по большей части средством, а не целью. Как прогулка иногда совершается не ради достижения какого-то определенного места, а для того, чтобы поддерживать мышцы тела в хорошем состоянии, так и образование в Элладе было призвано развивать и упражнять мышцы ума, воображения и характера, а не прививать так называемую "полезную" информацию. Литература, которую читали в школе, была образной поэзией, как у Гомера или Симонида, а не практическими прозаическими трактатами по сельскому хозяйству и экономике, которых требовали бы утилитарные мотивы. Поэзия привлекала мальчиков и улучшала их характеры, в то время как справочники, какими бы прекрасными они ни были, лишь улучшали их финансовые перспективы. Конечно, ближайшее будущее отдельного мальчика может в значительной степени зависеть от утилитарных знаний, полученных им в школе, хотя правильное образование в эллинском смысле этого слова

окажется для него более выгодным в долгосрочной перспективе; но будущее государства зависит от характера его граждан. Поэтому подлинно национальное образование, как в Спарте или Афинах, направлено на воспитание характеров будущих граждан; сформировав их характеры, оно оставляет их с вполне обоснованной уверенностью в том, что они сами смогут получить необходимое техническое образование. В период национального кризиса Афины требовали от своих граждан не мастерства в ремесле или профессии, не хорошего сапожника или ткача, а мужества, энергии, самопожертвования, послушания и верности. Деньги, конечно, требовались для строительства трирем и укрепления города: поэтому было хорошо, чтобы афинская торговля и производство процветали. Но Афины понимали, и вполне справедливо, что их финансовые ресурсы будут лучше использоваться, если она воспитает своих мальчиков трудолюбивыми, бережливыми и аскетичными, если она сделает противным их вкусу спускать деньги на роскошь и самообольщение, чем если она создаст самую лучшую систему технического обучения, какая только возможна.

Но могли ли Спарта и Афины так полностью игнорировать технические и утилитарные предметы в своих школах, если бы они обучали все население государства, - это другой вопрос. Следует помнить, что спартанские и афинские граждане, посещавшие школы, составляли лишь малую часть жителей Лаконии и Аттики. Они довольно близко соответствовали высшим классам, аристократии и господам, современного государства. Основную массу среднего и низшего классов эллинского государства составляли либо иностранные иммигранты, которые не обладали гражданскими правами и, как правило, не посещали школы, либо крепостные и рабы. Афины, как и средневековая Флоренция, были демократией лишь в том ограниченном смысле, что их полноправные граждане - правящий класс, то есть всего лишь часть населения - обладали равенством гражданских прав между собой: остальные не имели никаких прав вообще. Спарта была "смешанной конституцией", но это не означало, что средний и низший классы, периоики и гелоты, имели в ней хоть какую-то долю.

Следовательно, образование в Элладе - это образование небольшого высшего класса, а не всего населения государства. Школы Эллады не обязательно для самых богатых жителей страны, ведь в Афинах было много богатых метойков и бедных граждан; не обязательно для мальчиков, у которых было больше всего досуга, ведь продавец сосисок ходит в школу так же, как Никиас или Алкивиад; но для наследственной родовой аристократии, ведь именно это и означает эллинское "гражданство". Мальчики, посещавшие уроки Дионусия или Элпиаса, были сыновьями и внуками культурного класса, какими бы скромными ни были их обстоятельства; их семьи жили в Аттике, по их мнению, с незапамятных времен и, вероятно, происходили от местных божеств. У них были взгляды наследственной касты, включая определенную увлеченность физическими и военными занятиями и презрение к торговле.

Ибо обязанности такой аристократии не заключались в накоплении богатства; их положение было сравнительно независимым от их финансовых успехов. Вкратце, их работа заключалась в том, чтобы управлять и воевать. Они составляли электорат государства, который выбирал магистратов; только они были членами общественного собрания; только они имели право занимать должности. Они заседали как дикастии - присяжные и судьи в одном лице - в судах; они принимали законы и они же их исполняли. В их руках находились национальная честь и мораль, поскольку они контролировали как внешнюю, так и внутреннюю политику государства. Они также составляли культурный круг, который управлял природным вкусом; именно их критика определяла искусство вазописцев, архитекторов, скульпторов, бронзовщиков и других бесчисленных ремесленников, стиль ораторов, литературу драматургов и дифирамбистов, музыку хорических композиторов. Когда требовались

губернаторы и администраторы в отдаленные районы Афинской или Спартанской империи или когда офицеры должны были вести местные войска в бой, их мог послать любой гражданин, богатый или бедный. В лучшие времена Эллады граждане также составляли основу флотов и армий. Целью эллинского образования было воспитание такого типа гражданина - человека, способного управлять, сражаться, определять вкус и стандарты своей страны.

Таким образом, школы Эллады соответствуют в Англии не национальным, а "общественным школам". Я не хочу утверждать, что английский школьник занимает в последующей жизни положение эллинского гражданина по отношению к основной массе населения. Английская демократия опирается на более широкую основу, чем афинская или флорентийская, и, во всяком случае, в теории, исключительной власти "высших классов" пришел конец. Тем не менее верно, что из числа мальчиков, получивших образование в государственных школах, происходит значительная часть генералов и военных офицеров, духовенства, сквайров, мировых судей и других служителей закона, губернаторов и чиновников, необходимых Индийской империи и различным зависимым территориям и колониям короны, членов парламента и государственных деятелей на родине. Если влияние государственных школ Англии на управление и борьбу нации меньше того, которое могли оказывать школы Эллады, то их влияние на национальный вкус и стандарты в искусстве, культуре и литературе, вероятно, ничуть не меньше. Поэтому их долг - воспитывать характеры своих учеников, чтобы они могли быть способными и умелыми администраторами, губернаторами и судьями, и их вкусы, чтобы их критика и требования могли правильно направлять культуру нации. Стремясь к достижению этих целей, государственные школы Англии могут, как мне кажется, взять несколько подсказок у школ Эллады с аналогичными мотивами.

КОНЕЦ

Отпечатано компанией "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.

Примечание транскриптора

Сноски были последовательно перенумерованы и перенесены в конец главы, в которой они встречаются. Диалект, устаревшие слова и опечатки оставлены без изменений. Исправлены очевидные ошибки печати, такие как перевернутые или частично напечатанные буквы. Добавлены пропущенные в конце предложений конечные точки. Транслитерация слов и фраз на греческом языке дана в виде вставок; наведите курсор на греческий и появится транслитерация.

- Следующие пункты были отмечены или изменены:
- В сносках [28], [291], [449], [537] и [548] есть два якоря. Сноска [585] имеет 3 якоря. Обратные ссылки ведут на первый якорь.
- В начале списка иллюстраций добавлено ненапечатанное "I".
- В сноске [513] неясно указана буква после 384; это может быть либо E, либо B.
- В сноске [651] заменена точка на запятую в списке: "... 466, 470".